
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 34 АВГУСТ 1979

Товарищ Л. И. Брежнев среди артековцев.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 34 (2719)

18 АВГУСТА 1979

ПИОНЕРСКИЙ

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС).

В ярком убранстве Всесоюзный пионерский лагерь «Артек» им. В. И. Ленина. Многотысячный отряд юных ленинцев Страны Советов и их сверстников из 73 стран мира открывает сегодня международный детский праздник. Праздник посвящен Международному году ребенка.

В гости к юным пионерам 9 августа приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Вместе с тов. Л. И. Брежневым у пионеров «Артека» в гостях были член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, первый секретарь Крымского обкома Компартии Украины В. С. Макаренко, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, первый секретарь Ялтинского горкома партии А. Д. Барвинский, секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Федулова.

На главной площади «Артека» дорогих гостей восторженно приветствовали пионеры — посланцы со всех континентов земли. Они с гордостью показали своим гостям прекрасный лагерь, где все создано для увлекательного и хорошего отдыха детей.

Л. И. Брежнев беседовал с ребятами, спрашивал об их успехах в учебе, об их интересах. Они увлеченно рассказывали о днях, проведенных в «Артеке», о своей дружбе с детьми из других стран.

На площадь выходят оркестры, раздается торжественный марш, возвещающий об открытии праздника. Дети бегут с трибун навстречу гостям с букетами цветов.

Над стадионом звучат слова Л. И. Брежнева, обращенные к юному поколению:

«Дорогие ребята! Юные друзья!

Я горячо и сердечно приветствую вас, всех детей мира — надежду и будущее планеты!

Мне приятно встретиться с вами, видеть ваши радостные лица, слышать ваши звонкие голоса. Вы говорите на разных языках, но понимаете друг друга, потому что нашли общий язык — язык дружбы.

Прекрасен девиз вашего праздника — «За счастливое детство в мирном мире!». Он очень подходит к этому году — Международному году ребенка.

Мир — это счастье детей, счастье всех людей. Без мира нет детства. Нет будущего. А ведь у миллионов и миллионов людей детство было украдено войнами. Очень важно, чтобы это никем не забывалось.

Каждое поколение вносит свой вклад в историю, и вам тоже предстоит писать свои страницы в биографию человечества. Настанет время, из рук старших вы примете эстафету социального и научного прогресса, возьмете на себя заботу о своей стране, о мире.

Взрослые мечтают, чтобы каждый из вас был счастлив, вырос настоящим человеком. Что это значит — стать настоящим человеком?

Это значит — верно служить идеалам свободы и справедливости. Любить свою Родину, свой народ, уважать всех, кто трудится, и хорошо трудится на благо общества. Быть нетерпимым к жестокости, злу, эксплуатации, ко всяким формам унижения человека.

Это значит — быть активным во всех проявлениях многообразной и сложной жизни, творчески и с внутренней убежденностью подходить к делу, как можно больше приносить пользы людям.

Это значит — быть честным, справедливым, верным в дружбе. Уважать человека, видеть в нем равного себе, на каком бы языке он ни говорил, какого бы цвета кожи ни был.

Это значит — уметь не только радоваться чудесам окружающего мира, но и видеть, как много предстоит сделать для того, чтобы жизнь стала лучше, мир — прочнее, люди — счастливее. Мужественно преодолевать трудности, от которых не избавлено ни одно поколение.

Все эти качества вы должны воспитывать в себе уже сейчас. Все начинается с детства! И начало всему — учеба, овладение знаниями, культурой.

Вот почему мы, люди старшего поколения, ваши друзья, говорим: учитесь, чтобы знать, учитесь, чтобы уметь, учитесь, чтобы творить и бороться за то, что близко вашему сердцу и вашей душе. Растите здоровыми, крепкими. Закаляйте себя в спорте, в походах, в труде. Будьте умными, смелыми, отзывчивыми. Становитесь в ряды борцов за народное дело, за мир на земле! Будьте настоящими людьми!

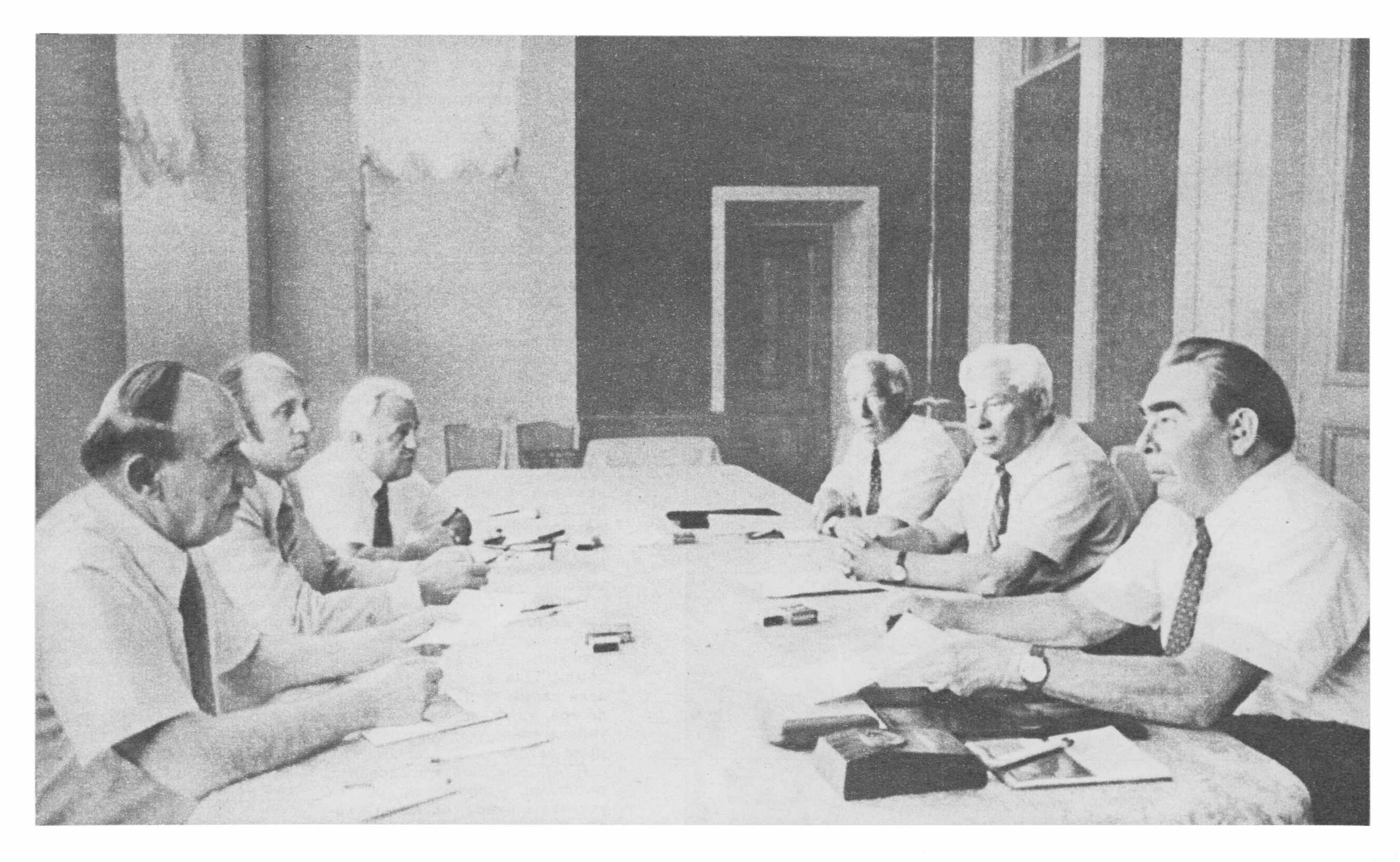
Радости вам, дорогие ребята, счастья, мира и доброго солнца!»

Все встают. Ребята горячо и долго аплодируют. Они скандируют: «Спасибо родной Коммунистической партии за наше радостное детство!», «Клянемся быть достойными нашей великой страны, нашей ленинской партии!».

Несколько часов продолжался этот праздник, полный радости и счастья.

(ТАСС).

«АРТЕК» ПРИВЕТСТВУЕТ Л. И. БРЕЖНЕВА

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Т. ЖИВКОВЫМ

8 августа в Крыму состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым, прибывшим в Советский Союз для кратковременного отдыха.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, секретарь ЦК БКП М. Балев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

Л. И. Брежнев и Т. Живков выразили удовлетворение уверенным развитием разностороннего советско-болгарского сотрудничества.

Л. И. Брежнев и Т. Живков обсудили возможности активизации борьбы за разоружение и ликвидацию кризисных ситуаций, от чего во многом зависит общее состояние международных дел. В этом контексте принципиально важным шагом является подписание Договора ОСВ-2.

Встреча товарищей Л. И. Брежнева и Т. Живкова прошла в обстановке сердечности, братской дружбы и полного единства взглядов.

На снимке: Во время встречи.

Телефото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ДРУЖЕСКАЯ БЕСЕДА

11 августа состоялась дружеская беседа Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом, возвращающимся на родину из поездки в Болгарию.

Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал с удовлетворением отметили, что всестороннее советско-монгольское сотрудничество продолжает приносить хорошие практические результаты. Новой совместной трудовой победой явилось досрочное сооружение пускового комплекса горно-обогатительного комбината «Эрдэнэт». Выполнена намеченная на текущую пятилетку программа освоения в МНР целинных земель. Постоянно укрепляется база для широких взаимовыгодных торгово-экономических отношений. В беседе выражалось стремление и в будущем тесно взаимодействовать в развитии производительных сил, промышленного и сельскохозяйственного производства, а также во всех других областях.

Обсуждая внешнеполитические проблемы, Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал констатировали, что СССР и МНР действуют в едином ключе на всех направлениях международной жизни. Особое внимание было уделено положению в Азии и на Дальнем Востоке. Была вновь подтверждена братская солидарность Советского Союза и Монголии с народами Вьетнама, Лаоса и Кампучии.

Беседа прошла в духе сердечности и полного взаимопонимания.

МОСКВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ XI

Лето в Москве, кажется, решило продлиться в честь участников и гостей XI Международного кинофестиваля. Столица приветливо встречает их исконным русским гостеприимством, присовокупляя к нему голубое небо, цветы, зелень скверов, веселые улыбки, доброжелательные и, что греха таить, более чем заинтересованные взгляды москвичей; в них хоть и не черная зависть, но все равно зависть к тем, кто своими глазами увидит хотя бы часть огромной программы нынешнего форума кино. Свершается он на этот раз тем более торжественно, что совпадает с круглой датой советского кинематографа — шестидесятилетием. Все страны-участники, а их более ста, и все страны — гости фестиваля, а их тоже несколько десятков, сердечно поздравили ветеранов — всех, кто начинал в ту давнюю пору жизнь первых киногероев, тогда еще молчаливых, еще безмолвных, но все равно захватывающе интересных и выразительных...

И как же симптоматично, как хорошо и справедливо, что праздничное открытие фестиваля в Москве ознаменовано демонстрацией замечательного фильма, сделанного «первопроходцами» советского кино Эйзенштейном, Тиссэ и Александровым, «Да здравствует Мексика!»... Фильм, который эти молодые, начинающие кинематографисты, а после известные всему мировому экрану мастера сделали в 1931 году, поражает, как это ни удивительно, своей свежестью, остросовременным звучанием, яркой и выразительной композицией, то полными света и радости, то трагическими кадрами... Мексика древняя и вечно юная, жаждущая счастья и справедливости, предстала перед зрителями, будто увиденная только что кинокамерой. Конечно, это заслуга и сегодняшнего кинематографа, сегодняшней блистательной работы студии «Мосфильм» и в первую очередь усилий ее знаменитостей, ее асов — Григория Александрова и Сергея

БЕСЕДА В ЦК КПСС

8 августа состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с делегацией Коммунистической партии Чили в составе Генерального секретаря КПЧ Л. Корвалана, члена Политкомиссии ЦК КПЧ, секретаря ЦК КПЧ А. Соррилья и члена Политкомиссии ЦК КПЧ В. Тейтельбойма.

Представители КПЧ рассказали о борьбе, которую ведут чилийские коммунисты вместе с другими партиями Народного единства против фашистского режима, о процессе сплочения сил, выступающих за демократическое обновление Чили, ее подлинную независимость и социальный прогресс. Делегация КПСС подтвердила неизменную солидарность с коммунистами, всеми демократами и патриотами Чили, борющимися против фашистской тирании.

Состоялся обмен мнениями по актуальным вопросам мирового развития, который показал общность взглядов обеих партий. Делегации КПСС и КПЧ приветствовали свержение никарагуанским народом кровавой диктатуры ставленника империализма Сомосы. Представители КПЧ отметили историческое значение успехов СССР в коммунистическом строительстве, достижений реального социализма для борьбы народов за социальное и национальное освобождение, для обеспечения стабильного мира на земле.

Участники встречи подчеркнули, что Договор ОСВ-2, подписанный между СССР и США, имеет выдающееся значение для упрочения разрядки и сокращения вооружений, его реализация отвечает интересам всего человечества.

Встреча, прошедшая в сердечной обстановке, подтвердила решимость обеих партий крепить братское сотрудничество и прилагать усилия к дальнейшему упрочению марксистско-ленинского единства международного коммунистического движения.

В беседе принял участие заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенц.

На снимке: Во время встречи.

Фото В. Соболева (ТАСС)

Бондарчука. Зрители видят нынешнего маститого режиссера, каким стал Александров, и, слыша вдохновенный голос, сразу угадывают, что это Бондарчук. Такова сегодняшняя мера мастерства, мера истинно блистательного постижения высших законов киноискусства... Все сказанное делает фильм «Да здравствует Мексика!» поистине событийным. Он оказался вполне достоин чести быть флагманом фестиваля, открывать собою панораму тех событий — и радостных и печальных,— какие появятся одно за другим на огромном фестивальном киноэкране.

Москвичи и гости фестиваля уже увидели несколько конкурсных картин. Фильм «Простая история» сделан во Франции режиссером Клодом Соте. Это история жизни людей, которая словно движется сама собой, то неся грусть, то давая утешение. Но мы отчетливо видим за этой кажущейся неизбежностью покорность неумолимым социальным законам, определяющим судьбу героев.

В таком же примерно ключе строится и сюжет фильма «Стены свободы» (Швеция)... На конкурсе будут представлены картины, созданные в Монголии и Гане, в Бангладеш и в Индии, в Венесуэле, Вьетнаме, Сирии... Разносторонность и демократизм Московского фестиваля, его обширная творческая программа, как всегда, отвечают неизменному девизу советского кино: за гуманизм киноискусства, за мир и дружбу между народами!

Участники и гости XI Московского международного кинофестиваля.

Фото Л. Пахомовой (ТАСС)

С механизаторами совхоза «Кургановский», Каменского района, разговаривает заместитель председателя облисполкома А. Н. Власов.

Дизельный завод. После доклада — вопросы депутату Верховного Совета РСФСР, председателю горисполкома А. Е. Щербакову.

В. П. Плясунова, ветеринар совхоза «Константиновский»: «А у нас будет Дом культуры!»

ПЕНЗЕНСКИЕ «ПЯТНИЦЫ»

Б. СМИРНОВ,
Б. КУЗЬМИН,

специальные корреспонденты «Огонька»

— Пятница? Почему же именно пятница, Николай Васильевич?

— Надо же было выбрать какой-то день! Выбрали пятницу. Конец месяца, недели, можно подвести какие-то итоги... К тому же, как известно, Владимир Ильич Ленин как раз по пятницам выступал на рабочих митингах. Вот мы и решили: проводить встречи руководящих работников области с трудящимися в третью пятницу каждого месяца. Понимаете, нужна система. Такие встречи проходили и раньше, но системы не было!

— И когда она появилась?

— Одиннадцать лет назад. Каждую третью пятницу. В других местах эти встречи проходят как «единый политдень», а у нас в Пензенской области прижилось название «Ленинская пятница».

— Значит, традиция?

— О, еще какая! И, знаете, что интересно: сначала все это задумывалось как эксперимент, а получилось — с первого раза и накрепко! Другие формы работы, бывает, со временем меняются, отпадают, а вот без «Ленинских пятниц» мы уже жизнь области не представляем. Одиннадцать лет!

Машина вырвалась из клубка городских улиц, за окнами мелькали пшеничные поля, перелески. Николай Васильевич Лагуткин, первый секретарь Пензенского райкома КПСС Пензенской области, то и дело поглядывал на часы — встреча была назначена ровно на восемь утра, опоздание исключалось. Мы знали, что сейчас и по другим дорогам от Пензы в разные стороны вот так же мчатся машины, в которых работники обкома, райкомов, областной прокуратуры, УВД, редакций газет и других организаций тоже следят за минутной стрелкой: сегодня все они докладчики, всех ждут переполненные залы домов культуры и клубов, ждут встречи на полевых станах, ждут вопросы... Мы уже знали: подготовка к каждой пензенской «пятнице» начинается задолго до этого дня. Заранее составлены планы, намечены темы, распределены докладчики: только от обкома партии — шестьдесят четыре человека, от горкома партии — пятьдесят один человек. Какой бы пост докладчик ни занимал, как бы он ни был занят — встреча должна состояться. В областной газете накануне появилось на самом видном месте сообщение об очередной «пятнице». Сегодня, в 7.15 утра, радио уже транслировало выступление секретаря обкома партии В. П. Огарева, который еще раз напомнил: нынешняя «пятница» посвящена уборке урожая и заготовке кормов. Нам сказали, что на предприятиях и в хозяйствах организовано прослушивание этой радиопередачи.

...Ровно восемь утра. Центральная усадьба совхоза «Константиновский». Зал небольшой — человек на восемьдесят. Люди сидят в спецовках, в запыленных сапогах: на днях начнется уборка. Часа не пройдет — они снова вернутся на поля и фермы...

Николай Васильевич Лагуткин на трибуне.

— Товарищи, сейчас я ознакомлю вас с ходом подготовки к уборочной страде в области, в районе, а потом отвечу на ваши вопросы...

Доклад был коротким, конкретным. По дороге сюда мы сворачивали на поле, Николай Васильевич, опытным взглядом оценивая посевы, мял в пальцах колоски, вздыхал: «Центнеров по пятнадцать с гектара будет, а в том году двадцать два собрали!» И вот теперь Лагуткин говорил земледельцам о засушливом, а потом переувлажненном нынешнем лете, о неравномерном созревании хлебов и о том, как надо лучше организовать работу в этих трудных условиях. «Не все у вас, товарищи, пока готово к уборке, давайте скажем честно: некоторые агрегаты сегодня, например, не смогли бы выйти в поле!» И как только закончилось выступление, из пятого ряда вскинулась вверх рука — с темными, не смываемыми водой масляными пятнами, въевшимися в кожу.

— Вот вы говорите, техника не готова. А к нам прислали шесть комбайнов с пятью жатками. Некомплект! Потом, не хватает аккумуляторов, приводных ремней — почему такое отношение?

— Понял вас, Александр Сергеевич! — ответил секретарь, который, оказывается, в лицо знает заведующего мастерской Чиркова.— Насчет комбайнов будем разбираться через «Сельхозтехнику». Но вы, наверное, из положения уже вышли?

— Да, старую жатку подремонтировали...

— Вот и хорошо. А о ремнях и аккумуляторах не беспокойтесь — к сроку подвезем. У вас и свои, думаю, в рабочем состоянии, так ведь? Не надо, не надо жадничать...

Еще один вопрос — бригадир животноводов А. И. Тихонова спрашивает, будет ли построена в селе школа. Здесь недавно случилось несчастье — школа сгорела, и Лагуткин говорит о том, как трудно было снять рабочих с плановых строек и перебросить их на возведение школы. «К сентябрю обещали закончить, мы держим под контролем этот объект...» Комбайнер Иван Ирышков поинтересовался, как созревает зерно в других районах области, ветврач В. П. Плясунова спросила о строительстве Дома культуры — она участница художественной самодеятельности. Видно было, совхозные рабочие пришли на встречу с заранее подготовленными вопросами — разговор в зале не опускался до мелочей, касался только общих, интересующих всех тем.

— «Ленинские пятницы» стали для нас незаменимы в партийной работе,— рассказывал Николай Васильевич Лагуткин на обратном пути.— Каждая такая встреча словно отчет о работе, узнаешь о настроениях людей, получаешь информацию о делах из первых рук. И обязывает нас ко многому: каково будет выйти к людям неподготовленному, каково будет говорить, если ты что-то не выполнил из своих обещаний, если ты не в курсе дел?

— А как быть в том случае, если вопрос сложный, требует разбора?

— Без ответа он все равно не останется. Если не можем разо-

браться на месте — ставим вопрос на бюро райкома, передаем на рассмотрение в обком. По итогам «пятниц» в нашем районе уже решено множество вопросов — о наведении порядка в хозяйствах, о строительстве дорог, работе торговых предприятий.

12 часов, полдень. Мы идем по территории пензенского дизельного завода. Здесь сегодня выступает депутат Верховного Совета РСФСР, председатель горисполкома А. Е. Щербаков. Завод большой, известный в стране. Но вчера мы узнали: не все здесь благополучно. Первый секретарь горкома партии Ю. С. Виноградов предупреждал нас: «Имейте в виду, у нас в городе это одно из немногих предприятий, не выполнивших полугодовой план. Сами понимаете, настроение там из-за этого не очень хорошее, людей надо поддержать, и потому туда направляется один из самых опытных докладчиков. Александр Евгеньевич глубоко разбирается во всех тонкостях хозяйства, послушать его рабочим будет, конечно же, интересно. Предвижу, вопросы будут о транспорте, о строительстве. Может, спросят и о мыле: тут недавно снабженцы плохо сработали, и в магазинах образовался «мыльный дефицит»...

Вопросов о мыле на той встрече не было, зато докладчику пришлось объяснять, почему закрылась баня в одном из городских районов. «Там предполагается строительство банно-прачечного комбината, но, видимо, с закрытием старой бани поторопились — придется ее пока снова открыть»,— ответил А. Е. Щербаков. Очень оживленно обсуждался транспортный вопрос, который, к сожалению, всегда возникает в районах новостроек. Многие интересовались перспективами жилищного строительства. Казалось, «бытовая» тема могла стать единственным содержанием встречи, но Щербаков — действительно опытный докладчик — не забывал и о теме производственной.

— Сейчас у меня спрашивали, почему на Западной поляне особенно много точек, торгующих спиртным, и район этот замусорен. Да, там парковая зона, там бывает много людей. Мы, со своей стороны, примем меры. Но будет ли это полным решением проблемы? Главная беда не в том, что много пивных — в этом-то, я считаю, беды нет,— а в том, что многие не умеют себя сдерживать во время отдыха. Вот я собрал данные — у вас, товарищи, за полгода около ста рабочих завода побывали в вытрезвителях, свыше трех тысяч рабочих совершили прогулы. Не в этом ли наряду с реконструкцией завода одна из причин невыполнения плана?

В зале, еще минуту назад возбужденно шумевшем, повисла тишина. Кто-то, не думая о порядке, вдруг подал голос с места:

— Правильно, что говорить.

— Не только в прогулах дело, производительность надо поднимать! — крикнул еще кто-то, и ведущему собрание пришлось успокаивать зал.

— По порядку, товарищи, по порядку!

А позже, когда встреча официально закончилась, докладчик долго еще стоял в плотном кольце рабочих.

...И снова за окнами машины проносятся поля, прорезанные зеленью лесистых балок. Где-то неподалеку, в пологих холмах, берет начало равнинная среднерусская река Хопер... Мы в Каменском районе области, в совхозе «Кургановский».

Дом культуры стоит у самой кромки поля. Здесь делал доклад заместитель председателя облисполкома А. Н. Власов,— и, надо сказать, всюду, где мы побывали, каждый из выступающих находил свою форму разговора с людьми, каждый доклад был как бы «местным», предельно конкретным и доходчивым. О чем говорил Алексей Николаевич? Конечно, снова мы слышим слова о чередовании засухи и бесконечных дождей, о трудностях предстоящей уборки. Но докладчик обратил особое внимание на отличную кукурузу, выросшую в районе.

— Высоким урожаем этой культуры мы в какой-то мере сможем компенсировать возможные потери хлебного поля, поэтому, товарищи, нельзя ставить кукурузу как бы на второе место — она так же важна для нас, как пшеница...

Устоял от жары картофель, посаженный на полях хозяйства,— часть его урожая, как сообщил Власов, предполагается отправить в Ростовскую область, Грузию, Азербайджан. Ожидается высокий урожай свеклы.

— Еще одна культура, которой славятся эти места,— лук. Вы знаете, товарищи, лук в этом году развивается хорошо. Должен вам сказать, что урожай, который вы соберете, ждут не только в нашей области, в нашей стране — его ждут в Болгарии и на Кубе. Вы видите, от труда пензенских земледельцев зависит многое!

И снова вопросы, вопросы.

— Приедут ли на помощь в уборке комбайны из других областей?

— Скорее всего нет, мы подсчитали, есть возможности провести уборку своими силами.

— Доставят ли к нам в этом году удобрения по заявке?

— Да, удобрения получены полностью, будем завозить, как только освободится транспорт.

— Я комбайнер, день и ночь в поле, а дом требует ремонта, крыша течет...

— Скоро в область будут доставлены новые удобные сборные дома — с отоплением, с мебелью. Они монтируются на месте, кажется, всего за сутки! Наверняка такие дома появятся и здесь. А пока с ремонтом вашего дома совхоз поможет — обещаете, товарищ директор?

Директор совхоза Виктор Николаевич Волков, подумав, кивает головой. Видно, этот ремонт не входил в его планы, но теперь ничего не поделаешь...

Вот и кончился день. Мы побывали лишь на трех встречах, а они прошли по всем хозяйствам, заводам, стройкам, предприятиям области.

— Для каждого из нас, докладчиков, выступление на «Ленинской пятнице» — самое ответственное партийное поручение,— говорил первый секретарь Пензенского обкома КПСС Ф. М. Куликов.— Такие встречи с трудящимися помогают нам в выполнении постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». В них суть ленинской политики нашей партии.

НОВЫЙ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

А. ВОЛДОРИН,
главный инженер московского производственного объединения «Манометр»

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» по-прежнему в центре внимания производственных коллективов страны. Идет разъяснительная работа, намечаются конкретные мероприятия, призванные воплотить постановление в жизнь. С новых позиций руководители, главные специалисты предприятий осмысливают сейчас производственную ситуацию, изыскивают резервы повышения качества выпускаемой продукции.

Какие чувства вызывает постановление? Какие видятся пути к кратчайшему решению поставленных в нем задач? Какие изменения внесет оно в жизнь отдельно взятого предприятия и всей нашей промышленности? Своими мыслями по этому поводу делится главный инженер московского производственного объединения «Манометр» Анатолий Николаевич Волдорин:

Работаю на «Манометре» двенадцать лет. Был простым инженером, начальником бюро в отделе главного конструктора, начальником отдела, заместителем главного инженера, теперь вот главный инженер... На что же я как специалист сразу обратил внимание в постановлении? На его своевременность. В постановлении сказано: «Задача состоит в том, чтобы поднять уровень планирования и хозяйствования, привести их в соответствие с требованиями нынешнего этапа — этапа развитого социализма, добиться значительного повышения эффективности общественного производства, ускорения научно-технического прогресса и роста производительности труда, улучшения качества продукции и на этой основе обеспечить неуклонный подъем экономики страны и благосостояния советского народа». Этим задачам подчинена работа всех наших предприятий. И каждое решает их в меру своих сил и возможностей. На многих накоплен немалый опыт, создана база, чтобы трудиться по-новому. Но это, образно выражаясь, были ручьи, которым порой не удавалось слиться в единую реку. Постановление же позволит — в масштабах страны — скоординировать усилия отдельных предприятий, выделить наиболее значительное в их начинаниях, обобщить самый ценный опыт.

В эти дни нам, руководителям, специалистам, часто приходится выступать перед рабочими, разъяснять отдельные тезисы постановления. Радуют вдумчивость, неподдельный интерес, проявляемые рабочими. И, что характерно, для них вполне очевидна взаимосвязь таких понятий, как планирование, качество и экономия. Вот как, например, рассуждал недавно один наш ветеран: «Самописец, который мы делаем у себя на заводе, рассчитан на шесть лет работы. А если все детали к нему будут высшего качества? Тогда он проработает куда больше! То есть к а ч е с т в о сэкономит наше время, труд, технику. Но для того, чтобы в с е детали были отличными, надо работу всех предприятий оценивать не по валу, а по росту чистой нормативной продукции, выполнению конкретных заказов потребителей. Разве легче нам от «успехов» смежников, выполняющих план по валу, если из-за их брака и наша продукция оборачивается браком?»

Два года назад мы у себя на «Манометре» ввели новшество — защиту социалистических обязательств. Была создана комиссия, которая заслушивала обязательства бригад, цехов. Скажем, берет кто-то обязательство внести такое рацпредложение: снизить трудоемкость одной детали на производстве. Комиссия смотрит: есть ли для этого возможность, какой это даст эффект, какое окажет влияние на ход в с е г о трудового процесса? Может, и не нужно это на данном этапе, может, другой проблемой следует заняться? Так, с одной стороны, мы добились, что социалистическое соревнование носит неформальный характер, а с другой — разбудили в рабочих творческую мысль, старались извлечь из каждого предложения максимальную выгоду. И, конечно, рационализаторская деятельность рабочих учитывалась при составлении планов. Это в русле постановления. Ведь теперь роль трудовых коллективов в разработке планов возросла.

Мы стоим на пороге нового дня советской промышленности. Работа по претворению постановления в жизнь предстоит немалая. Она потребует напряжения, полной самоотдачи от всех трудовых коллективов страны. Потребует пересмотра многих отживших традиций и привычек. Осуществление намеченных партией и правительством мер — крупная хозяйственная и политическая задача.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

1

НОВОТРОИЦК

ОБЩЕЕ ПОЛЕ

На бескрайних полях предуральской степи начинается очередная битва за большой хлеб Оренбуржья. Десятки тысяч жаток и комбайнов ведут не только потомственные хлеборобы, опытные и начинающие механизаторы, но и те горожане, которые за последние годы овладели без отрыва от производства мастерством водителей жаток, комбайнов.

Молод город Новотроицк, город металлургов, химиков, цементников. Многие его жители — выходцы из окрестных сел Оренбуржья. Когда-то юноши и девушки приехали на строительство Орско-Халиловского металлургического комбината и нового города в степи. Но связи — семейные, дружеские, шефские — с деревней не рвутся. Напротив, крепчают. Помощь селам в страдные дни сева и особенно уборки зерновых, заготовки кормов стала доброй традицией.

К уборке горожане Новотроицка готовятся загодя и всерьез.

В совхозы Домбаровского, Гайского, Кувандыкского районов выезжают около трех тысяч горожан. Металлурги и строители, цементники и монтажники убирают хлеб старательно, по-хозяйски, до зерна перевозят его в закрома. Авторитетом у сельчан пользуются рабочие листопрокатного цеха металлургического комбината И. М. Неминущий, А. Е. Кочкарев и многие другие. Отлично знают на селе, всегда охотно ждут, например, электросварщика Ивана Клементьевича Верещагина. Посланцы Новотроицка сами отремонтировали комбайны еще в январе. Эту инициативу заводских коммунистов тогда же поддержало бюро городского комитета КПСС. Из цехов, со строек в совхозы направили самых толковых и самых опытных механизаторов: и зимой жили днями сегодняшней жатвы!..

На боевом счету шефов из Новотроицка не менее трехсот пятидесяти комбайнов. Сейчас они в поле.

В учебно-курсовом комбинате Орско-Халиловского металлургического комбината не первый год действуют курсы комбайнеров. Среди тех, кто освоил «степной корабль», подручный сталевара А. П. Филатов, старший оператор прокатного стана М. И. Степанов, машинисты кранов сортопрокатного цеха комсомолки Ирина Скопинцева, Наталия Сиренко, Надежда Штифанова. Занятия обычно ведут мастер фасоннолитейного цеха Николай Сергеевич Мартынов и механик автотранспортного цеха Петр Сергеевич Иванов. Они и сами мастера вождения комбайна.

Р. ОРЛОВА

1

На снимке: последнее напутствие перед жатвой. Занятие ведет мастер фасонно-литейного цеха Н. С. Мартынов.
Фото В. Матросова

2

МОСКВА

ОТ МОСКВЫ ДО ЛУНЫ

Такое примерно расстояние по улицам столицы проехал один из лучших водителей города, шофер 15-го таксопарка Николай Федорович Шелуханов.

— Случались ли с вами дорожные происшествия?—спрашиваю водителя. Шелуханов достает права. Талон предупреждений чист, словно выдали его только вчера.

Тысячи пассажиров перевез Н. Шелуханов, и ни разу не было так, чтобы пассажир, закрывая за собой дверцу, не сказал ему спасибо.

Великолепное знание правил дорожного движения, безукоризненное ориентирование в «географии» московских улиц и перекрестков, выдержка и сноровка помогают Николаю Шелуханову в трудной работе московского таксиста.

Однажды возле Казанского вокзала в его «Волгу» села заплаканная старушка. Приехала погостить к сыну. Послала телеграмму, да на вокзале никто не встретил. А адреса не помнит. Знает только, что возле дома, где живет сын, находится почта и продовольственный магазин.

Не включая счетчика, Николай Федорович подробно расспросил пожилую женщину о других приметах микрорайона, уточнил детали, затем уверенно тронул машину. Через полчаса счастливая мать обнимала растроганного сына, который, как выяснилось, телеграммы не получил.

Коммуниста Николая Федоровича Шелуханова молодые водители 15-го таксопарка называют своим наставником. Партия и правительство высоко оценили труд водителя: Николай Шелуханов награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть».

В. ЗАСЕЕВ

На снимке: Н. Шелуханов.
Фото автора

5

3

САМАРКАНД

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ РЕГИСТАНА

Древняя площадь Регистан — свидетельница многих событий в жизни Самарканда. Ее узорные стены — это каменная летопись веков. Здесь собирались горожане, чтобы дать отпор чужеземцам или восстать против баев и ханов. Тут, под сводами медресе Тилля-Кари, читали свои стихи поэты. Отсюда шли в поход против врагов Советской власти красные войска под командованием М. В. Фрунзе.

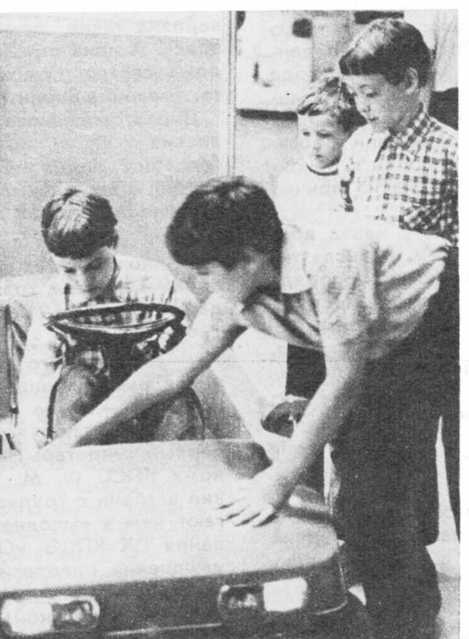
Постарел Регистан, врос в землю на два-три метра. Покосился минарет Улугбека. От непогод и землетрясений рассыпались цветные узоры на величественных порталах. Но Советское государство заботится о сохранении древних памятников культуры. Решено было восстановить все в изначальной красоте. Работы начались пять лет назад. Нужно было вынуть 240 тысяч кубометров культурных наслоений нескольких веков, буквально пропустить через сито каждый кубометр земли. Много интересного нашли в этих наслоениях: различные древние сосуды, монеты, утварь. Обнаружили и водопровод и мраморное мощение.

Работы закончены. И вот неповторимый регистанский ансамбль во всем своем величии предстал перед жителями Самарканда и перед гостями из других городов. Сама площадь перед знаменитыми медресе облицована мрамором, напоминающим узоры узбекских сюзане.

П. БОБЫКИН-ЭРИКСОН
Рисунок автора

3

6

2

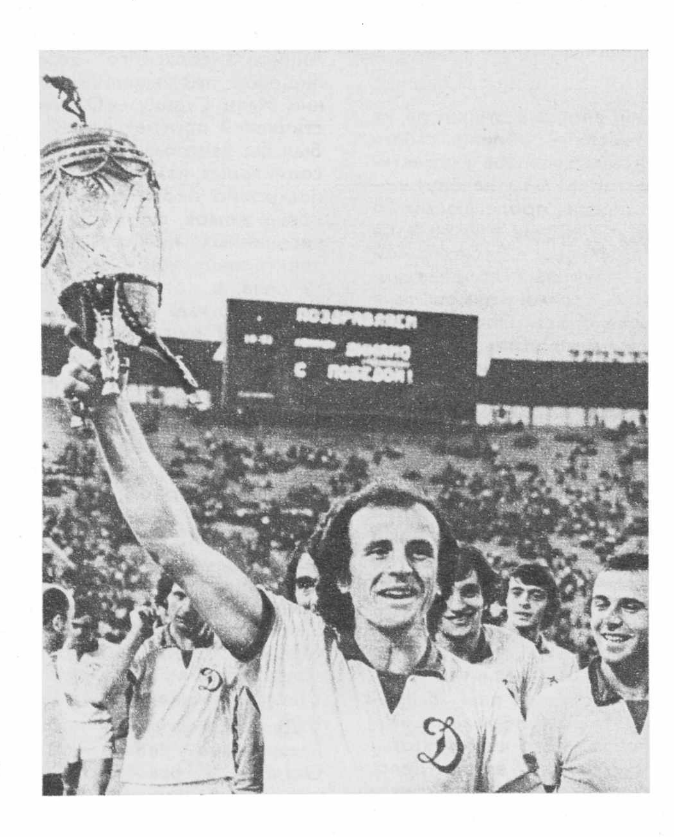
КУБОК У ТБИЛИСЦЕВ

4

В честь Всесоюзного Дня физкультурника 11 августа на многих стадионах страны проводились соревнования и физкультурные праздники. Был заполнен почти до отказа и Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужниках. Здесь состоялся финальный матч на Кубок СССР по футболу. Его оспаривали динамовцы Москвы и Тбилиси. Ни девяносто минут матча, ни дополнительная тридцатиминутка не принесли результата. И вот были назначены пенальти. Более меткими оказались динамовцы Тбилиси. Они забили пять мячей в ворота своих соперников, которые смогли ответить лишь четырьмя голами. Кубок СССР уехал в Тбилиси.

На снимке: капитан тбилисского «Динамо» Манучар Мачаидзе с Кубком СССР.

Фото А. Бочинина

4

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

ШАХМАТОВО ПОЭТИЧЕСКОЕ

5

В десятый раз в Подмосковье прошел традиционный праздник поэзии. В город Солнечногорск приехали известные советские литераторы, чтобы почтить память великого русского поэта Александра Блока, воспевшего Россию и страстно призывавшего на заре новой, социалистической эры: «...всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»! Сотни почитателей поэзии Блока слушали в этот день его произведения и стихи, ему посвященные. А во второй половине дня многие отправились в Шахматово, где была усадьба поэта, когда-то цвел его соловьиный сад, где провел Блок лучшие дни и месяцы своей жизни.

В двух километрах от Шахматова, в селе Тараканове, неподалеку от руин старинной церкви, где венчался Блок с Любовью Менделеевой, уже десять лет открыта блоковская выставка. Усилиями энтузиастов в последние годы появились на ней интереснейшие мемориальные экспонаты. И приехавшие в этот день к Блоку могли увидеть старинные кресла из Шахматова и несгораемый ящик, принадлежавший кому-то из обитателей соседнего менделеевского Боблова, и прекрасную находку — скатерть, на которой Л. Д. Менделеева цветными нитками вышила автографы гостей и хозяев Боблова.

И все же чувство тревоги за судьбу этого прекраснейшего уголка Подмосковья не покидает побывавших в Шахматове. Действительно, пожалуй, трудно уже и сосчитать количество публикаций в прессе последних лет, посвященных судьбе блоковской усадьбы. И на страницах «Огонька» мы не раз рассказывали о печальном положении дел в Шахматове, буквально зарастающем травой забвения.

К сожалению, на будущий год, в столетний юбилей А. Блока, вряд ли встретит гостей возрожденный шахматовский дом. Практически не ведутся работы по восстановлению усадьбы. Еще даже не решено, что же будет в Шахматове, проект реконструкции которого разрабатывается архитекторами Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР. Давно настало время компетентным организациям Солнечногорского и Клинского районов Московской области, Министерству культуры РСФСР определить наконец будущее блоковского Шахматова и близкого к нему Боблова, где жил и работал гениальный Менделеев. Теперь уже вопрос этот не терпит отлагательств. К Шахматову подступает лесная вырубка, мелеет река Лутосня, превращается в непроходимый лес менделеевский парк, гибнут деревья в саду Блока.

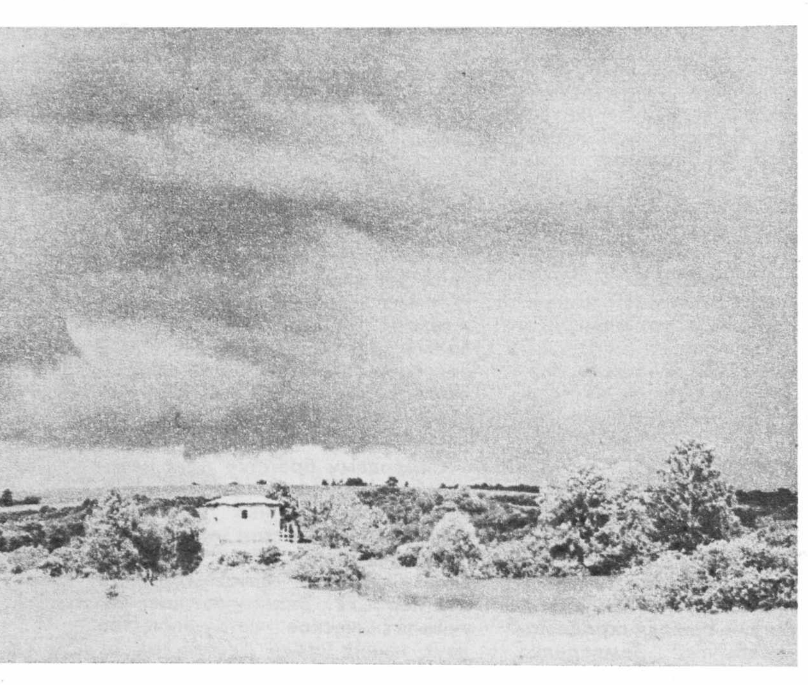
В письмах в редакцию читатели «Огонька» настойчиво спрашивают, что же будет с блоковским Подмосковьем. Мы надеемся в преддверии юбилея Блока вернуться на страницах журнала к проблемам Шахматова и попросить рассказать о его будущем тех, кому законом поручено заниматься охраной памятников истории и культуры.

А пока встречает приезжающих к Блоку серебристый великан тополь, да алеет одичавший шиповник там. где слагал песни о России один из самых искренних и проникновенных ее певцов.

В. ЕНИШЕРЛОВ

На снимке: в окрестностях Шахматова.

Фото Г. Розова

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ

СНЕЖНЫЙ МОТОЦИКЛ

6

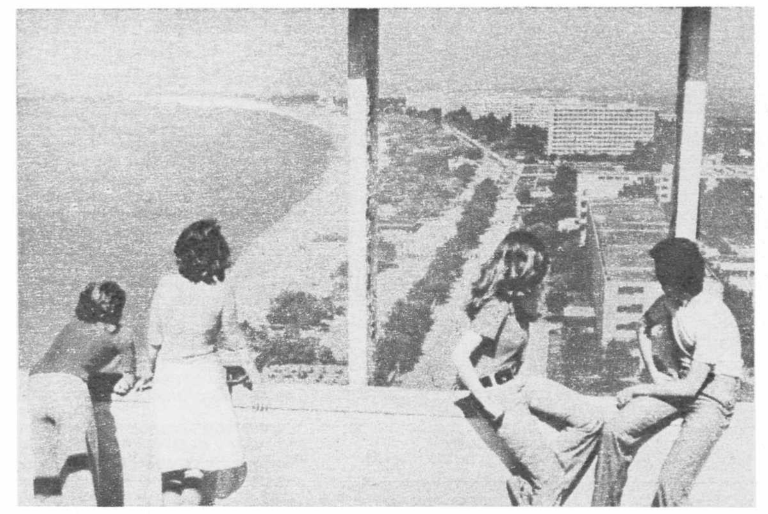
Чтобы научиться плавать, лучше попасть в бассейн в ясельном возрасте,— так говорят специалисты. Чтобы свободно овладеть иностранным языком, неплохо бы начать изучение его еще до школы... Чтобы классно водить автомобиль, полезно сесть за руль в школьном возрасте. Стоп! Кто же первокласснику доверит руль? Автомашина — привилегия взрослых. И это в общем-то правильно. Впрочем, в Ярославле нашли выход из этого положения. Тут создали очень полезную машинку. Она невелика (но и не педальная малютка), в меру быстра, сноровиста — как раз для обучения детей. Нравится ли машина тем, для кого ее делали? «Очень!» — в один голос утверждают все, кто приходит в эти дни на выставку изобретений, присланных в Москву из Ярославской области. Тут не только электромобиль для школьников, не только «Буран», этот снежный мотоцикл, но и совсем необычная разработка — модель электровакуумной дороги на магнитной подушке.

К. КОСТИН

На снимке: ребята быстро освоили электромобиль.

Фото автора

23 августа исполняется тридцать пять лет со дня освобождения Румынии от фашистского ига.

Курорт Мамайя на Черном море.

Федор АНГЕЛИ

ПОРТРЕТ РЕСПУБЛИКИ

У заводов, как и у людей, свои судьбы. У Хунедоарского металлургического комбината славные трудовые и революционные традиции. В довоенные годы его рабочие шли в первых рядах борьбы за лучшую жизнь. Разительные перемены произошли за годы социализма на предприятии. Эти преобразования отражают достижения всей республики. Комбинат разросся и возмужал. Рядом со старыми возникли новые цеха, оснащенные совершенными высокопроизводительными агрегатами. Вырос коллектив предприятия, освоивший выпуск новых марок сталей и другой продукции.

Сегодня хунедоарские металлурги успешно несут ударную вахту в честь 35-й годовщины освобождения страны. Сверх плана они дадут тысячи тонн стали, чугуна. Застрельщиками всех трудовых начинаний выступают здесь коммунисты.

Николае Мэркулеску — ветеран комбината. Как утверждают его коллеги, он чувствует себя лучше всего у доменных печей.

— У него особый талант металлурга,— говорит горновой Ионеску.— Он настоящий мастер огненных дел, чувствует печь, как свое сердце. Если Николае назвал температуру в печи, то можно обойтись без лабораторного анализа.

Мэркулеску не потомственный металлург, он из бедной крестьянской семьи, в которой было пятеро детей. В селе Посешть уезда Прахова родители Николае еле-еле сводили концы с концами. После освобождения перед юношей и его сверстниками открылась широкая дорога. Деревенский парень стал Героем Социалистического Труда, одним из лучших рабочих Хунедоарского металлургического комбината, где он трудится более тридцати лет. Каков его главный принцип в жизни?

— Работать на совесть,— говорит мастер.— Личная судьба рабочего человека неотделима от судьбы цеха, завода, страны. От нас, людей труда, зависит настоящее и будущее нашего социалистического государства.

Николае Мэркулеску не только кадровый рабочий, обладающий высоким мастерством, богатым жизненным опытом, но и талантливый наставник. Он учит молодых трудолюбию, воспитывает их на лучших традициях рабочего класса. Достойными своего учителя стали металлурги В. Кожокару, И. Паску, П. Думитреску. Каждый из них помнит первые дни своей трудовой жизни.

— Нам, новичкам,— вспоминает Кожокару,— на заводе было както не по себе: мы робели перед мощными агрегатами, восторженно завидовали спокойным, сосредоточенным людям, рукам которых подвластны современные механизмы. В такой момент, поверьте, очень важно, чтобы рядом с тобой оказался добрый, чуткий старший товарищ.

В начале пути у многих здешних металлургов шел рядом такой наставник, как коммунист Мэркулеску.

Хунедоарские металлурги вносят значительный вклад в развитие черной металлургии страны. В том, что в 1978 году в Румынии было выплавлено 11,8 миллиона тонн стали (по сравнению с 284 тысячами тонн в 1938 году), есть большая их заслуга.

Одно из великих богатств республики — благодатная земля, издавна славящаяся своей щедростью. В прошлом лишь малая ее доля принадлежала труженикам. У двенадцати тысяч помещиков было больше пахотной земли, чем у 2,4 миллиона бедняков и середняков. Большинство крестьян обрабатывали свои поля примитивным способом. Кормильцы страны задыхались под бременем налогов, арендной платы. Постоянная нищета вела к болезням, вымиранию. О горькой крестьянской доле была сложена такая песня:

Я полынный хлеб жую.
На полыни горькой сплю.
На рассвете просыпаюсь
И полынью умываюсь.

За годы социализма красота румынской земли, сила ее приумножились стократно. На смену деревянной сохе и мотыге пришла могучая техника, живительная влага напоила почву, удобрения увеличили ее щедрость. Сколько добрых советов услышите вы от наших друзей, впервые ступив на их землю с мыслью поближе узнать жизнь рабочих госхозов и крестьян-кооператоров! Вам назовут десятки маршрутов, пролегающих то вдоль гор, с которых открывается долина Марамуреш с бесконечной вереницей покрытых яблоневыми и сливовыми садами холмов, то к югу СРР, где простирается знаменитая Бэрэганская степь, овеянная дыханием голубого Дуная, то по Добрудже, пленявшей в древности музу Овидия.

Каждая встреча с кооператорами и рабочими госхозов подтверждает, что ленинский кооперативный план доказал и здесь свою жизненность. Коллективный труд стал источником не только материальных благ, но и духовного обновления.

— Советую обязательно побывать в селе с поэтическим названием Ливада, что значит «фруктовый сад»,— сказал нам секретарь комитета партии уезда Сату-Маре Г. Говор.— Его кооператоры умеют по-хозяйски вести дело.

Село это по местным масштабам среднее — четыре тысячи жителей. Асфальтированные улицы и площади, ухоженные клумбы, добротные строения, новые школы, детские сады, уютные кафе — типичная новь современной Румынии. До самого горизонта тянутся пшеничные и кукурузные поля. За оградами виноградные лозы, аллеи белых и алых роз. Их тонкий, неповторимый аромат ощущается всюду на румынской земле.

В последние годы быстро крепла экономика хозяйства. И нынешнее лето принесло хороший урожай озимой пшеницы. Колос в ладонь, крупные, как горошины, зерна. Но взять хлеб было нелегко. Созревание многих массивов затянулось, а тут зарядили дожди, пшеница полегла. Высокое мастерство продемонстрировали работники станции по механизации сельского хозяйства, обслуживающей кооператив.

— Легкого хлеба не бывает,— говорит председатель кооператива Иван Мога.— Каждая страда посвоему необычна. Земледелец должен быть готов ко всему. Успех дела решают человек, техника, высокая организация труда. Все бригады и фермы кооператива «Ливада» возглавляют опытные специалисты с высшим образованием — коренные жители села.

В каждую семью пришел достаток. Построены современные дома кирпичной кладки из 3—4 комнат. В одном из них живет семья Андрея Чотари. Сам он руководит полеводческой бригадой, получающей высокий урожай пшеницы и кукурузы. Жена Аделя — учительница. У них два сына: старший Василе заканчивает службу в армии, младший Чоби — среднюю школу.

Плоды обновленной за годы социализма земли видишь и в других зонах страны. В соответствии с решениями XI съезда РКП ускоренными темпами осуществляются интенсификация, комплексная механизация и автоматизация сельского хозяйства, химизация земель, специализация и концентрация производства.

— В 1978 году было получено валовой продукции в три с половиной раза больше, чем в 1950 году,— рассказывает заместитель министра сельского хозяйства и пищевой промышленности Румынии Иван Станчу.— Однако статистический портрет нашей деревни был бы явно однобок без анализа социальных изменений. В деревне построено около двух миллионов новых домов, свыше 90 процентов населенных пунктов обеспечены электроэнергией. Сегодня не найти села, в котором не было бы школы, клуба, библиотеки.

...Есть в румынском народе поверье: кто встречает праздник в кругу друзей, тому никогда не случается быть несчастным, ибо его всегда будут окружать друзья. В годы буржуазно-помещичьего гнета трудящиеся Румынии мечтали о верном друге для своей страны. «Мы знали,— писал академик К. Пархон,— что этот друг недалеко, и, часто подвергаясь гонениям и рискуя жизнью, искали его, читали его книги, слушали его голос. Это был голос Страны Советов, чья братская помощь облегчила нам путь к новой, счастливой жизни».

День 23 августа в истории СРР неразрывно связан с родиной Октября. В освобождении Румынии от фашистского ига Советский Союз и его героическая армия сыграли решающую роль. На румынской земле немало примет далекого и недавнего прошлого, напоминающих о связях народов двух стран. Увековечены в камне подвиги сынов России, тех, кто ценою жизни своей помог румынскому народу обрести независимость в 1877 году. Ни годы, ни века не сотрут того, что совершил советский человек во имя освобождения румынского народа в годы второй мировой войны.

Румынский боец Николае Тэуту в газете «Гласул Арматей» («Голос армии») писал: «Завтра ты, новый человек, поймешь, что начало светлому дню 23 августа было положено в Сталинграде, под Курском и Орлом...»

Символами братства двух народов на румынской земле стали более ста современных предприятий, построенных при техническом содействии СССР. Советский Союз — главный внешнеторговый партнер СРР. Экономическое, научно-техническое сотрудничество двух наших стран растет год от года.

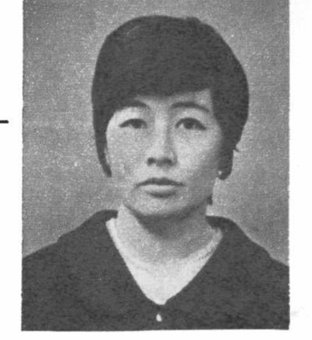
В. Шаталин. Род. 1926. СКАЗАНИЕ О СЕВЕРЕ.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

П. Сабадыш. Род. 1908. УТРО НА УКРАИНЕ.

И. Бокшай. 1891—1975. БОКОРАШИ (ПЛОТОГОНЫ).

Выставка украинских художников «Навеки вместе» посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

ПРИТЯЖЕНЬЕ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Акуштап БАХТЫГЕРЕЕВА

БЕЛЫЕ ВЕРШИНЫ

По сердцу мне степной земли картины,
День завтрашний меня зовет мечтой.
Но с вами я,
О белые вершины,
Не стала бы тягаться высотой.
Вы надо мной всегда полет вершили,
Я знала вас, как песню, наизусть.
Я так мала,
О белые вершины,
Что к вам ладони протянуть стыжусь.

К вам сосны устремляются толпою.
На вас взирает с высоты луна.
Мне не дано
Величие такое,
Невозмутимость ваша не дана.

К вам приникают облака и льдины.
Вас обнимают то лучи, то мгла.
Как вы,
С веками слиться воедино —
Увы! — я никогда бы не смогла.

Но я могу, о белые вершины,
Кружиться в танце, позабыв покой,
Краснеть, бледнеть,
Смеяться без причины,
И песни петь,
И плакать над строкой.

Страдать,
Лететь туда, где дождь ли, град ли,
Бессонно звать в тиши, кого люблю,—
И это все,
Всю эту жизнь до капли
С друзьями без остатка я делю.
То веселюсь — да так, что сердцу жарко,
То от испуга сникну, обомру.
Живу —
То словно вспыхиваю ярко,
А то как будто гасну на ветру.

Круг завершив,
Однажды я остыну,
Мне на роду не писаны века.
Но вам я не завидую, вершины:
Быть камнем — эта доля нелегка.

Простите мне,
Наверно, много слишком
Вам, каменным, досталось горьких дней...
Но жизнь моя,
Короткая, как вспышка,
Кто знает, может, вечности важней.

В ДОРОГЕ

Дом замкни на замок для порядка.
Если время настало —
Лети!
Одному на планете не сладко —
Без труда понимаешь в пути.

Хоть страшат неизвестностью броды,
Хоть робеешь, шаги торопя,
Но на сердце — весенние всходы,
Если всюду друзья у тебя.

В городах, где бываешь впервые,
Постоишь, как чужая, сперва.
Миг пройдет — и отыщешь живые
Для младенца, для старца слова.

И ответное встретишь вниманье,
Распахнуть свое сердце спеша.
Сознавая,
Что ждет расставанье,
Заболит и заплачет душа.

Станут близкими улиц цепочки
И дома, что теснятся, рябя.
И послышится,
Будто бы дочкой
Кто-то нежно окликнул тебя.
И останется в сердце дорога:
Как кружила она и текла,
И все те,
Кто тобой был далеко
От домашнего встречен тепла.

Эти милые, светлые лица —
Как отзывно в них дышит любовь!
И особая родственность длится
В каждом жесте, в улыбке любой.

И понятно любое наречье,
И слетают слова налегке.
Вы спросите —
И я вам отвечу
На чужом — на родном языке.

Необъятна Отчизна родная,
Сколько всюду друзей у меня!
Возвращусь я —
Дорога степная
Ляжет под ноги, к дому маня.

Позовет, напророчит свершенья,
Уведет, откровенья суля.
Как же сильно
Твое притяженье,
О моя дорогая земля!

НЕ ХОЧУ ВЕРИТЬ

В то, что пройдет моя юность,
Пройдет безвозвратно,
В то, что родник моей силы
Иссякнет, слабея,
В то, что однажды из дома
Уйду безоглядно,
Что для любимого
Нежность свою пожалею,—
Не хочу верить.

В то, что о песне
Просить я не буду подругу,
В то, что с пером не склонюсь
Над страницей простою,
В то, что смертельному
Сердце доступно недугу,
В то, что дитя мое
Век проживет сиротою,—
Не хочу верить.
В то, что смятенье погаснет
Звездой с небосвода,
Что на веселые свадьбы
Ходить надоест мне,
В то, что цель жизни моей —
Лишь продление рода,
В то, что я в вас не останусь
Стихом или песней,—
Не хочу верить.

ЕСЛИ МНОГО ДРУЗЕЙ

Как же много людей среди нас есть хороших,
Тех, кто может понять твою душу без слов.
Кто поможет нести тебе тяжкую ношу,
Кто тебе улыбнуться навстречу готов.
Если честно свою выбираешь дорогу,
Не забудется то, что добыто с трудом.
В этом мире
Хороших людей очень много.
Но зато и плохие встречаются в нем.

Только разве померкнуть светило могло бы
Перед силой, что даже с избытком темна?
Ведь Вселенная
Не из коварства и злобы,
А из добрых поступков была создана.

Если много друзей,
Что робеть перед роком?
Привкус грусти
И в счастье нам необходим.
Тыщу ран, нанесенных душе ненароком,
Может вылечить
Добрый поступок один.

Перевела с казахского
Татьяна КУЗОВЛЕВА.

ПРЕДОЛИМПИЙСКИЕ ЗАБОТЫ

В международном аэропорту столицы Шереметьево то и дело взлетают и садятся самолеты крупнейших авиакомпаний мира. В дни Олимпийских игр их количество значительно возрастет, и потому аэропорт расширяется, реконструируется. Мы беседуем с генеральным представителем Аэрофлота во Франции Борисом Анатольевичем Рыженковым, ожидая прибытия самолета из Парижа.

— Для нас в столице Франции уже начались предолимпийские заботы,— говорит он.— В Москву на Олимпийские игры прилетит двадцать тысяч французских туристов. Туда и обратно они полетят самолетами Аэрофлота и французской национальной авиакомпании Эр-Франс. Уже составили план этих пассажирских перевозок. Они начнутся с пятого июня и закончатся 15 августа 1980 года. Ежедневно более двух тысяч пассажиров. Но проблем никаких не возникнет. Перевозки такого масштаба мы уже выполняли. Так, на майские праздники и в пасхальные каникулы Аэрофлот доставляет в Москву по две тысячи туристов в день.

— А как идут у вас дела в обычное время?

— Жаловаться не приходится. Воздушное сообщение между нашими странами непрерывно развивается. В 1958 году открылась авиалиния Москва — Париж. Тогда наш ТУ-104 выполнял два рейса в неделю, столько же и французская «Каравелла». Сейчас Аэрофлот летает 16 раз в неделю. В прошлом году обе авиакомпании на совместных линиях между нашими странами обслужили около 100 тысяч человек. Это в два с половиной раза больше, чем восемь лет назад. Недавно к регулярным авиалиниям, связывающим Москву, Ленинград, Париж и Марсель, прибавилась еще одна: Киев — Париж. Есть и специальный грузовой рейс в столицу Франции.

— А французы охотно пользуются услугами Аэрофлота?

— Парижский рейс ТУ-154 уже прибыл. Идемте встречать, и узнаете сами.

...В просторном зале — разноязыкий говор. Из Парижа прилетела большая группа советских туристов, несколько итальянцев, японцев и французские деловые люди. Знакомлюсь с некоторыми из них.

Господин Ксавье Амей, представитель в СССР фирмы «Томсон ЦСФ», говорит, что дела фирмы в Советском Союзе идут хорошо и ему часто приходится летать в Париж. При этом он нередко пользуется самолетами Аэрофлота.

Агентство Аэрофлота в Париже. Фото Ю. Голышева

Уж очень расписание рейсов для него удобно.

— Ну, а обслуживание пассажиров на борту и комфорт на должном уровне,— заключает Ксавье Амей наш разговор.

Господин Жак Деспо прибыл в Москву по олимпийским делам.

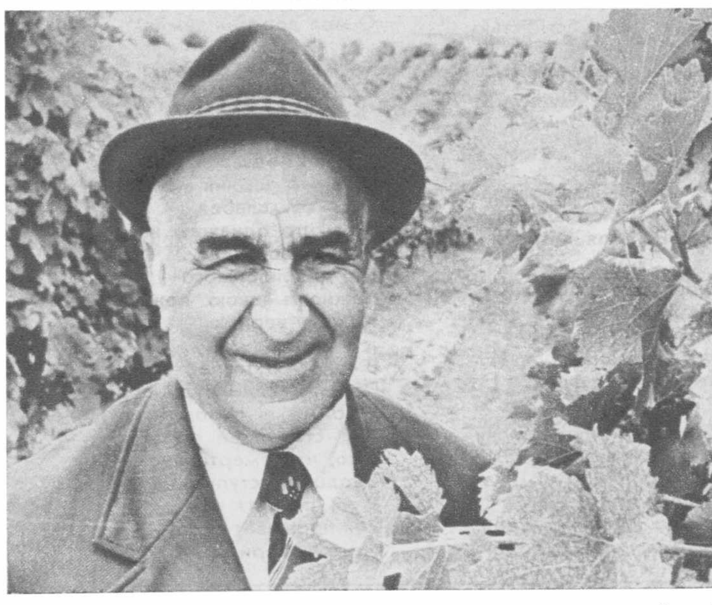
— За этот год,— говорит он,— я уже третий раз прилетаю в вашу столицу. Один раз летел на самолете Эр-Франс и дважды самолетом Аэрофлота. Разницы в комфорте и обслуживании не заметил. Буду и впредь пользоваться рейсом той авиакомпании, расписание которой меня больше устраивает.

А. ГОЛИКОВ

Ия МЕСХИ
Фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Дворец культуры в колхозе «Коммунизм».

МЫ — ИЗ

Сурен Адамян — председатель колхоза «Коммунизм», Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР.

Дед и Баба — памятник долгожителям.

Два коммуниста стали причиной нашего приезда в Нагорный Карабах. Один чуть моложе другого, а вместе им 166 лет. Один вступил в партию большевиков чуть позже другого, а вместе они состоят в партии 122 года. Простите эту немудреную арифметику, но так уж настроились, когда у въезда в город, где живут эти коммунисты, увидели памятник Ая-Апа (порусски Дед и Баба) — памятник долгожителям Карабаха. Нигде такого не увидишь. Он как бы предупреждает, что вы попадаете в место, где много стариков и старушек, где их чтут, где люди долго живут. А что может быть для человека важнее, чем жизнь! Только смотря какая, не правда ли?

Два старых карабахских коммуниста как раз и являют собой пример долгой, деятельной, не напрасно прожитой жизни. Деятельной и по сей день. Не свидетельство ли тому хотя бы их письмо в «Огонек» с просьбой рассказать читателям, что такое Карабах? Обоих, хотя они давно уже на пенсии, продолжают избирать в руководящие партийные органы. Что же касается их прошлой революционной деятельности, оба попросили ничего о ней не писать. Получится, сказали, что мы вас пригласили для саморекламы.

— А имена ваши можно обнародовать?

— Это пожалуйста: Сурен Ахумян и Мисак Хананов.

— Значит, о Карабахе?

— Да, о Нагорно-Карабахской автономной области, которая находится в составе Азербайджана и является образцом ленинской национальной политики.

Мы согласно кивнули в ответ, но подумали: для того, чтобы судить об образце, надо основательно повариться в карабахском соку. Мы же возьмем на себя более скромную задачу — передать лишь некоторые впечатления об увиденном, подкрепив эти впечатления выдержками из недавно вышедшей в Баку брошюры Б. С. Кеворкова «В семье единой».

Борис Саркисович Кеворков вот уже шесть лет первый секретарь Нагорно-Карабахского обкома КП Азербайджана, кандидат в члены бюро ЦК КП Азербайджана, депутат Верховного Совета СССР, 1932 года рождения, армянин, сын бакинского рабочего, выходца из Карабаха. Кроме армянского, свободно владеет азербайджанским и русским языками. Работал секретарем райкома партии в Баку.

Б. С. Кеворков:

«Промышленность области уже в 1977 году по темпам роста объемов производства вышла на уровень, предусмотренный контрольными цифрами на конец десятой пятилетки.

...За 1976—1977 годы среднегодовая валовая продукция сельского хозяйства области повысилась на 25,9 процента против 6,9 процента по плану».

Незабываемые картины открываются взору на этой земле. Горы Малого Кавказа — это бушующее море, застывшее словно в стоп-кадре. Земля изборождена глубокими каньонами, на дне которых грохочут неугомонные потоки. Очень много лесов — буковых, грабовых, дубовых, ореховых, тутовых, в которых все благоухает, делает воздух кристально чистым и как бы даже съедобным. Они, эти леса, и дали название местности: Карабах переводится то ли как Темный Сад, то ли как Черный Лес.

И тут хочется сказать об удивительном платане. Мы пробирались к нему по бездорожью на горный склон возле села Схторашен. Высота этого дерева с двенадцатиэтажный дом. В его огромном дупле, как рассказывает легенда, укрылся однажды от проливного дождя отряд 11-й Красной Армии — это было в 1920 году. Ботаники определяют возраст платана примерно в две тысячи лет. А нам он показался символом вечнозеленой жизни — корнями своими врос в эту землю, а ветви подставил всем ветрам земли. И хочется сравнить этот платан с образом всего Карабаха. Он автономен, но корни его питаются водой идущих отовсюду родников. Его крону поливают дожди странниц-туч. Листья впитывают лучи солнца, которое светит для всех. Чего бы он стоил, если б не имел всего этого? Чего бы стоила а в т о н о м и я, если б она отгораживалась, замыкалась, не получая отовсюду и не отдавая всем? Невозможно это ни в живой природе, ни в природе нашего общества!

Б. С. Кеворков:

«Основываясь на ленинских принципах решения национального вопроса, на разработанных В. И. Лениным принципах советской автономии и федерации, Коммунистическая партия Азербайджана под руководством ЦК РКП(б), его Кавказского бюро, Закавказского краевого комитета партии... провела большую организаторскую и политическую работу, увенчавшуюся созданием в 1923 году Нагорно-Карабахской автономной области (центр г. Степанакерт), населенной преимущественно армянами, в составе Азербайджанской ССР».

В Карабахе два города — столичный Степанакерт и Шуша. Первый молод, современен. В нем нет старинных мечетей, церквей, как есть они, скажем, в древней Шуше. Степанакерт — это промышленность: шелковые ткани из нити тутового шелкопряда; различные светильники, среди которых уникальный, школьный, для детей Севера, со специальной лампой, компенсирующей ультрафиолетовую недостаточность. Это обувь, сухие марочные вина, облицовочный мрамор...

У Шуши другое лицо. Есть здесь единственная в стране фабрика восточных музыкальных инструментов, но в основном Шуша занимается здоровьем людей, дает им отдых в санаториях и пансионатах, на турбазе и в пионер-

Народная артистка Азербайджанской и Армянской ССР Маро Баласанян и народный артист Азербайджанской ССР Веньямин Овчиян.

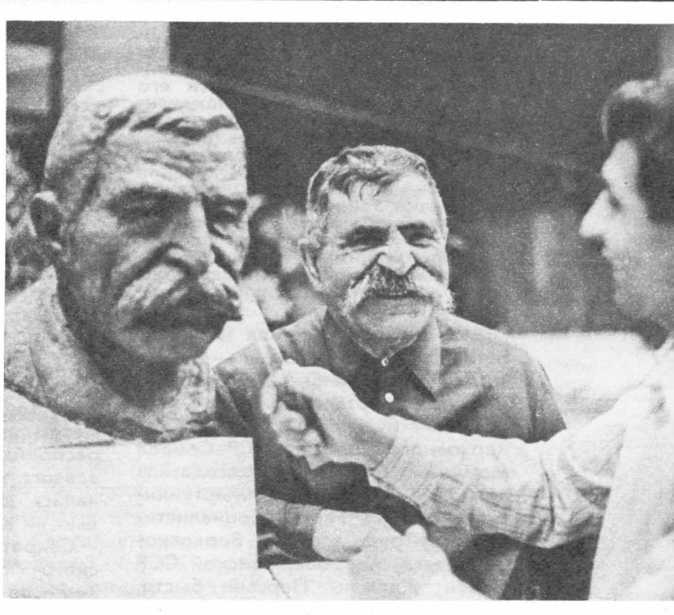

Шуша — город старинный.

КАРАБАХА

Будущие учителя.

Степанакертский каменщик Симон Петросян и его сын Роберт.

лагерях. Шуша — красивый горноклиматический курорт с целебной минеральной водой «туршсу».

Степанакерт раскинулся в горной впадине. Шуша уселась на гигантской скале, что выше Степанакерта метров на 600—700. Она видна из Степанакерта, до нее рукой подать, если учесть к тому же, что скоро здесь начнет строиться канатная дорога.

Степанакерт гордится своим драматическим театром, которому без малого пятьдесят лет. Сейчас здесь работают популярные в Закавказье артисты Веньямин Овчиян и Маро Баласанян. Один учился и начинал свою деятельность в Баку, другая — в Ереване. Овчиян — народный артист Азербайджанской ССР, Баласанян — Армянской и Азербайджанской. Еще более «интернационален» главный режиссер театра Арташес Осепян, заслуженный деятель Армянской, Азербайджанской ССР и Дагестанской АССР. Но важнее всего то, что зрительный зал этого театра (500 мест) никогда не бывает пуст, а ведь это редкость для такого небольшого городка.

И не бывает пуст степанакертский стадион, своего рода чемпион страны по количеству зрительских мест на душу населения. Половину города — двадцать тысяч человек — вмещает он. И сюда приходят семьями, с женами, бабушками и детьми...

А еще гордость Степанакерта составляет педагогический институт, где две тысячи студентов учатся на армянском, азербайджанском и русском языках.

В Шуше тоже есть учебные заведения. Но если спросить здешнего жителя, чем знаменит его городок, то он прежде всего назовет имя выдающегося азербайджанского поэта Вагифа, который жил и творил тут. (Сейчас строится его 18-метровый мавзолей.) Назовет и имя первой азербайджанской поэтессы Натаван. В Шуше учился известный революционер, верный ленинец Богдан Кнунянц. Родом из Шуши трое бакинских комиссаров — Мир Гасан Везиров, Багдасар Авакян, Арам Костандян. Маленькая Шуша дала миру такого композитора, как Узеир Гаджибеков, такого певца, как Бюль-Бюль Мамедов, и такого летчика, как дважды Герой Советского Союза Нельсон Степанян.

Это только из Шуши. А вообще Нагорный Карабах дал 15 академиков, 16 композиторов, 23 генерала. Он подарил стране таких военачальников, как адмирал флота И. Исаков, маршал авиации А. Худяков, генерал артиллерии М. Парсегов. Талантливые птенцы нередко улетают из своего орлиного гнезда. И это естественно, это будет и в дальнейшем: вокруг большие города, перед каждым — вся страна.

Б. С. Кеворков:

«Сегодня партия решает вопросы интернационального воспитания в новых условиях. КПСС и Советское государство в основном добились выравнивания уровней экономического, социального и культурного развития республик. Это ярко видно на примере и Азербайджанской ССР и Нагорно-Карабахской автономной области».

С чего начал новый секретарь обкома? Он добился того, что город получил, наконец, водопровод и стал бурно обстраиваться жилыми кварталами. Получил газ, и нитка газопровода тянется сейчас к Шуше. На степанакертский аэродром стали приземляться ЯК-40. Он поехал в Москву, в МПС и «выбил» для Нагорного Карабаха железную дорогу. Первый поезд из Баку пришел в Степанакерт под нынешний новый год.

Говоря «он», мы, конечно, подразумеваем все руководство партийной организации области, всю массу коммунистов. Говоря «он», мы имеем в виду то неослабное внимание к нуждам Нагорного Карабаха, которое проявляет руко-

водство Азербайджана. Даты пуска многих предприятий, сооружений, памятников — семидесятые годы. Темп, новизна, выдумка стали стилем жизни, нормой поведения.

Старый степанакертский каменщик, участник керченских боев, уста Симон Петросян подвел к своему дому особо вкусную родниковую воду и, чтоб не пользоваться ею единолично, вывел трубу на улицу.

Молодой скульптор Юра Аветисян вытащил из речного русла громадный каменный монолит, узрев в нем черты устремленности. Он только слегка поработал бучаргом и зубилом, чтоб придать «голове» образ Юрия Гагарина, и установил камень у въезда в Степанакерт.

Все как-то задвигалось, расшевелилось. А ведь земля слухом полнится. И вот маленькое, но важное наблюдение. На доске степанакертской госсправки читаем: «Меняю двухкомнатную квартиру со всеми удобствами...» и т. д. Ташкент—на Степанакерт, Баку— на Степанакерт, Самарканд — на Степанакерт, Кировабад, Раздан, Крымская область — все на Степанакерт. Потянуло разбредшихся было карабахцев обратно в свой красивый край.

Б. С. Кеворков:

«Наши сельские труженики хорошо понимают, что нельзя успешно развивать сельскохозяйственное производство, вести его к новым рубежам, намеченным июльским (1978 г.) Пленумом ЦК КПСС, без харьковских, минских, ленинградских и алтайских тракторов, без сумгаитских удобрений и химикатов. Они глубоко сознают также, что в зерне, винограде, мясе, молоке, шерсти, коконах, овощах и других продуктах, производимых в нашей области, в равной мере заинтересованы все братские народы, вся наша великая страна».

Два сельских деятеля Карабаха остались в памяти. Один — директор совхоза имени XXII партсъезда в Мардакертском районе, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Самвел Мамунц. Другой — председатель колхоза «Коммунизм» Мартунинского района, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР Сурен Адамян. Первый быстр, контактен, моложав. Второй немногословен, тих, углублен. У обоих дела идут отменно: крепкие, отлаженные хозяйства, благоустроенные поселки. Совхоз дает 30 миллионов рублей чистой прибыли, в основном за счет винограда, урожайность которого составляет 230 центнеров с гектара. Колхоз «Коммунизм» тоже миллионер, знаменит своим животноводческим комплексом. Средний месячный заработок у рабочих и колхозников 280 рублей.

Адамян сказал:

— Наше село Чартар считалось синонимом самой глубокой нищеты. Это было во время войны, я тогда был учителем истории... А недавно зашел в сельскую сберкассу и спрашиваю: «Сколько у наших вложено?» Оказывается, семь миллионов рублей только на книжках! И знаете, как мы теперь наказываем провинившихся? Не позволяем им выходить на работу или назначаем на самую неквалифицированную.

Мамунц сказал:

— У меня было нелегкое детство. Может быть, потому не могу я равнодушно относиться к детям, стараюсь, чтоб ни один ребенок у нас не оставался без призора. Триста наших детей питаются за счет совхоза. Сто ребят — бесплатно, в школе-интернате. Семьсот пятьдесят школьников обеспечены совхозным питанием. А их родители тем временем получают плотный обед в рабочих столовых за восемнадцать копеек. И могут к тому же покупать у совхоза мясо, овощи, фрукты за чисто символическую плату.

Вот как изменилась жизнь карабахского земледельца.

Мы стоим у берегов искусственного озера, образованного 130-метровой насыпной плотиной, перегородившей реку Тертер. Здесь копится энергия для Сарсангской ГЭС, и идет вода по каналам на полив садов, виноградников и нив Карабаха. Это сделано самой республикой, людьми из разных городов страны и оборудованием разных советских заводов.

Мы поднимаемся высоко в горы в расположение отряда № 1 службы по борьбе с градом. Град — бич для хлеборобов и виноградарей. Государственная служба защищает от них землю Карабаха. На горе стоят зенитки, дула их направлены в облака. Люди несут здесь свою нелегкую вахту и совершенствуют искусство обороны от ненастья для того, чтобы хозяйствам Мамунца и Адамяна да и всем другим было спокойнее жить и расцветать.

Б. С. Кеворков:

«...Нагорно-Карабахский областной комитет партии видит свою задачу в том, чтобы в каждом человеке утверждались интернационалистические взгляды — составная часть коммунистических идей, которые, по выражению К. Маркса, овладевая разумом, подчиняют себе убеждения, приковывают совесть и становятся такими узами, «из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца...»

Страна Карабахия населена армянами (80,5%), азербайджанцами (18,5%). Один процент составляют представители других народов. Когда-то это служило предметом свирепых национальных распрей, которые разжигались всякого рода шовинистами и кончались кровью, пожарами, гибелью ни в чем не повинных людей.

Секретарь Шушинского городского комитета партии Ахат Керимов по специальности математик-компьюторщик, по складу ума ученый. У него в семье сплошной интернационал. В разговорах с людьми он то и дело перескакивает с азербайджанского на армянский и обратно. Здесь многие говорят так, здесь в семьях умеют готовить и армянскую «долму» и азербайджанский «люля». А главное, здесь люди увлечены делом, задачами, поставленными перед ними, и недосуг им чваниться друг перед другом. «Мы — карабахцы»,—объясняют они просто...

Это, в общем, возвращает нас к тому первому впечатлению, которое мы получили от памятника Ая-Апа. Оказалось, Дед и Баба стоят тут не случайно. Оказалось, в Нагорном Карабахе средняя продолжительность жизни человека возросла за полвека с 27 до 75 лет! Факт красноречивый, ибо кто живет мирно, благополучно, тот живет долго. За воцарение такой атмосферы жизни не щадили своих сил авторы письма в «Огонек», старые большевики, отдали свое сердце народные поэты, комиссары, защитники Родины, что стоят теперь вечными памятниками в бронзе и камне на карабахской земле.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ ДЕКАБРИСТОВ

Для собирания и изучения всего наследия декабристов особенно много сделано советской наукой: декабристам посвящены содержательные исследования и статьи, восстановлена вплоть до деталей картина движения, освещены биографии его героев. В этой литературе одним из значительных достижений последнего времени является монография доктора искусствоведения, известного исследователя, открывателя многочисленных памятников русской истории и культуры, знатока русского искусства И. С. Зильберштейна, посвященная Николаю Бестужеву, создателю целой живописной галереи декабристов, серии написанных в тюрьме их портретов. Михаил Бестужев, разделивший участь брата, вспоминал: «У нас с ним было намерение составить по возможности полные биографии всех наших товарищей, и брат имел намерение приложить их к коллекции портретов, нарисованной им акварелью с изумительным сходством... Эта коллекция увезена сестрой Еленой Александровной (в Москву в 1858 году.— Б. М.), а предполагаемые биографии унесены братом в гроб».

Дальнейшая история коллекции портретов изложена И. С. Зильберштейном в его книге.

Было известно, что Е. А. Бестужева уступила коллекцию демократически настроенному К. Т. Солдатенкову, собирателю картин и книгоиздателю в конце 1850-х — начале 1860-х годов, но после его смерти следы декабристской портретной галереи затерялись. И можно понять радость исследователя, который после двадцати лет поисков нашел бестужевскую коллекцию.

А затем началась большая, трудоемкая работа над новонайденными материалами. Предстояла задача выявления всего сохранившегося наследия Бестужева-художника. С этой целью Зильберштейн обследовал различные советские музеи и архивохранилища, обнаружил другие его произведения, изучил многочисленные архивы декабристов, найдя большой ранее не опубликованный материал, освещающий различные стороны биографии и творчества художника. В результате этой огромной работы, в которой проявился многолетний труд Зильберштейна по созданию томов «Литературного наследства», в 1956 году, во второй книге шестидесятого тома этого издания, появилось его блестящее монографическое исследование «Николай Бестужев и его живописное наследие».

Но и после этого работа Зильберштейна по изучению наследия Бестужева-художника продолжалась, велись дальнейшие напряженные поиски, были обнаружены новые его произведения не только в нашей стране, но и во Франции. Выявлены и новые документальные данные, новые факты, доказывающие принадлежность тех или иных живописных произведений Бестужеву или же, в других случаях, опровергающие привычные мнения.

И вот в итоге появилось второе издание монографии, по сравнению с первым значительно дополненное, сюда введены новые главы, ряд прежних расширен, обогащен новыми ценными находками. В эту книгу включено 250 иллюстраций (в первом было 200): здесь шестьдесят восемь портретов главных участников восстания на Сенатской площади, видных деятелей тайных обществ, портретов замечательных русских женщин — жен декабристов, их детей. Здесь также изображения окружающей обстановки, камер, в которых содержались заключенные, сибирские ландшафты...

В монографии раскрыто формирование Бестужева как художника, эволюция его живописной манеры, процесс овладевания приемами акварельной живописи. Но вместе с тем это и книга о Николае Бестужеве как исторической личности, об этапах его биографии начиная с юных лет.

Книга «Художник-декабрист Николай Бестужев», будучи научным трудом, обстоятельно документированным, выдерживающим строгие критерии логических доказательств, написана вместе с тем живо и доступна широкому читателю. Она увлекательна не только своим новым, интереснейшим материалом, но и внутренним сюжетом, искусством повествования. Исследователей же покорит и скрупулезность комментариев, за которыми стоит труд длительного поиска. Книга эта хорошо подготовлена издательством «Изобразительное искусство» и прекрасно издана в 1-й Образцовой типографии.

...Счастливая судьба выпала открытию И. С. Зильберштейна. Заслужив высокую оценку специалистов, оно вызвало интерес широкой аудитории. Результаты работы отразились в цветном фильме «Во глубине сибирских руд», в различных популяризациях, а исполненные Бестужевым акварели используются в книгах и учебниках, воспитывающих молодое поколение в традициях отечественной истории и родной культуры.

И. С. Зильберштейн. Художник-декабрист Николай Бестужев. Издание второе, дополненное. М. «Изобразительное искусство». 1977, 680 стр.

Б. МЕЙЛАХ,
доктор филологических наук, профессор

МАРИНКИН ВЫБОР

Р. ЕРМОЛЬЕВА

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

1

Маринкины родители разошлись окончательно. Оставался один нерешенный вопрос. Игорь Якушев, отец Марины, настаивал на размене однокомнатной квартиры.

Девочка, играя с куклой, молча наблюдала за перебранкой родителей. Она пыталась понять, как будут делить на троих одну комнату с кухней, да еще поровну.

Для нее, в ее шесть прожитых лет, такое деление казалось невозможным. Вот если бы было три комнаты, тогда другое дело, все получилось бы просто, как с тремя яблоками: одну комнату маме, другую папе, а третью ей, Марине.

Светлана, мать Марины, не соглашалась с Якушевым — так стала она называть мужа после развода. Квартира небольшая, и разменять ее практически трудно. Она взывала к совести мужа, ради дочери, но Якушев был неумолим.

Марина смотрела на отца широко раскрытыми глазами, и ей было жаль его. «Куда же он пойдет, где жить будет, не на улице же?»

В этот миг она совсем забыла, как недавно отец пришел домой в нетрезвом виде и долго барабанил носком ботинка в дверь. Проснувшись, Маринка плакала от испуга и говорила: «Мамочка, открой дверь! Разве хорошие люди так поступают? Сейчас же ночь, пусти его, мамочка, он больше не будет».

Когда щелкнул замок, отец ввалился в квартиру, набросившись на жену, схватил за длинную, растрепавшуюся во время сна косу, стал таскать по комнате. Маринка спрыгнула с кровати и, подбежав к отцу, вцепилась зубами в его руку.

Потасовка была прервана. С тех пор Марина не видела отца таким разъяренным.

Спать она стала с матерью на раскладушке, где раньше спала одна. Это был не сон, а одно мучение. Всю ночь, не ворочаясь, лежали они на одном боку, плотно прижавшись друг к другу. Прислушивались к храпу отца, спокойно почивавшего на кровати.

После той ночи несколько раз приезжала бабушка, мать Светланы. Она ругала дочь, в чем-то упрекала зятя. Якушев хотел — приходил домой, а хотел — и вовсе не являлся.

Сегодня он зашел за вещами и возобновил разговор о жилплощади. А делить было действительно нечего. Общая площадь всей квартиры составляла двадцать один квадратный метр. Невелики хоромы.

Все имущество состояло из кровати, шифоньера, стола с четырьмя стульями да раскладушки, на которой спала Маринка после того, как выросла из детской кроватки.

Наконец Якушев заметил сверкающие глазенки дочери, что-то в нем шевельнулось, и, махнув рукой, он заявил:

— Ладно! Все в ее пользу оставляю.

Он встал со стула, подошел к шифоньеру, снял с него чемодан и стал бросать туда рубашки, белье, галстуки... Громко хлопнул крышкой, застегнул чемодан на замки и, ни с кем не простившись, вышел из комнаты.

Светлана, застыв, сидела за столом. Потом обхватила голову руками и разрыдалась. Никогда ей не было так горько и обидно. Маринка тихонько стояла за ее спиной, ожидая, когда мать выплачется, и совсем по-взрослому заметила:

— Сама выгнала, а теперь плачешь!

Детский упрек кольнул прямо в сердце. Светлана резко повернулась к дочери, прижала ее худенькое тельце к себе, прошептала:

— Прости меня, доченька! Я не могла иначе. Когда-нибудь ты все поймешь.— Она стала целовать ее в глаза, щеки, лоб.— А теперь пора спать.

2

...В тот вечер Светлана вернулась домой не одна. Открыв дверь своим ключом, она старалась затащить кого-то в прихожую, но стоявший за дверью сопротивлялся.

Родители еще не спали, смотрели телевизор. Прислушавшись к возне у двери, Александра Ивановна, мать Светланы, окликнула:

— Света, это ты?

— Я, мамочка. Только я не одна.

— Так идите сюда! Мы с папой телевизор смотрим.

Дверь захлопнулась. Наступило короткое молчание, потом зашуршали плащи. В прихожей раздевались.

Наконец Светлана вошла в комнату за руку с молодым человеком. Мать отметила про себя: «Красив».

— Здравствуйте,— смущаясь, произнес он.

— Здравствуйте,— растягивая слово по слогам, ответила Александра Ивановна.— Петенька,— обратилась она к мужу,— у нас гость,— и дернула мужа за полу пижамы.

— Ах, да! Извините, мы не ожидали... Я сейчас переоденусь.—И он скрылся в соседней комнате.

Александра Ивановна, поднявшись с кресла, подошла к дочери и с любопытством стала разглядывать гостя.

— Мама, это Игорь Якушев, о котором я тебе рассказывала. На улице дождь, я уговорила его зайти к нам.

— Очень хорошо сделали. Я поставлю чайник, согреетесь. Проходите, садитесь.— И она вышла на кухню.

— Я говорил тебе, что уже поздно,— почему-то шепотом произнес Игорь.

— Мои родители ложатся спать, когда кончается передача по телевизору. Раз телевизор работает, значит, еще не поздно. И наконец рано или поздно, но знакомство с ними должно было состояться,— сказала Света.

Они встречались около года. Между собой все решили, но Игорь все оттягивал встречу с родителями Светланы.

Он окончил инженерно-строительный институт и уже несколько лет работал в одном из строительных управлений. Лет ему тридцать, рост выше среднего, лицо смуглое. Из-под густых черных бровей выглядывают темно-карие глаза, беспокойно бегающие с предмета на предмет.

Облик Светланы соответствовал ее имени. Белокурая, с длинной косой, голубоглазая, белокожая, с ярким румянцем. Секретов от матери она не держала и давно рассказала ей о своей любви.

Мать не возражала, понимая, что девушке не следует долго засиживаться в невестах, но тем не менее взяла с нее слово, что та не сделает решающего шага, пока не получит диплом.

Светлана сдержала слово. Диплом у нее в кармане, а заодно и направление на работу терапевтом в районную поликлинику.

— Вот я и выросла! — заявила Светлана родителям, когда принесла диплом домой.— Если мне доверили судьбы людей, то свою я вправе решать сама!

По тому, как она решительно вела Игоря к родителям в поздний час, нетрудно догадаться, что разговор будет серьезный.

Молодые люди молча сидели на диване и поглядывали на телеэкран, пока Александра Ивановна готовила чай.

Сменив пижаму на костюм, в комнату вошел отец Светланы. Игорь встал с дивана.

— Ну, что же, давайте знакомиться. Петр Борисович Громов.— И он крепко встряхнул руку Игоря.

— Игорь Якушев. Инженер...

— Знаем, знаем,— прервал его Петр Борисович.— Светка нам все о вас доложила. Садитесь к столу, чай пить будем.

Александра Ивановна принесла чайник, поставила вазочку с вишневым вареньем и тарелку с домашним печеньем. В этом доме предпочитали все домашнего приготовления. Хозяйка не только любила, но и умела хорошо готовить.

— Жаль, что не знали о вашем приходе, а то бы пирог с яблоками испекла. Он у меня слоеный, фирменный.

Светлана помогала расставлять чашки и радовалась в душе, что у нее такие гостеприимные родители.

— Света говорила, что вы живете в Москве один.

— Да. Мои родители в Курске. Тут я снимаю комнату у одной одинокой женщины.

— Что же вам площадь не предоставляют?—поинтересовалась Александра Ивановна.

— Стою на очереди. Обещают не раньше, как через год.

Разговор шел больше о квартирных делах, а матери Светланы хотелось бы услышать о его планах в отношении семьи. Светлана с характером, раз уж привела его в дом, значит, дело зашло далеко.

Познакомились они на свадьбе у подруги. Оба свидетелями были. Девчонки сразу заметили, что он к ней неравнодушен. Сама же она видела в нем старшего товарища не только по годам, но и по жизненному опыту. В нем она примечала самостоятельность, бережливость, иногда доходившую до скупости, и тогда Светлана смеялась: «А часы вы на ночь не останавливаете?»

Пришло время за дипломную работу садиться, встречаться стали реже. После защиты вновь на свидания бегать стала...

...Игорь пил чай и хвалил варенье. Александра Ивановна решила идти в наступление.

— Где же вы жить будете, если жениться надумаете? — прямо спросила она.

Не успел Игорь ответить, как Светлана выпалила:

— Пока у нас. Вот здесь, на диванчике.

Отцу не понравилась поспешность дочери. То ли в шутку, то ли всерьез он спросил:

— Это что же, вы вдвоем решили или одна за всех? Как все у вас просто получается! Сегодня вы к нам въедете, завтра дети появятся, а мы, старики, уже не в счет, с нами и не советуются. Все, что за долгую жизнь наживали, вот так возьмем да отдадим вам запросто! А сами на кухню переберемся или в коридоре на диванчике пристроимся...

— Папа, зачем же так? Мы же временно. Не прогонишь же ты родную дочь на частную квартиру! — обиженно проговорила Светлана.

Отец с матерью переглянулись. Александра Ивановна посмотрела удивленно на дочь, потом на Игоря и тихо, как бы боясь спугнуть кого-то, спросила:

— Вы что, серьезно хотите пожениться?

— Петр Борисович, Александра Ивановна, я и Света любим друг друга и хотим просить вашего согласия на наш брак. Вопрос с жильем я как-нибудь улажу.

Светлана встала рядом с Игорем и вопросительно посмотрела на мать, ожидая поддержки.

В комнате воцарилась тишина. Происходил немой диалог. Мать смотрела на мужа, как бы спрашивая: «Как?» В Петре Борисовиче боролось мужское самолюбие, чувство ревности к чужому для него человеку, который пришел, увидел и хочет увести его дочь. Игорь Якушев с гулким биением сердца ожидал ответа. И только Светлана, хотя и загорелась ярким румянцем от неожиданных слов отца, знала, что родители согласятся.

Наконец Петр Борисович взглянул на дочь и, твердо положив свою широкую рабочую ладонь на стол, так, что чашки в блюдцах вздрогнули, чеканя каждое слово, проговорил:

— Решай, Светлана, сама! Тебе с ним жить, ты его лучше нас знаешь. А ты,— обратился он к Игорю,— запомни: дочку в обиду не дам. Говоришь, любишь, так чтоб на всю жизнь, как у нас с матерью!

3

Свадьбу сыграли не в ресторане, как теперь модно, а по-домашнему. Собрались в квартире Громовых. Приехали мать с отцом и сестренка Игоря, пришла его тетка с мужем, со стороны Светланы — свидетели новобрачных да две подружки по институту.

Вот уж где Александра Ивановна блеснула своим кулинарным мастерством. Гости ели да похваливали.

Молодежь танцевала под радиолу — кто в спальне, кто в прихожей. Квартира двухкомнатная, малогабаритная, широко не размахнешься.

Старшее поколение занималось обсуждением житейских проблем. Одни предлагали сложиться на кооперативную квартиру, другие — ждать, пока подойдет очередь и дадут на работе, а деньги всегда найдут свое место.

Наступило время гостям расходиться. Все под конец немного захмелели. Да и как же может быть иначе на свадьбе! Отец Светланы раздобрился, стал убеждать зятя, что с квартирой поможет. Не дадут зятю, так он у себя на работе похлопочет. Сорок лет проработал на одном заводе и никогда ничего не просил. Живут они в квартире, что от родителей жены осталась. Скоро ему на пенсию выходить, вот и попросит, как ветеран труда и участник Отечественной войны, улучшить жилищные условия.

— А на первую ночку пусть пошлет вам бог сына или дочку! — торжественно произнес он.— Укладывайтесь на нашей фамильной кровати. Мы с матерью на диванчике молодость вспомним, а гостей дорогих на раскладушках пристроим.

Молодожены спустя несколько дней вернули кровать родителям, а сами перекочевали на диван. Александра Ивановна стала было отказываться от кровати, на которой проспала четверть века, но Петр Борисович возразил:

— Кончился медовый месяц, пора и нам на перинке бока погреть.

Диван-кровать на день складывать не стали. Светлана, набегавшись по вызовам на своем участке, приходила уставшая и валилась на нее в ожидании мужа.

Игорь приходил с работы не всегда вовремя. То собрания, то сверхурочная работа по заданию шефа, то мальчишники по случаю очередного отпуска. Предлоги находились, а Светлана устраивалась с родителями у телевизора, как в былые времена.

Однажды Светлана, наклонившись к мужу, прошептала ему на ухо:

— Кого ты хочешь, мальчика или девочку?

Игорь растерянно посмотрел на нее.

— У нас будет ребенок,— тихо проговорила Светлана и еще крепче прижалась к нему.

Игорь не выразил особой радости, сжал узкую ладонь Светланы в своей крепкой руке и подмигнул ей: крепись, мол.

После этого разговора Игорь как-то изменился. Стал несдержан в словах, замкнулся в себе, о работе ни звука и самочувствием Светланы не интересуется.

Недели через две Светлана поделилась с матерью.

— Доченька, может, он против, что у вас будет ребенок?

Светлана не выдержала, расплакалась и рассказала весь недавно состоявшийся разговор. «Какие дети,—сказал Игорь, — когда мы сами на положении детей живем у твоих родителей! Обещал отец помощь, а где она? Придется мне перебираться к старой хозяйке, хорошо, что она еще никого не пустила, а тебе здесь жить. С ребенком не очень-то охотно сдают угол. Сама понимаешь, пеленки, плач по ночам, кому такое понравится».

Разговор между дочкой и зятем не пришелся по душе Петру Борисовичу.

— Здесь что-то не то. Если уходить от нас, то вместе, а его одного к старому гнезду потянуло.

Светлана с характером, вмешиваться в их дела родителям не разрешила.

— Сама привела его в дом, сама и разберусь,— заявила она.

Отец потихоньку от дочери стал утрясать дела. То в местком заглянет, то в партком. До директора дошел. Как не пойти, семья из-за квартиры рушится, а скоро ребенку быть. Выслушал его директор внимательно. В Медведкове как раз дом заселяли, вот и дал ветерану из директорского фонда однокомнатную квартиру.

Из мебели купили самое необходимое. Перевезли на новую квартиру, а вскоре и Маринка появилась. Бабка с дедом души в ней не чают, словно вновь молодыми стали. Маринка-то — копия Светки. И зачастили к внучке по очереди, а в выходной день и оба прикатывали.

Через год внучку в ясли отдали, Светлана на работу вышла. И опять новые заботы. Как ни приедут родители, а там уже гости: то свекровь, то сноха, а то и просто земляки Игоря заявятся.

Светлана после работы за продуктами по магазинам набегается, придет, всех кормить надо, а Игорь требует, чтобы как положено было, с вином и закуской. Его родственники, мол, не хуже других.

Да уж где там хуже! Тюки за день набьют, чуть ли не пол-Москвы скупят. Видать, деньги, что сыну на квартиру сулили, в ход пустили да и сыночку на карманные расходы подбрасывают. А он их все чаще и чаще с дружками в ресторане просиживать стал.

Долго скрывала Светлана от матери, что живется ей невесело, а тут еще между нею и мужем черная кошка пробежала в образе квартирной хозяйки, у которой Игорь проживал. Разные слухи доходили до Светланы, только верить всему не хотелось.

Свои похождения Игорь сценами ревности прикрывать стал. «С больной головы да на здоровую свалить хочешь! — отговаривался он.— Сама по квартирам ходишь, где, между прочим, не только женщины болеют, но и мужички, случается. Не все же они пенсионеры. Наедине все что угодно может быть!»

Слушала, слушала Светлана, как он свою грязь на нее переливает, и не выдержала. Врезала ему пощечину — так, что у самой рука загорелась. Неделю не приходил Якушев домой. Все это время у «хозяюшки» утешение искал. Ее Светлана не винила. Каждая женщина в ласке нуждается, а одинокая тем более. Но как он мог?!

И пошла у них жизнь в разные стороны, и не год и не два. Маринка из яслей в детский сад перешагнула. Осенью в школу пойдет. Вот там-то и встанет большой вопросительный знак: «Кто твой отец?»

Давно видит ребенок, что в доме не то, что было раньше. Отец перестал водить ее в садик, мать недобрая стала, на время разговора отец с матерью ее во двор погулять отправляют.

Трудно Маринке разобраться, кто из них прав. То одного, то другого жалко. Провожали как-то бабушку, и, пока автобуса дожидались, Светлана с матерью заговорились и не заметили, как Маринка отошла от них в сторонку и стоит, понурив голову.

— Мариночка, что ты там стоишь? Иди к нам! — позвала бабушка.

— Мне надоело слушать, когда вы о папе говорите,— обиженно ответила Марина.

4

Очень часто взрослые, погружаясь в свои жизненные неустройства, переживая личные страдания, забывали о том, что рядом с ними живет, ко всему присматривается и прислушивается маленький человечек.

Дети по природе своей очень наблюдательны, видят и слышат даже тогда, когда, казалось бы, и не обращают на вас никакого внимания, занимаясь только своим делом. Они, как рентгеновскими лучами, пронизывают вас насквозь, замечая изъяны, а вот поставить точный диагноз не могут.

То же самое творилось и с Маринкой.

Ушел отец из дома, и ей, как никогда, захотелось, чтобы он был. С завистью стала посматривать на детей, идущих по улице за руку с отцом. «Подумаешь, воображала!» — решает она про себя, глядя на сияющего карапуза, идущего в ногу с отцом.

Однажды — это было в субботу—она упросила мать взять ее с собой на участок — вместо прогулки. По дороге Маринка подробно расспрашивала, к кому они идут и есть ли там дети.

В другой раз, уходя от больного, который оставался в квартире один, она спросила:

— Дядя, а вы любите детей?

С тех пор мать стала оставлять Маринку дома. Та не стала упрашивать мать, но с детским лукавством и хитростью принялась подыскивать себе отца. Ходит и присматривается ко всем, а если удавалось с кем-то разговориться, то обязательно не упустит случая спросить: «А у вас есть дети?»

После развода дочери Александра Ивановна частенько стала прихварывать. Реже ездила к внучке. На день рождения девочки они решили с дедом сделать Марине подарок, но не какую-то куклу — их у нее достаточно, а диван-кровать. Девочка выросла, осенью в школу пойдет, пусть спит удобно. Ставить вторую кровать не хотелось, а диван как-то украсит их скромную обстановку.

Оплатили они покупку в магазине, отгрузили и по адресу отправили. Сами поехать в этот день не смогли.

К вечеру кто-то постучал в дверь. Глазенки Маринки засветились. Не отец ли? Стук был сильный, требовательный. Мать открыла дверь:

— Здесь Светлана Петровна Якушева живет? — спросил мужчина, под рукавами рубашки которого так и играли мускулы.— Родители вам подарочек просили доставить. Диван-кровать. Все оплачено, прошу принять!

Светлана спустилась во двор. Помогала шустрому шоферу впихнуть диван в лифт. С коридорной площадки волоком втащили его в комнату.

— Куда ставить?

— Вот сюда.—Светлана показала рукой к стенке.

— Сюда так сюда,—подмигнул шофер Марине.— Раз-два — взяли! — И диван встал на место.

Маринка, как завороженная, смотрела на сильного, ловкого и веселого человека, а когда он стал уходить, спросила:

— Дяденька, а как вас зовут?

Мужчина посмотрел на девочку, погладил по голове. Окинул взглядом комнату и, не ответив на вопрос, только нажал пальцем на кончик носа Марины, вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

— Вот бы тебе такого мужа! — со вздохом произнесла Маринка.— Веселый, добрый, тебе помогал бы.— И тут же совсем неожиданно задала вопрос:—А кто красивее—наш дедушка или этот дядя?

— А как ты думаешь?

— Я думаю, что дедушка. Он же родной!

Окончание следует.

ЛЕТОПИСЬ ОЛИМПИАД

Эта небольшая, хорошо оформленная книжка, несомненно, привлечет внимание читателя[1]. Автор, известный спортивный журналист Марат Шишигин, рассказывает в ней об Олимпийских играх, свидетелем которых он был.

Мы совершаем увлекательное путешествие по сложным олимпийским трассам Инсбрука, по праздничному Токио, по снежным склонам Гренобля, затем попадаем в Мехико — столицу XIX Олимпиады и, наконец, в Мюнхен, где проходили XX Игры.

Мне также посчастливилось побывать на всех этих Олимпиадах, и я могу утверждать, что М. Шишигин сумел отобрать для своих очерков самое характерное, самое типичное для времени, народов и стран, о которых он рассказывает.

У автора зоркий глаз. Казалось бы, маленькая деталь, незаметный штрих — и вы чувствуете себя очевидцем больших спортивных событий. Стиль очерков кажется спокойным, местами даже суховатым, но за этой обманчивой внешностью таится темперамент публициста, бескомпромиссность советского журналиста, который видит за чередой бесстрастных цифр и имен накал борьбы, часто вырывающейся из рамок спорта. Мысль автора ясна: Олимпиады не просто спортивные форумы, они праздники дружбы и мира, их цель — служить делу единения народов.

Книга М. Шишигина «Олимпиада, Олимпиада...» — еще одна удачная летопись многотомной истории Олимпийских игр.

В заключение нельзя не отметить остроумные иллюстрации художника И. У. Тер-Аракеляна и профессиональную тщательность издательства, выпустившего в свет эту актуальную книжку.

А. КУЛЕШОВ

[1] М. Шишигин. «Олимпиада, Олимпиада...». Изд-во «ФИС», Москва, 1979 г.

Юрий **ВАРЛАМОВ**

Фото **М. САВИНА**

ПОД КРЫЛОМ ЧЕРНОГО АИСТА

Знакомство с Мещерой для меня, как и для многих людей, началось с книг Паустовского. Звал и манил край, где плавно текли тихие реки, вековые боры смотрелись в гладь бесчисленных озер. А в потаенных болотных дебрях гнездилась вечная нечисть, знакомая по сказкам детства. Такой была когда-то Мещера...

Время шло. Край заметно менялся. От огромного болотно-лесного массива, равного площадью иной европейской стране, остались лишь отдельные острова.

Одним из таких островов, где решено сохранить для потомков неповторимую своеобразность былой Мещеры, является Окский государственный заповедник.

Да, не имея привычки, за лесотехником Царевым угнаться трудно, хоть он и не очень спешит.

— Давно здесь, Николай Иванович?

— Да уж лет за пятнадцать будет...— Он немногословен, занятый своими заботами. Их у лесника много. Рабочий день от зари до зари. Семья — шестеро! Хозяйство, конечно, выручает. О нем тоже подумать надо. Корова, овечки, куры — все заботы требует.

Впереди громко залаял Руслан, пес лесника — крупная понятливая лайка. Из чащи выскочил лось. Заметив нас, перебежал на противоположную, боровую сторону. И снова пустынно, тихо вокруг.

«Заколдован невидимкой, дремлет лес под сказку сна...»

Точно сказано! Не спит, именно дремлет. Тихо-тихо звенят синицы. Дятлы в соснах словно выстукивают срочные телеграммы...

— А раньше чем занимались?

— На пасеке работал в колхозе, недалеко отсюда. Учился я когда-то на пчеловода. А потом сюда подался. Жена сначала не хотела: «Куда? С малыми-то детьми!» Потом обвыклась. Так и живем. Волки другой раз чуть не на крыльцо заходят. А то похлестче волка — браконьеры. Ничего, справляемся,— улыбнулся он вдруг.

В это верилось сразу. Такой он ладный да ухватистый, несмотря на небольшой рост. И в лес без ружья ходит — с одним ножом.

— Теперь и впрямь своим здесь стал,— продолжает лесник.— Омут на реке, недалеко от кордона, раньше был безымянный. Теперь зовут «Царев омут»...

Главный лесничий заповедника Владимир Гурьевич Ковалев о лесе может говорить часами. Светлые глаза при этом лучатся, темнеют лишь, когда речь заходит о браконьерах. С этой публикой он познакомился еще в студенческие годы, принимая участие в рейдах охраны природы.

Ковалев достал папки с протоколами задержаний. Тут и лесники окрестных лесничеств, и ответственные работники из района и области, и даже бывший лектор Телков с бельгийским ружьем. Ладно, хоть бывший. И все ж таки странно читать это.

— Владимир Гурьевич, проводит ли заповедник разъяснительную и воспитательную работу?

— Обязательно. Лекции, беседы. С туристами, отдыхающими, местными жителями.

— И каков эффект?

— Не слишком,— хмурится Ковалев.— В селе Городное, неподалеку отсюда,— через дом, считай, незарегистрированное ружье найдешь. Искать даже не надо — на стенке висит... Вот вам пример. В прошлом году, 27 апреля,— я день запомнил — рейд устраивали. Работники заповедника и студенты МГУ. Двумя группами. Рекой на моторках и машиной по берегу. Плывем. Погода чудная. Весной природа сама перед собой хвалится.— Главный лесничий говорил слегка на «о».— Поднялись выше заповедника, к деревне Деулино. Глядим — сети поперек реки в несколько рядов. Мы — снимать. А рыбаки — к нам, на лодках тоже. Ружьями грозятся. «Валитесь к себе в заповедник. А здесь — наша речка»,— орут. Вот, полюбуйтесь,— добавил он, доставая из-за шкафа огромную острогу.

— М-да. Экспонатик! Прямо в музей первобытного человека. С такой снастью и на мамонта можно.

— Если хотите, могу подарить. Покажете там, в Москве. А то не поверят, какие у нас тут умельцы...

Рабочий день закончился, и нас пригласили в кабинет директора смотреть фильм о заповеднике.

...Лес курился туманом, слегка розоватым от заалевшего неба. На высокой сосне отшельник-глухарь журчал свою песнь. Краснобровые косачи среди болотных кочек наскакивали друг на друга в яростном токе. В поднебесье бекасы выделывали фигуры высшего пилотажа. А над узкой лесной просекой тянул в сумерках одинокий вальдшнеп.

...Нежной зеленью пушилась береза. Набирали силу сочные травы. И вот уже вековые пойменные дубравы шумели свежим полным листом. Среди зарослей водяной лилии плыл смешной хоботкастый зверек — выхухоль. Хохуля, как его ласково зовут здесь. Бобры-работяги строили на озере аккуратные хатки...

Солнце ходило все ниже. В косах березы мелькала первая желтая прядь. Октябрьский листобой безжалостно сдирал с леса остатки золотых и пурпурных одежд. Пуховики первых метелей ласково укутывали землю, уходящую на покой...

И снова безбрежное половодье заливало речную пойму, сгоняя зверя с насиженных мест. Плыли через бурлящий поток богатыри-лоси. Обезумевшие зайцы метались на полузатопленных островах...

Перед нами на экране прошел весь заповедник с весны до весны. Звери, птицы, растения — все, чем богат он и славен. Последним кадром удивительной сказки промелькнул силуэт черного аиста. Его изображение — эмблема Окского государственного заповедника.

Включили свет, но еще некоторое время длилось зачарованное молчание.

— А все-таки жаль, что это не наяву!

— Вообще-то говоря, заповедник не зоопарк,— чуть сердито отвечает Евграф Сергеевич Литкенс, заместитель директора по науке.— Каждый лишний человек, будь он даже работником заповедника, одним присутствием своим в неположенном месте уже нарушает заповедный режим. Так что уж лучше фильмы смотрите!

Он прав, конечно. Побольше бы таких фильмов в широком прокате! Об этом говорится, кстати, и в постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов»: «Государственному комитету СССР по телевидению и радиовещанию, Государственному комитету СССР по кинематографии... поручено обеспечить усиление работы по распространению среди населения знаний по охране природы, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов».

Весной 1977 года в заповеднике было снято несколько фильмов под руководством В. Пескова, а летом телезрители увидели их в передаче «В мире животных».

— Посторонних людей пускать не хотим. Правильно. А вот санитарные рубки проводим. Сено косим... Какой же это заповедник? — Главный лесничий — сторонник полной неприкосновенности заповедника.— Я не один так думаю,— добавляет он.— Многие со мной согласны.

— Начнем по порядку,— чуть смягчая окончания слов, говорит директор заповедника, кандидат биологических наук Святослав Георгиевич Приклонский.— С территории. Владимир Гурьевич прав: заповеднику необходима Зона абсолютной неприкосновенности, где все процессы текут сами собой, без вмешательства человека. Чтобы выделить эту зону, нужна достаточная площадь. А что мы имеем сейчас? Сам заповедник 22,3 тысячи гектаров и охранная зона 20 тысяч гектаров.

— Для чего существует охранная зона?

— Прежде всего это буфер, гасящий антропогенные влияния. То есть влияния всех видов человеческой деятельности. Пока же охранная зона даже не охватывает территории заповедника со всех сторон. В нашей зоне к тому же расположен ряд лесничеств, которые ведут вырубку леса.

— Охранная зона — и вырубка леса?

— Да. Ведь лесничества — от другого ведомства. У них свои планы. Кстати, и возраст леса, предназначенного к вырубке, недавно почему-то снижен со 120 до 80 лет... Охранную зону следует увеличить и полностью передать заповеднику еще и потому, что на ее территории, в пойме реки Пры, обитает редкий реликтовый зверек — выхухоль. Наш заповедник своим возникновением обязан именно ей. Выхухоль — современница мамонтов. Ей около тридцати миллионов лет. Да и обитает она только на территории СССР. Мех выхухоли ценится наравне с бобровым и соболиным. Всего в стране насчитывают сейчас примерно пятьдесят тысяч зверьков. Опасность исчезновения для этого вида пока не миновала. А всякая производственная деятельность на территории охранной зоны наносит ему значительный ущерб. Когда увеличится охранная зона, можно будет и решить вопрос о введении режима полной неприкосновенности на части территории заповедника.

В будущем наш заповедник намечено превратить в биосферный. Научными исследованиями совместно с нашими сотрудниками занимаются иностранные специалисты. Не так давно здесь работала группа американских орнитологов. Идет большая работа по международным программам. Кольцевание птиц, на-

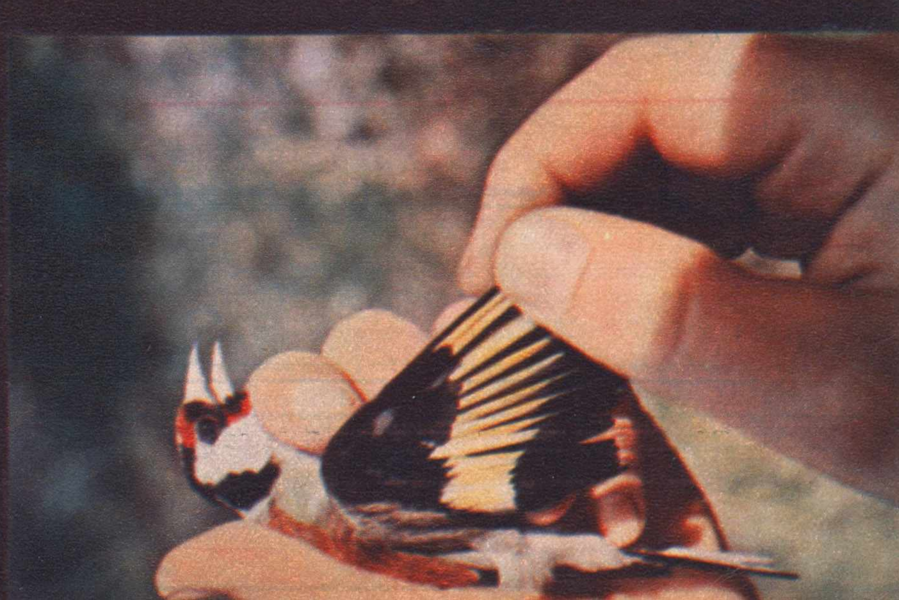
Таксидермист Сергей Петрович Зацепин. ● Олень ● Выхухоль ● Чайка ● Щегол.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Колония озерных чаек ● Лесник Николай Иванович Царев со своим другом Русланом.

пример. Весной тут пролетает масса водоплавающих птиц на гнездовья в северные тундры. Они отдыхают на многочисленных болотах и озерах. Условия пока хорошие...

— Пока?

— Именно. Дело в том, что невдалеке от заповедника, хоть и за охранной зоной, ведутся мелиоративные работы. В результате мелеет река Пра. А затем и болота, и озера, на которых отдыхают птицы. Уникальные пойменные дубравы начали сохнуть...

Вспомнилась дорога, ведущая в заповедник. С обеих сторон тянулись унылые, голые поля, кое-где оживляемые темными полосами каналов. В беспорядке по полям этим чернели какие-то странные не то машины, не то сооружения. «Мелиораторы»,— с горечью сказал тогда один из сотрудников...

— Мелиорация — дело чрезвычайно нужное. Это всем известно. Но надо согласовать наши усилия — по преобразованию природы, с одной стороны, и по сохранению — с другой. Трудно? Да. Причину я уже называл — разная ведомственная принадлежность...

Заповедник имеет международное значение. Здесь гнездятся птицы, находящиеся под особой охраной и даже занесенные в «Красную книгу». Такие, например, как черный аист и орел-змееяд. Сохранение же вида невозможно без сохранения его природной среды обитания — биоценоза. То есть тех же болот, лесов и озер.

Тем более важно постоянное и полное согласование усилий всех организаций, имеющих непосредственное отношение к природе. Надо надеяться, что свое слово скажет недавно созданный Госкомитет по гидрометеорологии и контролю природной среды. Он должен помочь увязать усилия всех организаций, в первую очередь заинтересованных в рациональном использовании и охране природы.

Немалую роль, видимо, сыграют и «Территориальные комплексные схемы охраны природы». Они создаются для определения комплексных мер предупреждения загрязнения и деградации окружающей среды. На район, в котором расположен заповедник, такая схема уже разрабатывается.

— С техническим персоналом плохо,— сетует Е. С. Литкенс.— Дело понятное, конечно. Заработки здесь невелики. Да и условия тоже пока оставляют желать лучшего. Нужного специалиста заполучить трудно. Многое держится на энтузиастах. Один человек порой за пятерых работает...

К слову сказать, заместителю по науке частенько приходится заниматься и хозяйственными делами.

— Но ведь и штат особенно увеличивать не хочется. И опять все от территории идет. Вырастет она — тогда и людей побольше можно будет набрать. А то, бывает, люди к нам просятся, а взять не можем. В особенности молодежь. Много нам пишут. Школьники, школьницы. Большая у ребят к природе тяга. «Прошу принять на работу. Согласен на любые условия...» Если бы это писали специалисты!

— Так никого и не взяли?

Литкенс смеется:

— Святослав Георгиевич тут нечто вроде стройотряда организовал. Для нескольких человек, самых настойчивых. Работают ребята в мастерских, на стройке, благоустраиваем поселок по возможности. Учатся все заочно в техникумах, институтах. Весной их в лес брали — на кольцевание... А осенью на отлов бобров...

— Как себя покажут.— Приклонский, словно вспоминая что-то, закрывает глаза.— Я ведь сам здесь студентом начинал. Больше двадцати лет прошло. Тогда еще ни дороги, ни электричества не было. Два вида транспорта — лошадь да лодка. Впрочем, они у нас до сих пор в почете. Весной, пока большая вода не спадет, вся работа — с лодок. Да и лошадок не забываем. Техника — вещь необходимая, но в самом заповеднике лучше без нее обходиться. По возможности...

Беседа кончилась поздно. Поселок спал. Тишина разливалась вокруг. Лишь шумели под ветром деревья да в чаще кричала неясыть. Многоглазая ночь любопытно смотрела на землю. Голубые, зеленые, желтые — звезды были чисты и ярки. Наверное, радовались, видя внизу живой лес.

Заповедники — передний край борьбы за сохранение важнейшего достояния человечества, биосферы. Необходимо делать все возможное, чтобы помочь людям, работающим здесь, в их благородном и нелегком труде.

Пятнистый олень ● Ирисы ● Совенок ● Перед осмотром угодий. В центре директор заповедника Святослав Георгиевич Приклонский ● Уж ● Кабаны.

НЕПОВТОРИМАЯ РАДОСТЬ МУЗЫКИ

И. ШЕХОНИНА,
Ин. ПОПОВ

Если согласиться с тем, что время — лучший судья творений искусства, то среди бесспорных лидеров советской оперы едва ли не на первое место выйдет «В бурю» Тихона Николаевича Хренникова: вот уже сорок лет опера не покидает сцену.

Неповторимо своеобразна эта великолепная опера Хренникова. Ей в высшей степени свойственно то, что великий русский поэт называл лица необщим выраженьем. Определяется оно прежде всего мелодически щедрой, сердечной, эмоционально волнующей музыкой, равно впечатляющей и в народно-жанровых сценах, и в моменты трагедийного напряжения, и в лирических кульминациях.

Но дело здесь не только в музыке. Опера — жанр синтетически сложный. В нем важно и драматическое действие, и развитие сюжета, и правдивость характеров в их драматургическом единстве. Все это в полной мере свойственно опере «В бурю». Музыка ее не только выразительна и красива, она сценична, драматургически точна. Она с такой яркостью и силой раскрывает образы героев «Одиночества» Н. Вирты, что эти герои, обретая иную художественную плоть и кровь, начинают сызнова жить в нашем сознании. Подобные случаи нередки в классических и современных операх. Лишь любители литературы помнят цыганку Кармен из одноименной новеллы Мериме, но, наверное, каждый знает героиню оперы Бизе...

Подчас опера смещает некоторые акценты в характеристиках литературных персонажей. Ведь не во всем «совпадают» герои пушкинских «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» с одноименными операми Чайковского. Но и в том, и в другом случае сила самой музыки полностью нас убеждает.

Нечто аналогичное мы видим и в опере Т. Хренникова «В бурю», где автор либретто А. Файко значительно корректировал сюжет «Одиночества» Н. Вирты за счет сокращения боковых сюжетных линий и образов второстепенных персонажей. Впрочем, слушателя, зрителя эти детали не интересуют; ему важен конкретный реальный художественный результат, достигнутый автором музыки. Но в данном случае надо об этом напомнить, ибо до сих пор распространено мнение, что Хренников, мол, создал свою первую оперу в некоем безотчетном порыве вдохновения. Между тем композитор проделал поистине огромную работу по творческому переосмыслению литературного первоисточника.

Как известно, Владимир Иванович Немирович-Данченко помогал своими советами молодому композитору, но ведь эти советы нужно было еще умело реализовать. Да к тому же это были именно советы, а отнюдь не четко расписанная программа действий. Нельзя забывать и о том, что одним из авторов либретто был сам Н. Вирта, что, конечно, помогло композитору в работе над оперой.

Какой же предстает перед нами драматургическая конструкция оперы «В бурю»? В чем основная ее специфика?.. На наш взгляд, оперу отличает поразительное умение композитора раскрывать в трагедийных столкновениях контрасты противоборствующих социальных сил. Столкновения эти пронизывают в жизни героев все. Драматическое действие сгущено до предела, и поэтому мы следим за ним с неослабевающим вниманием. Все арии, ансамбли, хоры, несмотря на свою четко завершенную форму, являются не «эмоциональными остановками» в развитии сюжета, а, напротив, образной акцентировкой всех сюжетных поворотов и кульминаций.

...Село Дворики на Тамбовщине. Сентябрь 1920 года. Золотая осень. Парни и девушки гуляют, поют песни. Но невеселое это гулянье: большевики должны временно оставить село, чтобы обеспечить охрану железной дороги. Приходом антоновцев — вот первый резкий контраст! — заканчивается картина.

Острейших столкновений полна и вторая картина, где действие

Т. Н. Хренников.

происходит на дворе у Аксиньи, матери двух сыновей — Листрата и Леньки. Они давно в ссоре. Листрат — большевик. Ленька — батрак кулака Сторожева — обманут антоновской демагогической пропагандой. Братья впервые встретились после нескольких месяцев разлуки, и сразу же вспыхивает меж ними жестокая ссора. Мать с огромным трудом их мирит, но тут входит Сторожев с антоновским патрулем; Листрат прячется в копне сена. Чувствуя испуг Аксиньи и Леньки, Сторожев приказывает «прощупать» саблями копну. Раненый Листрат ни единым звуком не выдает себя. Антоновцы уходят. Ленька же скрывается вместе с Листратом.

Столь же драматически насыщены и все последующие картины оперы. В третьей картине дана кульминация буйного разгула антоновщины: пьяные кутежи, издевательство над крестьянами. Здесь же возникает новый конфликт: Сторожев говорит Ленькиной невесте Наташе, что ее Ленька с «комиссаршей» связался.

Четвертая картина — высшая точка в развитии отношений Наташи и Леньки. Беременная Наташа, которую Сторожев убедил, что

Ленька бросил ее и всенародно над ней насмехается, близка к умопомешательству. Она хочет кончить жизнь самоубийством. Появляющийся в этот момент Ленька пытается ей помешать. С трудом он убеждает Наташу в своей правоте, в своей любви...

Особняком стоит в опере пятая картина — сцена у Ленина. К Ильичу пришли за правдой крестьяне: Фрол Баев и его друг Андрей. Здесь кульминация всех социальных линий сюжета и вместе с тем их драматургическая развязка. Картина умело поставлена как бы в точке «золотого сечения», она четко отгранена иным характером музыки. А в момент появления Ленина музыка вообще умолкает, что создает дополнительный контраст. Воспринимается эта чрезвычайно яркая картина с большим волнением.

Характерно, что и заключительная, шестая картина оперы отнюдь не носит характера спокойного повествовательного эпилога. Напротив, стремительный сюжет здесь приобретает особую «спрессованность». Перед нами проходит убийство Фрола Баева Сторожевым; поиск и арест Сторожева; побег его из-под ареста, когда он едва не убивает Леньку; и, наконец, окончательное избавление Тамбовщины от того «бешеного волка», каким был Сторожев...

Многие эпизоды оперы «В бурю» столь художественно совершенны по своей выразительной силе, что могут быть соотнесены с ярчайшими достижениями мировой оперы. Арии, ансамбли и хоры оперы перешли и на концертную эстраду.

Крупнейший советский музыковед академик Б. В. Асафьев в свое время назвал оперу «В бурю» самым талантливым выражением того направления советской оперы, которое справедливо стремилось противопоставить непосредственное восприятие, прямоту и здравость человеческого чувства массового слушателя тем стилям музыки, где интеллектуализм ради интеллектуализма, слишком много предоставляя в искусстве логическому разуму, безгранично и усложнял иутончал элементы оперы.

Разъясняя эту мысль, Б. В. Асафьев замечал, что Хренников как бы заявляет: вот возьму, так и скажу, как слышу, чтобы не запутать свою интонацию ухищрениями модного хорошего тона! Специальный искусствоведческий термин, ставший теперь крылатым выражением: «смелость интонационной простоты», — это сказано именно о Хренникове.

Время подтвердило справедливость этих аналитических прозрений. Нас действительно изумляет та глубинная, мудрая простота, с какой решал Т. Н. Хренников стоявшие перед ним сложнейшие творческие задачи. Прочная опора на ариозную песенность, на традиции русской классики, в первую очередь на опыт Чайковского и Мусоргского, — вот будто и все! Но на деле все было гораздо сложнее. Ведь герои Т. Хренникова, среда, в которой они действуют, историческая обстановка, расстановка социальных сил, взаимоотношения персонажей — все это требовало иного подхода к самой постановке творческих задач; требовало их решения современными средствами музыкального языка.

Композитор блистательно решил все эти задачи. Решил темпераментно, творчески ярко, с убеждающей художественной силой.

Опера «В бурю» создавалась в теснейшем контакте с Музыкальным театром имени Вл. И. Немировича-Данченко. Выдающийся советский режиссер, руководивший этим коллективом, после первых же работ композитора, выполненных для драматического театра (среди них, к слову говоря, была великолепная музыка к вахтанговской постановке «Много шума из ничего»), чутким сердцем гениального художника сцены ощутил крупнейшее дарование юноши Хренникова. Спектакль «В бурю» Владимир Иванович Немирович-Данченко считал этапным и принципиально важным для своего коллектива, подчеркивая, что «ни в одной из работ наш театр не приближался с такой полнотой к осуществлению задач, которые он ставил в области советского оперного искусства».

Уже на репетициях артисты были захвачены музыкой Хренникова, напряженным эмоциональным тоном драматургии.

Премьера — 10 октября 1939 года — прошла с огромным успехом и вызвала большой общественный резонанс.

Перед Великой Отечественной войной Музыкальный театр имени Вл. И. Немировича-Данченко был объединен с Оперным театром имени К. С. Станиславского. На сцене этого театра опера «В бурю» идет в течение четырех десятилетий. В спектакле неоднократно обновлялся исполнительский состав, но неизменно сохранялась его великолепная художественная форма.

С огромным успехом опера «В бурю» прошла почти во всех оперных театрах страны. Примечательно, что интерес аудитории к этому произведению отнюдь не затихает с годами, но, напротив, продолжает возрастать. Особенно заметно это было в сезоны последних лет. Наиболее значительными стали постановки Государственного академического Большого театра СССР и Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Неоднократно ставилась опера Т. Хренникова и за рубежом.

Любовь к музыкальному театру красной нитью проходит через все творчество Хренникова — одного из крупнейших мастеров советской музыки. Композитор создал ряд произведений, являющихся заметными вехами на его творческом пути и представляющих собою значительный вклад в различные жанры советского музыкального театра... Разговор о них невозможен в границах журнальной статьи, но если вкратце подытожить то, что объединяет все эти сочинения, то назовем прежде всего широту творческих интересов автора. Он берет жизнь от русской старины, от Шекспира до сегодняшних дней, до Октябрьской революции. Масштабная опера и детский балет, камерная опера и многослойно-объемная, сложная по сюжету музыкальная комедия — все это в равной мере в возможностях Хренникова, с его стойкой приверженностью к ясному эмоционально-волнующему музыкальному языку, где главное место всегда занимает мелодия, напоенная песенными интонациями... Поражает — повторим еще раз! — простота большого мастера, великолепно владеющего всеми компонентами ювелирно отграненной композиторской техники.

Хорошо говорил о таланте Тихона Николаевича Хренникова Арам Ильич Хачатурян. Он считал, что это очень трудная задача — писать музыку самого высокого качества и вместе с тем, не снижая строгих художественных требований, не идя на компромиссы, обращаться с музыкальным словом к миллионам слушателей. В этом плане творческий путь Хренникова во многом можно назвать показательным. В его музыке бьется живой пульс Времени.

19 августа — День Воздушного Флота СССР

Советские Военно-Воздушные Силы надежно охраняют небо Родины. Воины-авиаторы — гордость нашего народа. В них воплощены лучшие черты строителей коммунизма: верность коммунистической партии и Родине, трудолюбие и отвага, воинская доблесть и высокая культура.

Накануне всенародного праздника Дня Воздушного Флота СССР к нам в редакцию на заседание клуба «На «Огонек» пришли летчики гвардейского истребительного авиационного трижды орденоносного полка имени Ленинского комсомола. Они рассказали о своей жизни, полетах, боевой и политической подготовке.

ПО ПРИМЕРУ ОТЦОВ

— Наш полк летает на отличных сверхзвуковых истребителях, полностью отвечающих условиям современного боя, — рассказал секретарь партийного комитета полка капитан Андрей Александрович Макмаевский. — Но сама природа этого боя предъявляет особые требования к морально-политической и психологической подготовке летчиков. Это возлагает большую ответственность на командиров, политработников, партийные и комсомольские организации.

В этой воспитательной работе мы широко используем примеры героизма и летного мастерства летчиков нашего полка, проявленных во время Великой Отечественной войны. А таких примеров было немало. Наш полк участвовал в великом сражении на Курской дуге, в котором шла ожесточенная борьба за стратегическое господство в воздухе, и советская авиация прочно его завоевала.

Позволю себе напомнить несколько цифр. С обеих сторон в сражении участвовало 11 тысяч самолетов. В воздушных боях советские летчики сбили 3400 самолетов противника. И это за 50 дней. Для сравнения скажу, что авиация США за весь 1942 год вывела из строя всего 327 немецких самолетов.

В победу под Курском внес свой вклад и наш полк. Его летчик, прославленный ас, трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб открыл в те дни свой боевой счет. За год пребывания на фронте он сбил 26 самолетов врага, а за всю войну — 62. Наш полк воспитал 22 Героя Советского Союза, в том числе и дважды Героя космонавта Павла Романовича Поповича.

В мирные дни наши летчики, попав в сложную обстановку, тоже проявляют мужество и отвагу, высокие моральные и психологические качества. Вот здесь присутствует заместитель командира эскадрильи летчик 1-го класса майор Сергей Иванович Безлюдный. При выполнении группового пилотажа он оказался в весьма опасном положении. Благодаря высокому летному мастерству, хладнокровию и смелости он сумел преодолеть опасность. За этот подвиг он награжден орденом.

Ну, и несколько слов о социалистическом соревновании в нашем полку. В каждом воинском коллективе оно имеет свои задачи, свои особенности. Леонид Ильич Брежнев сказал, что дело не в отдельных достижениях и рекордах, а в том, чтобы весь коллектив работал слаженно, без отстающих. Мы к этому и стремимся. Стремимся, чтобы полк имени Ленинского комсомола стал лучшим в Военно-Воздушных Силах Родины.

ВОЗДУШНЫЙ БОЕЦ

Заместитель командира эскадрильи по политчасти, летчик 1-го класса капитан Владимир Алексеевич Воронин сказал:

— Современная военная авиация обладает большой ударной мощью, высокой боевой эффективностью, мобильностью, глубиной воздействия. Одним словом, она представляет собой грозную силу. Борьба с авиацией противника в значительной степени возлагается на самолеты-истребители. Поэтому летчик-истребитель по своей природе обязан быть бойцом. Он существует для воздушного боя, для перехвата и уничтожения воздушных целей.

Выполнять эти задачи в современных условиях далеко не просто. Поэтому наша профессия требует неустанного труда, упорных тренировок, я бы сказал, призвания и определенного склада характера, ну и, конечно, обширных и глубоких знаний. При сверхзвуковых скоростях, с учетом сложности конструкции и эксплуатации самолета-истребителя, в полете на тебя идет целый поток информации, а при этом надо еще следить и контролировать сложную приборную аппаратуру. Недаром теперь летные училища ВВС стали высшими, их выпускники получают диплом летчика-инженера.

И в наш полк приходят выпускники с такими дипломами. В училище их научили летать, и, как правило, неплохо. А у нас они учатся владеть боевой техникой, и корень этой науки для них тоже

ЬПАН В НЕБЕ

не сладок. Обучение максимально приближено к реальным боевым условиям. И тут перед молодым летчиком среди других трудностей возникают и чисто психологические. Например, при перехвате днем воздушной цели порой появляется робость при сближении с этой самой целью: скорость-то огромная... А в ночное время и в сложных погодных условиях бывает, что отметку цели на локаторе засвечивают помехи от земли или от облаков. Тут для выполнения задания нужны определенные навыки и опыт. Вот их-то и добывает «в поте лица» молодой летчик постоянными упражнениями и тренировками.

А учебные воздушные бои! На первых порах это тоже ой как непросто. Одиночный бой освоить легче, а вот групповой... Зато когда молодой летчик, как у нас говорят, войдет в строй, станет уверенно владеть боевой техникой, для него наступает счастливая пора. Сознание, что ты умелый и надежный защитник Родины, что для этого у тебя в руках грозное оружие, которым ты хорошо владеешь, приносит огромное моральное удовлетворение. Убежден: летчик-истребитель — лучшая профессия на земле.

ОДИН В БЕСКРАЙНЕМ НЕБЕ

— Я — заместитель командира первой эскадрильи по политчасти,— говорит летчик 1-го класса майор Николай Николаевич Рожков.— Нашу эскадрилью зовут пилотажной. Нет, конечно, мы прежде всего истребители, а пилотажники — ну, это как прикладное искусство. Все летчики полка выполняют фигуры высшего пилотажа. Летный состав нашей эскадрильи обязан выполнять их безупречно и на малой высоте. Скажем, 150 метров над землей. Такая высота не простит и малейшей неточности. Выполняя высший пилотаж, мы демонстрируем летно-технические качества отечественных истребителей.

Перед кем? Перед военными делегациями разных стран, приезжающими в Советский Союз, иногда и сами выезжаем за границу. Недавно, например, побывали в Финляндии и Франции. Там мы показывали возможности своих истребителей, финны и французы — своих. Вроде как соревнуемся: чей самолет лучше, чьи летчики лучше летают.

Во Франции мы летали на МИГ-23, французские летчики на «драконах», «миражах». Кто победил в соревновании? Французские летчики тоже отменные пилотажники. Наш же самолет МИГ-23 с изменяемой геометрией крыла за рубежом признан отличным истребителем, соответствующим лучшим мировым образцам.

Каждый такой демонстрационный полет требует от летчика большой затраты физических и духовных сил. Тут нет перед тобой условного противника или воздушной цели. Ты один в бескрайнем небе, а на земле зрители. И не просто зрители, а высокие знатоки и тонкие ценители летного искусства.

Поэтому каждый из нас, помимо боевой подготовки, стремится как можно чаще выполнять полеты на пилотаж. Здесь присутствует один из лучших наших пилотажников, летчик 1-го класса капитан Валентин Иванович Тихенко. Он, например, за этот месяц совершил пятьдесят полетов на высший пилотаж. Это очень много и, конечно, нелегко. Тренируемся постоянно, с большими нагрузками, как спортсмены. И тем не менее мы очень любим свою профессию и гордимся, что служим в такой эскадрилье.

В НЕБЕ ФРАНЦИИ

— А я начальник штаба этой пилотажной эскадрильи,— представляется летчик 1-го класса Владимир Петрович Бугши.— Как уже сказал здесь майор Рожков, мы совмещаем боевую службу с показательным высшим пилотажем, одиночным и групповым. Каждый летчик эскадрильи может делать то и другое (я не говорю о недавно пришедшей молодежи).

Во Франции я и присутствующий тут майор Сергей Иванович Безлюдный участвовали в полете ромбом. Что это за полет? Представьте, что на взлетной полосе выстроились в виде ромба четыре истребителя. Один впереди, два по бокам и один сзади. Такой ромб с пушечным грохотом уходит в небо и начинает выполнять фигуры высшего пилотажа, не теряя своей геометрической правильности. В заключение он на огромной скорости проносится над аэродромом и словно взрывается — так стремительно расходятся самолеты в стороны, с крутым набором высоты, образуя как бы лепестки тюльпана.

Высший групповой пилотаж по плечу только зрелому летчику. Чтобы не потерять место в строю, надо очень внимательно следить за ведущим, чтобы без секунды промедления повторить его маневр, не менее внимательно следить за землей, за приборами, не терять из виду другие самолеты ромба. Все это требует большого физического и эмоционального напряжения.

Из молодежи к нам в эскадрилью приходят наиболее способные летчики. Но на подготовку их к групповому пилотажу приходится затрачивать немало труда. При этом молодые летчики должны сами приложить много стараний. Это я знаю по себе. В пилотажную эскадрилью мы с Сергеем Ивановичем пришли почти одновременно. Тогда ею командовал подполковник Евгений Михайлович Аведиков, замечательный летчик, отличный человек и командир. Упорно тренируясь под его руководством, мы многое познали и усвоили.

Тренируемся много и на земле. Некоторые наши занятия могут удивить непосвященного человека. Ну, скажем, то, что в авиации зовут «пешим по-летному». Тренируясь, четыре летчика выстраиваются ромбом на земле и идут, повторяя движения ведущего. А он вводит их в «разворот», ладонями рук показывая, что делают петлю Нестерова или вираж, переворот через крыло.

Другой пример. Четыре самолета выстраиваются ромбом на взлетной полосе, на таких расстояниях, какие будут сохраняться в полете, то есть почти крыло в крыло. Летчики подолгу сидят в кабинах, внимательно всматриваясь в соседние самолеты. Так они тренируются точно определять на глаз дистанции и интервалы между самолетами группы.

Теперь мы учим групповому пилотажу молодых летчиков. Занимаются они с большим интересом, ведь групповой высший пилотаж — это прекрасно. Уверен, что если бы кто из вас поднялся с нами в небо, то обязательно захотел бы полететь второй раз.

Выступления летчиков записал
Алексей ГОЛИКОВ

Летчики гвардейского истребительного авиационного трижды орденоносного полка имени Ленинского комсомола в гостях у «Огонька».

Первый ряд (слева направо): майор С. И. Безлюдный, майор В. П. Бугши, майор Н. Н. Рожков, капитан В. И. Тихенко.

Стоят: капитан В. А. Воронин, капитан А. А. Макмаевский, старший лейтенант В. В. Белецкий.

Фото И. Гаврилова

Виктор ПЕТЕЛИН

НА СТРАНИЦАХ — СОВРЕМЕ

Разные герои действуют в романах Анатолия Кривоносова «Поживем — увидим», Валентина Солоухина «Крутая Марина», Вячеслава Горбачева «За далью непогоды», но все запечатленные здесь картины как бы сливаются в одну — картину советской действительности. Чаще всего авторы берут из жизни будничные события, ничем, казалось бы, не выделяющиеся из потока Времени. И тем убедительнее, достовернее главная суть повествования, ярче свет мужества и добра, трудовой самоотверженности и бескомпромиссности, которыми пронизана жизнь трудового люда.

Совсем недавно был принят в Союз писателей Анатолий Кривоносов, но его повесть «Гори, гори ясно» уже оказала до известной степени влияние на нашу «производственную» прозу.

В новом романе «Поживем — увидим» Кривоносов показывает себя острым, думающим писателем, для которого современное производство хорошо знакомо, и художником, способным передавать картины жизни ярко и зримо.

Ситуация в романе, казалось бы, обычна и проста: в глухой таежный угол огромного Забайкалья, где найдены запасы меди, приезжает молодой специалист, инженер Леонид Ладушкин. Начальник экспедиции Голованов встречает его чуть насмешливо, иронически, но в общем-то добродушно и приветливо. Скептически посматривал он на Ладушкина из-за того, что уж больно наивно и смешно выглядел молодой человек в легоньком одеянии на этих суровых просторах, где даже весной (а именно в это время года начинается действие!) стоял еще крепкий мороз.

Голованов сделал все, чтобы Ладушкина встретили как полагается. И вот мы следим за первыми шагами молодого инженера, получившего высокое назначение: он сразу стал начальником штольни, то есть вторым человеком в партии. Первый же человек в геологоразведочной партии, Вотяков, пришел встречать его на площадку, служившую чем-то вроде аэродрома для вертолетов. И вот здесь, на этой площадке, сразу выявляются характеры двух людей — молодого Ладушкина и пожилого Вотякова: один полон надежд; другой раздосадован тем, что Голованов заставил его покинуть обжитой кабинет ради встречи желторотого птенца. Вотяков-то думал, что летит солидный человек из управления, перед которым действительно необходимо показать себя гостеприимным хозяином, а оказалось... «Скорее, скорее! Выгружайся! Ладушкин в один миг очутился по колени в рыхлом снегу. Встречавший его человек продолжал стоять там же, где и стоял, подальше от места посадки. И шага не сделал навстречу. Вероятно, разочаровался в нем. От одного его такого вида: на пальто — снег, в туфлях — снег, рука озябла держать чемоданчик... Ну, куда ты, дескать, приехал, через месяц сбежишь ведь! А сам-то кто? Солиден, в годах, куртка и брюки на нем меховые, будто сейчас мороз сорокаградусный. Перед такой комплекцией, конечно, будешь выглядеть комар комаром — любой разочаруется...» Да, тем, кто встречал его, Ладушкин казался слабым, не приспособленным к жизни человеком, небольшого росточка, небольшой физической силы, да и лицом особенным не вышел. Обычный, заурядный паренек, которому еще предстояло многое постигнуть в работе. Так думают почти все действующие лица романа. Потому-то так невнимателен и равнодушен к новичку Вотяков. Потому-то так непослушен рабочий люд: сначала подождут, что скажет мастер, а потом уж действуют. Ладушкину пришлось туговато на первых порах. А потом рабочие увидели, что перед ними грамотный инженер, который выдвигает дельные предложения по улучшению работы штольни, да и вообще хороший человек, честный, скромный, внимательный.

Так осваивался на новом месте молодой специалист. Свежими глазами, как говорится, он смотрел на систему производства и видел много недостатков. Отработали смену — и ладно. То и дело выходит из строя электровоз, подолгу проветривается шахта после взрыва. Примитивные методы работы. Так что же — мириться с этим? Нет! И Ладушкин поехал к Голованову и «выбил» у него исправный электровоз. С этого шага и начинается как бы обновление штольни. А через полгода новый инженер так организовал здесь работу, что его опыт прогремел на все Забайкалье. Казалось бы, успех, счастье, но как раз в эти дни полного торжества, когда Ладушкин добился того, что штольня стала передовой, он понял другое: можно прекрасно обойтись без нее, можно бурить прямо с поверхности, подвести только дорогу. Почему Голованову не пришла эта простенькая мысль? И вот в самый разгар триумфа было выдвинуто предложение закрыть штольню и вести разведку месторождения открытым способом. Голованов, автор старого проекта, прибыл на место Северной партии, убедился, что Ладушкин прав, сам взявшись за расчеты. Главный геолог партии Ильменов забеспокоился, что может потерять тепленькое местечко, забеспокоился и Вотяков, а Тутынин, ставший за эти полгода бригадиром, так просто чуть ли не с кулаками набросился на Ладушкина. Словом, одна простая идея, принятая и внедренная в жизнь, переворачивала судьбы многих людей. А ответственные работники побоялись за себя, побоялись порушить налаженную колею.

И вот финал: пришел новый инженер к секретарю партийной организации и спросил: где же он, Ладушкин, ошибся? «—Молод, вот и ошибся. В каком месте? А в том... Не надо было молчать. Обошел нас, Вотякова послушал, думал: не поймем, не поддержим? Все сам, на одного себя, вот и... А пришел бы к нам, сказал бы тут всем: вы здесь хозяева, вы и решайте. Не доверил нам, не доверил!»

Горько переживает талантливый инженер справедливый упрек. Но чтобы понять свои ошибки, нужно было пройти именно этот путь.

* * *

О трудных послевоенных годах в Донбассе рассказывает в своем романе Валентин Солоухин. 1946 год выдался, как и во всей стране, тяжелым. Не хватало рабочих рук на шахтах, принимали всякого, лишь бы человек хотел работать. Бывало, прилетали сюда и в погоне за счастьем, а то и за длинным рублем. И проблемы, проблемы, проблемы. Но все отступает на третий план, когда происходит обвал. Стар и мал бегут в шахту, не задаваясь никакими вопросами, зная, что там, в шахте, беда, требуется помощь.

В центре сюжетного развития романа стоят два друга, два фронтовика Виктор Кобцев и Сергей Войтов. Забойщик Сергей Войтов пригласил фронтового друга приехать к нему, в Донбасс, авось, понравится, прирастет, работа-то увлекательная. Вот и поехал в Донбасс Виктор Кобцев поискать послевоенного счастья.

По-разному складываются судьбы друзей-фронтовиков: один живет своим домом, своей семьей, много ей уделяя внимания; другой — холостяком в общежитии. Но немало у них и общего, а главное — чужая беда не проходит мимо каждого из них, они постоянно оказываются там, где тяжело, где трудно. И черта эта последовательно раскрывается в поступках, в действиях героев. Автор хорошо понимает, что человеческий характер — явление сложное, порой противоречивое. Бывает, что и положительные герои не могут сдержать вызванную каким-то событием ярость, которая иногда толкает их к неблаговидному поступку.

В романе много запоминающихся эпизодов. Никогда не забыть, как, таясь, крадутся к колхозному полю два парнишки: молодой шахтер Ленька Траснов, видя, как голодают в семье Матвеевых, у которых украли продовольственные карточки, предложил старшему, Женьке, вместе с ним отправиться на уже убранное поле за колосками. Никогда не забыть их разговора о хлебе, который вдосталь они ели только до войны. Никогда не забыть, как убегал Ленька от объездчика, разрядившего в него винтовку. Прекрасная лунная ночь, а под ее мерцающим светом истекает кровью совсем юный талантливый мальчишка, кормилец большой шахтерской семьи.

Роман вообще привлекает психологичностью, достоверностью описаний нелегкого труда, правдивостью изображения бытовых условий шахтерской жизни. Весь этот труд и быт автор знает доподлинно, из первых рук, потому что жил этой жизнью, голодал во время тяжелых послевоенных лет, провожал отца и других близких в шахту и томительно ждал их возвращения, зная об опасностях, которые поджидают каждого спускающегося в ствол шахтера, а когда подрос, сам рубал уголек, вкусив всю тяжесть и опасность шахтерского труда. Вот почему такими «живыми» предстают герои этого интересного романа.

* * *

Неторопливо, издалека начинает свое повествование «За далью непогоды» Вячеслав Горбачев. Старый охотник-нганасан Касенду Вантуляку спокойно размышляет о переменах в жизни. Раньше было одно, теперь наступают другие времена. Вот уже сын сына становится взрослым, а Вантуляку по-прежнему ходит на охоту, состязаясь в меткости с лучшими стрелками рода. Правда, золотые его дни остались позади. Совсем недавно, кажется, говорили о Вантуляку как о лучшем зверобое, а теперь он идет, наверное, на последний свой промысел.

Превосходно описывает Вячеслав Горбачев тропу жизни, по которой в тундре двигались звероловы и стада оленей. Вот и на этот раз старый охотник покинул стойбище, чтобы еще раз убедиться, что природа живет своими вековечными законами. Многое изменилось в тундре, но старые законы рода держались еще крепко... И как же обрадовался старик, увидев любимого внука Вову Токко. По обычаю, пошел у них разговор. Пусть всего лишь на день позже покинул Вова стойбище, но начал свой рассказ со здоровья всех сородичей, сказал, что Начюпте ждет его. Но тут оказалось, что Вова ушел без разрешения родителей: «С тех пор, как народ нганасаны народился из шерсти оленя, не было на свете греха более тяжкого, чем попрание обычая предков. И прост обычай, да нарушишь — суров грех: уходящий из племени не уходит пустым — или проклятие держит его арканом, или благословение идет впереди него».

И вот старый Вантуляку узнает пренеприятную весть: внук уходит к русским не в гости, а работать на строительство ГЭС. Кому, как не Вове Токко, он хотел бы отдать свое охотничье снаряжение. Зачем идти к русским в город? Чему они, русские, научат нганасана? Внук возражает: русские научат его и всех нганасанов пользоваться солнцем зимой, зимой будет тепло. «Зачем нам зимой солнце?» — возражает старый охотник, желающий ничего не изменять. А Вова Токко возмечтал

ННОСТЬ

стать покорителем тундры, небесных и земных тайн: «Он, Токко, проведет электрические провода в родные стойбища и чумы, он растопит лед, добудет из недр золото и алмазы, и оленьи стада, еще не тронутые человеком, станут бродить среди вечных зеленых пастбищ...»

Так столкнулись два разных взгляда на мир настоящего и будущего.

А следующая глава посвящена строительству ГЭС. Главный инженер управления строительства Анивской гидроэлектростанции Никита Леонтьевич Басов глаз не сомкнул в эту ночь: «На завтра, двадцать третье сентября, намечалось перекрытие, и он, поздно вечером вернувшись домой с объектов, снова поднял расчеты...» Если напор воды будет слишком велик, то перекрытие реки придется отложить на год...

Так намечается сложная конфликтная ситуация, в которой, кажется, многое уже не зависит от человека. Но ведь многое и зависит. И снова тяжкие раздумья, расчеты, предложения...

Вячеслав Горбачев точнее и достовернее там, где он касается «тонкостей производства». Внимательно, с подробностями описывает он будни строительства, само перекрытие, сложный и отважный труд шоферов, рабочих, инженеров, командиров производства. Чувствуется, что он хорошо знает технику, знает обязанности каждого своего героя. Но некая неопределенность в авторских описаниях и характеристиках мало что дает читателю для определения того или иного человеческого состояния и несколько снижает общее впечатление от книги.

И одновременно с этим здесь есть превосходные картины, в которых сталкиваются сильные человеческие характеры, неуступчивые, мужественные и отважные. Один за другим появляются герои на страницах романа, и каждый из них по-своему связывает свою дальнейшую судьбу с перекрытием бурной Анивы. Само-то перекрытие занимает в романе не так много места. Чуть ли не все происходящие события «опрокинуты» в прошлое главных действующих лиц; автор подробно рассказывает о том, как они собирались на Анивстрое, какова была их предыдущая жизнь, что повлекло их на Север.

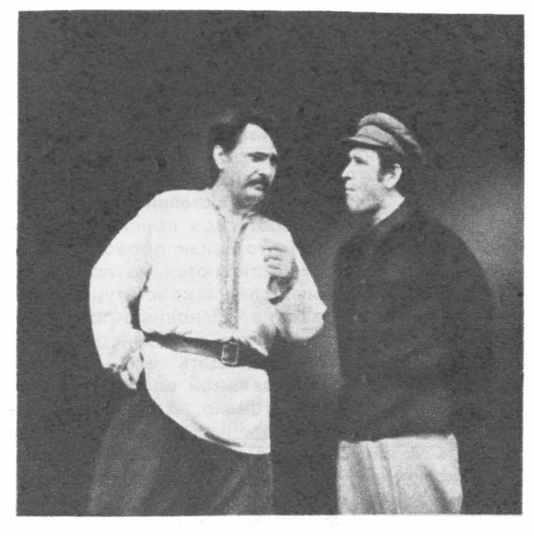
Многие страницы романа производят хорошее впечатление достоверностью в передаче чувств и размышлений человека, попавшего в сложное, противоречивое положение. В частности, не могу не отметить эпизод, в котором переданы переживания начальника строительства Гатилина накануне перекрытия Анивы. А есть страницы монотонные, скучноватые своими излишне подробными деталями. Учиться отсекать лишнее — вот задача, которая все еще стоит перед Вячеславом Горбачевым.

* * *

Не так давно еще раздавались в критике голоса, что с «производственным» романом в современной литературе дела обстоят не очень хорошо. И по количеству, дескать, и по качеству «производственный» роман уступает «военному» и «деревенскому». Сейчас все более становится очевидно, что это мнение устарело, как устарело и представление о том, что так называемая производственная тема невыгодна для писателя в художественном отношении. Все чаще появляются романы и повести, в которых открывается жизнь рабочего коллектива в связях с жизнью всей страны. И показываются герои нашего времени — сильные, мужественные, одухотворенные.

Романы Анатолия Кривоносова, Валентина Солоухина, Вячеслава Горбачева — в этом ряду.

НЕ ПРИЕМЛЯ КАМЕРНОСТИ

«Зачарованный ветряк».
Катрич — В. Сумский;
Стратилет — В. Шинкарук.
Фото М. Строкова

Запорожский музыкально-драматический театр имени Н. Щорса представил москвичам шесть спектаклей. Тут были «Золотая карета» Л. Леонова, народная драма Л. Дмитерко «Навеки вместе», трагедия-гимн «Зачарованный ветряк» М. Стельмаха, «Энеида» — спектакль, созданный на основе поэмы классика украинской литературы И. Котляревского; повесть А. Коломийца «Дикий ангел» и, наконец, лирическая пьеса Т. Ян «Девочка и апрель».

Спектакли, поставленные главным режиссером театра В. Грипичем, показывают основное направление художественной жизни театра, характеризуют его творческое лицо...

Скажем сразу: героико-романтическая манера, наметившаяся здесь почти пять десятилетий назад, успешно развивается и сегодня. Романтизму всегда сопутствует в спектаклях щорсовцев прочная реалистическая основа. И это слияние романтики и реализма определяет своеобразие театра. Способствуя успеху в лучших его работах, это же своеобразие позволяет достаточно отчетливо видеть промахи.

Одна из последних премьер театра и одна из самых интересных его работ — спектакль по пьесе Л. Дмитерко «Навеки вместе». Она написана еще к 300-летней годовщине воссоединения Украины с Россией. Воссоздавая недолговечное, но невиданно кровавое гетманство Ивана Выговского, авторы постановки стараются приблизить события трехвековой давности к зрителю, донести до нас боль, страдания, победы героев.

В. Грипичу чужда камерность. Умение постановщика мыслить широко, эпично, способность к масштабному воплощению замысла драматурга, тщательно разработанные народные, батальные сцены — все это создает зрелище поистине грандиозное. Яркие краски, никаких полутонов, все в полный голос, во всю силу. Четкая определенность добра и зла, поляризация персонажей положительных и отрицательных отнюдь не означают упрощенности, во всем этом есть свой смысл, своя правда. Возникает занимательность не сюжетная, но психологическая, необходимая в театре, питающая воображение зрителя...

В «Зачарованном ветряке» М. Стельмаха эта же возвышенная поэтическая символика позволяет еще отчетливее ощутить красоту людей, «на которых недаром падало солнце». Об этих людях и рассказывает спектакль. Зачарованный ветряк становится символом человеческой мудрости и красоты, утверждением незыблемой, вечной справедливости добра.

Очень важно отметить, что «Золотая карета» Л. Леонова впервые на украинском языке прозвучала именно в исполнении запорожцев. И опять в центре спектакля — проблема долга и счастья, добытого ценой жертв и лишений. Пластическая четкость мизансцен, конкретность трактовки образов героев — все это несомненные достоинства спектакля. Но, как ни странно, тут же видишь бытовизм, разрушающий стройную, возвышенно-романтическую идею постановки. Ведь «городничиха» Мария Сергеевна у Леонова не только женщина, тоскующая по личному счастью,— у нее есть дело, которому она служит, без которого не мыслит себя. Но эта сторона образа словно не очень важна для театра. Сцена, где Мария Сергеевна говорит о будущем любимого города, вовсе не прозвучала в спектакле. Да и Марька в исполнении Н. Зарудной тоже не выглядит преемницей дела «хозяйки города»; актриса увлечена лишь наивностью, субтильностью своей героини и за этим не видит главного — твердого нравственного стержня в образе Марьки... Зато очень хороша в роли Дашеньки А. Карпенко. Она рисует истинно народный, удалой характер героини, не опускаясь до скучного правдоподобия,— искренне и с подъемом.

Вольнолюбивые традиции «Энеиды» в постановке щорсовцев прозвучали довольно отчетливо, хотя гнев автора поэмы против продажности, воровства, взяточничества и ханжества театром заметно смягчен. Беспощадную сатиру Котляревского театр облекает в довольно-таки расплывчатую форму, подчас подменяя ее добродушным юмором. Спектакль не создает ощущения целостности, завершенности. Отчасти виной тому необязательные балетные сцены.

Итак, творческий отчет перед москвичами выявил и сильные стороны и недостатки коллектива. Но радует в нем последовательность, верность национальной театральной традиции, героико-романтическому направлению. Этим отличаются лучшие работы театра. В них путь к дальнейшему обретению себя.

Л. ЛУКЬЯНОВА

●

«ЖАР-ПТИЦА» И ДРУГИЕ БАЛЕТЫ...

Интересна и разнообразна программа, впервые показанная в Москве на сцене концертного зала «Россия» Ленинградским ансамблем балета. Существует он уже не первый год, но на гастроли в столицу приехал впервые.

Руководит ансамблем талантливый балетмейстер Борис Эйфман; он и создал эту программу, на которой лежит отпечаток творческого стиля, присущего коллективу.

Открывает программу одноактный балет Игоря Стравинского «Жар-птица» (либретто Б. Эйфмана).

Трепетную, легкую Жар-птицу вдохновенно танцует народная артистка РСФСР А. Осипенко; она насыщает этот поэтический, светлый образ истинной поэзией русской сказки. Таков же и сказочный Иван-царевич; в этой партии артист Д. Марковский создает образ русского богатыря, беспредельно преданного родине, сильного и могучего; он не щадит себя во имя свободы и счастья народа.

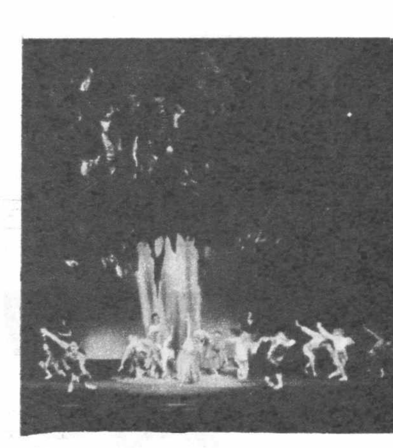
Чистота героя, одержимость высокой идеей совершают чудо. Жар-птица ценой собственной жизни воскрешает погибшего в бою Ивана-царевича...

Очень интересен и образ Кащея. Нечто змеино-паучье, вкрадчивое, амебообразное присутствует в пластике, в жестах В. Гальдикаса. Это, пожалуй, одно из самых интересных хореографических созданий балета «Жар-птица».

На гастроли ансамбль привез и другие, не менее интересные одноактные балеты, например, «Вечное движение» на музыку А. Хачатуряна, «Бумеранг», созданный по мотивам произведений Б. Брехта на музыку Д. Маклафлина...

Столица с интересом смотрела работы ленинградцев. В них видишь и поиск и то, что уже обрело себя, сполна выразило творческие возможности коллектива.

А. Звягина

Сцена из балета «Бумеранг».

Фото Ю. Быковского

Владимир БОЛЬШАКОВ

ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ

С БРЕВНОМ В ГЛАЗУ

Вскоре после того, как администрация Картера приступила к конкретному осуществлению пропагандистской кампании под лозунгом борьбы за «права человека», редакция журнала «Тайм» опубликовала письмо одного из своих читателей, который спрашивал: «Почему мы разглагольствуем о правах человека где угодно, но только не в самих США? Не уподобляемся ли мы тому библейскому герою, который увидел соринку в глазу соседа, не заметив в своем бревна?»

Вопрос резонный. Резонный тем более, что, несмотря на все американские заявления о преданности делу прав человека, США до сих пор не ратифицировали большинство конвенций ООН по этому вопросу. К ним относятся конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах.

1 декабря 1978 года секретариат Белого дома распространил «Обращение президента Соединенных Штатов Америки Джимми Картера, посвященное провозглашению Дня «Билля о правах», «Дня и Недели прав человека 1978 года».

В этом обращении президент вновь обратился к конгрессу США с просьбой одобрить конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, а также конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации и два международных пакта о правах человека. «Невозможно,— писал он,— представить более подходящий жест в ознаменование годовщины Всеобщей декларации прав человека». Жест этот, однако, так и не был сделан. Еще раньше, несмотря на настойчивые просьбы и самого Картера и его жены, законодательные ассамблеи ряда штатов провалили поправку к конституции США о равноправии женщин с мужчинами, которая вот уже много лет не может из-за подобной обструкции стать законом. И из-за этого Конвенция о политических правах женщин, открытая ООН для подписания в июле 1954 года, хоть и была ратифицирована конгрессом (только в 1976 году!), в США до сих пор практически не выполняется. Аналогичным образом много лет подряд американские ревнители прав человека проваливают и поправку к конституции о запрещении детского труда. Объявленный ООН в 1979 году Международный год ребенка тоже не помог устранить противодействие этой поправке со стороны членов конгресса США и законодательных ассамблей штатов.

Политические подоплеки подобного нежелания правящих кругов США и других капиталистических держав предоставить права человека своим гражданам очевидны. Мир капитала не способен осуществить на практике ни рекомендаций Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН, ни тем более международных пактов и конвенций, утверждающих эти права. Осуществить их полностью возможно только в условиях социализма, ибо защита прав трудящихся предопределена самой его социальной природой. Мир капитализма, напротив, в корне враждебен делу защиты прав человека, ибо, едва провозгласив их, буржуазия начала отнимать их у трудящихся во имя защиты своего «права» на власть и эксплуатацию.

В буржуазных конституциях нет недостатка в красивых фразах о «правах человека». И, если судить только по ним, мир буржуазной демократии и впрямь покажется воплощением мечты о свободе и равенстве. (Кстати сказать, не случайно на разного рода зарубежных выставках в СССР пропагандистские ведомства тех стран, откуда эти выставки поступают, усердно распространяют свои конституции, ни слова не говоря при этом, как провозглашенные ими права осуществляются на практике.)

Немало прекрасных слов в конституции ФРГ. В статье первой раздела «Основные права» записано, что «человеческое достоинство ненарушимо. Уважать и защищать его — обязанность всякой государственной власти».

Это не помешало, однако, западногерманским радетелям человеческого достоинства принять в высшей степени антидемократический «закон о профессиях», в соответствии с которым тысячи людей были лишены права на труд из-за их левых убеждений. Точно таким же образом право на «неприкосновенность переписки», гарантированное в ФРГ, ежедневно нарушается полицией — целыми мешками привозят туда на перлюстрацию частные письма граждан ФРГ и письма, поступающие к ним из социалистических стран.

В Англии, где любят напоминать о том, что именно там была впервые утверждена парламентская демократия, принято немало законов, провозглашающих права человека. Наиболее известен из них — «Хабеас корпус акт», на котором основывается неприкосновенность личности британских граждан. Акт этот, однако, нарушался и нарушается всякий раз, когда это выгодно правящим классам Англии. Так было в 1914 году, в 1926-м во время всеобщей забастовки, в 1939 году, в начале второй мировой войны, в ходе забастовок послевоенных лет. На территорию Ольстера, где человека могут арестовать просто по малейшему подозрению и бросить в тюрьму, даже не предъявив ему никакого обвинения, этот акт вообще не распространяется.

Когда читаешь буржуазные конституции и законодательства, поражаешься, каким же надо обладать лицемерием, чтобы, отказав в элементарных правах своим гражданам, шуметь о «нарушении прав человека» в социалистических странах.

Обо всем этом предпочитают «забывать» и «Голос Америки», и радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», и «Немецкая волна», когда вовсю ратуют за освобождение тех, кто совершил наказуемые по нашим законам преступления против государства, против советского народа, выдавая тем самым уголовников за диссидентов.

ВЫПРЯМЛЯЯ ИЗВИЛИНЫ

В 1947 году в Нюрнберге Международный трибунал приговорил семь нацистских врачей к смертной казни через повешение и восемь — к длительным срокам тюремного заключения за чудовищные медицинские эксперименты над людьми в концентрационных лагерях. Тогда же были установлены юридические правила экспериментирования на людях.

В Соединенных Штатах, да и во многих других странах «свободного мира», эти правила попросту игнорируются. Один из виднейших американских ученых сказал: «Преступники в наших исправительных учреждениях — прекрасный материал для экспериментирования, и при этом они гораздо дешевле обезьян».

Политические заключенные США уже не раз становились жертвами незаконных экспериментов. Член руководства Компартии США Беттина Аптекер писала, что по отношению к этим людям применяется система, именуемая «промыванием мозгов заключенных», что равнозначно «перестройке их личности» путем различных методов воздействия, включая «шоковую терапию». В ряде тюрем в тех же целях применяется слезоточивый газ (например, в известной своими издевательствами над политическими заключенными тюрьме Сан-Квентин, где томилась Анджела Дэвис), а также так называемый «пугающий порошок». Это «лекарство» вызывает ощущения панического страха и удушья, схожие с теми, что испытывает тонущий человек.

В преступных экспериментах такого рода участвуют весьма солидные научные учреждения. Как стало известно, еще в 1975 году Пентаксентский институт штата Мэриленд, университет Джона Гопкинса, университет штата Мэриленд и Национальный институт психиатрии проводили ряд экспериментов «по контролю за поведением» с помощью наркотиков над заключенными.

Через несколько лет выяснилось, что Национальный институт психиатрии был одним из тех учреждений, с которыми действовало в тесном контакте ЦРУ, осуществляя свои широкие программы по контролю над поведением людей, в частности с помощью наркотиков. Эти программы под условным наименованием «Блюберд» («Синяя птица»), «Артишок МК ультра» и «Артишок МК дельта» проводились ЦРУ с 1949 по 1963 год.

Как утверждали в Лэнгли (штаб-квартира ЦРУ), от этой программы якобы отказались в 1963 году, признав ее «безнравственной». Однако в 1975 году, когда сенат конгресса США занимался расследованием ряда программ опытов с наркотиками, многие материалы ЦРУ были уничтожены, и масштабы злоупотреблений правами американцев, в том числе правом на жизнь, до сих пор не известны. Любопытно, что один из тех, кто принимал участие в расследовании деятельности ЦРУ, связанной с «контролем за поведением людей», ныне покойный Н. Рокфеллер, мягко посоветовал членам сенатской комиссии «бросить это дело». О том, как «это дело» выглядело на практике, можно судить по официальному объяснению, данному адмиралом Тернером, который был назначен президентом Картером на должность директора ЦРУ. «Возможно,— говорил он,— имели место случаи, когда американские граждане, сами того не ведая, были объектами **«правительственных** (выделено мной.— **В. Б.**) опытов с наркотиками, помимо тех, о которых было объявлено во время сенатского расследования в 1975 году».

Тысячи людей, рядовых американцев — бизнесменов, рабочих, мелких служащих, фермеров, старики, женщины, дети, не ведая ничего, употребляли изготовленные по заказу правительственного ведомства порошки, контролирующие поведение, вместе с чаем, кофе, с прохладительными напитками по пути на работу, на месте работы, у себя дома, в гостинице, на пикнике, за рулем автомобиля... Их реакция тщательно контролировалась, за изменениями их поведения следили специально обученные агенты-ученые с помощью специально изготовленной дорогостоящей аппаратуры.

Масштабы эксперимента были поистине чудовищными. Особое внимание обращалось на то, чтобы получить возможность заставить тех американцев, которых собиралось использовать в своих целях ЦРУ, «выполнять приказания помимо своей воли и вопреки таким фундаментальным законам природы, как чувство самосохранения». Как свидетельствуют документы, ряд этих экспериментов закончился самоубийством людей, принявших, ничего не подозревая, наркотики, разработанные ЦРУ.

В этом свете рекомендация покойного Рокфеллера сенатской комиссии «бросить это дело» звучит весьма зловеще. Очевидно, что в США проводился чудовищный эксперимент, целью которого было получить универсальное средство управления многомиллионными массами трудящихся, и не только в Соединенных Штатах. Ставка была крупнее — не допустить социальных перемен путем превращения людей в покорный, как овцы на бойне, скот. О том, что от этой «сверхзадачи» правящий класс США не отказался, говорит и то, что ЦРУ, как признает американская печать, и по сей день проводит программы, аналогичные «Синей птице» и «Артишоку». О каких правах человека в США осмеливаются говорить те органы печати, которые публиковали эту информацию?! Ведь нет страшнее преступления, чем посягнуть на право человека быть человеком, на его разум!

«Беспристрастная» американская полиция обеспечивает безопасность марша расистов.
Телефото АП—ТАСС

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ГЕНОЦИД

Политический гнет тем сильнее ощущается классом или социальной группой, чем меньше они связаны с государством, «истэблишментом» политически, экономически и морально. В. И. Ленин особо подчеркивал, что «...только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад».

Проводя политику «разделяй и властвуй», буржуазия издавна подкармливает верхушку рабочего класса, натравливает одну группу рабочих на другую, искусственно провоцирует расовые и религиозные конфликты, сталкивает местных рабочих с иммигрантами, а среди иммигрантов раздувает вражду между белыми и черными либо желтыми. Расизм, равно как и дискриминация по религиозному, этническому, другим признакам, включая неравноправие полов,— это не только экономическое оружие буржуазии, которое используется в целях сверхэксплуатации непривилегированных групп населения, но и прежде всего политическое.

Проблема национальных меньшинств в США, Англии, Израиле, апартеид в ЮАР, дискриминация индейцев в Америке, аборигенов в Австралии, маори в Новой Зеландии, айну в Японии, католиков в Ольстере, басков в Испании, хариджан («неприкасаемых») в Индии подтверждают это стопроцентно.

Леннокс Хайндс, директор Национальной конференции адвокатов-негров США, организации, созданной для оказания юридической помощи черным и цветным активистам, подвергшимся преследованиям в период социальных волнений 60-х годов, не случайно поэтому прямо связывает нежелание США ратифицировать Международную конвенцию ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации с проблемой политических заключенных в США.

«Понятие «политический заключенный»,— пишет Л. Хайндс,— следует рассматривать в США в свете применения уголовного преследования к политически инакомыслящим и национальным меньшинствам (афро-американцам, выходцам из Латинской Америки и индейцам)».

В ходе официальной кампании, цель которой — опровергнуть мнение о наличии в США политических заключенных, утверждается, что политически инакомыслящих бросают в тюрьму не за убеждения, а за уголовно наказуемые деяния. Как же тогда объяснить тот факт, что число находящихся в тюрьмах негров, пуэрториканцев, «чиканос» (выходцев из Мексики) и индейцев в два раза превышает число белых за решеткой? В то время как негры составляют в США всего 15 процентов населения. От 30 до 50 процентов заключенных в тюрьмах США — негры и цветные. С 1930 по 1969 год из 3817 казненных в США по приговору суда 2066 человек, то есть более 50 процентов, были черными. Почти 90 процентов политических заключенных в США — представители национальных меньшинств от негров до индейцев.

Подобный политический геноцид — реальность сегодняшней Америки. «В моих глазах,— пишет американский публицист Клод Лайтфут в своей книге «Права человека по-американски»,— статуя Свободы в Нью-Йорке была прикрытием, за которым на городских площадях заживо сжигали тысячи моих черных матерей и отцов, братьев и сестер. Я познал, что в обществе, разделенном на классы, демократия невозможна как для белых, так и черных. С момента зарождения американской нации по настоящее время правительство всегда делало то, что было в интересах большого бизнеса..»

В США сейчас в тюрьмах находится около 600 тысяч заключенных — больше, чем в любой из капиталистических стран. «Если прибавить к ним заключенных в психиатрических клиниках,— пишет американский либеральный журнал «Севен дейз»,— общее число американцев, лишенных свободы, будет намного выше. Принимая в расчет широчайшую поддержку, которую США оказывают режимам, систематически убивающим и бросающим в тюрьмы своих противников, как, например, в Чили, можно закономерно утверждать, что США далеко опережают любую страну в гонке за первенство по надругательству над правами человека».

Факт наличия в американских тюрьмах политических заключенных буржуазная пропаганда всячески отрицает. И поэтому, когда постоянный представитель США при ООН Э. Янг, бывший сподвижник Мартина Лютера Кинга, в самый разгар антисоветской кампании летом 1978 года заявил французской газете «Матэн», что в американских тюрьмах «содержатся сотни, а возможно, и тысячи людей, которых я назвал бы политическими заключенными», в США поднялся невообразимый шум. Янга, который, по его собственным словам, «сам был судим в Атланте за то, что организовал движение протеста», обвиняли в «предательстве», в «красной пропаганде» и требовали его немедленной отставки.

Эндрю Янг своим высказыванием о политических заключенных в США спутал карты вашингтонской администрации, развернувшей в июле 1978 года небывалую кампанию в защиту осужденных советским судом А. Щаранского и А. Гинзбурга.

Специалисты называют примерно четыре категории политических заключенных в США. Первая — это бедняки. Майкл Кролл, один из лидеров в этой категории, выделяет так называемых расовых заключенных. «Их состав,— говорит он,— всегда определяется цветом кожи. Черные всегда получают более суровые приговоры по сравнению с белыми; черных реже, чем белых, осуждают к условному наказанию. Тюрьмы поэтому после смертных приговоров — самый ясный показатель расизма в Америке».

Вторая категория — это люди, попавшие в тюрьму за свои убеждения, но формально обвиненные в уголовном преступлении. «Предъявлять уголовные преступления,— пишет техасский адвокат Камерон Каннингем,— выгодная тактика, поскольку она изолирует их, затрудняет политическую защиту и отпугивает сторонников».

Третья категория — люди, действительно нарушившие закон, но сделавшие это по политическим мотивам. Так, например, негр Марк Холдер ограбил банк, но деньги, добытые путем такой «экспроприации» (именно так он и характеризовал свои действия на суде), истратил на приобретение питания, одежды и медикаментов для бедняков.

И, наконец, четвертая категория — это люди, попавшие в тюрьму за обыкновенные преступления и занявшиеся политической деятельностью в тюрьме, где за нее карают, выносят новые, более жестокие приговоры.

Деление это, конечно, условное. Оно приведено здесь только для того, чтобы показать, насколько изощренно действует система американского правосудия. «Очевидно,— пишет «Севен дейз»,— властям, отрицающим факты повседневного насилия над правами человека в Америке, выгодно сузить понятие «политический заключенный». К последним же, безусловно, относятся те, кто не добился справедливого суда из-за того, что они чернокожие или бедные. Если вы держите людей в нищете, их можно, когда они восстают, арестовать за уголовные преступления, поскольку

восстание можно истолковать (по американским законам.— В. Б.) именно в такой форме».

Реальность этого негласного правила подтверждают длинные списки жертв американской реакции.

ТЕРРОР ПРОТИВ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

«ЧЕРНЫЕ ПАНТЕРЫ» — радикальная негритянская партия, созданная в 1966 году, пострадала от репрессий, пожалуй, больше всех других организаций американских негров.

С точки зрения идеологии их программа представляла собой весьма пеструю смесь различных мелкобуржуазных леворадикальных теорий — от учений Франца Фанона до маоизма, от троцкизма до маркузианства. С этим левым радикализмом уживались даже теории негритюда и осовремененная «философия дяди Тома», верившего в то, что реформы могут изменить положение негров, хотя слова «реформа» дядя Том и не знал.

В партии с самого начала было экстремистское крыло — его лидеры считали, что единственным путем борьбы за достижение равных прав с белыми может стать только оружие. Реформистское крыло делало ставку не на вооруженное восстание жителей гетто, а на защиту негров-предпринимателей с оружием в руках от погромщиков-расистов, видя в «черном капитализме» панацею от всех бед негритянского народа.

В ФБР и расистских организациях не утруждали себя изучением «тонкостей» и идеологических различий внутри «Черных пантер». Провозглашенное ими «право на самооборону» — право законное, кстати, по американской конституции прозвучало небывалым вызовом «статус-кво расизма». Против «Черных пантер» началась настоящая война.

С мая 1967 года по декабрь 1970-го было арестовано более тысячи членов партии, а девятнадцать человек, главным образом из числа руководства, были застрелены полицией «при попытке к бегству» или «в порядке самообороны». О том, как это выглядело в действительности, можно судить по убийству полицейскими членов партии «пантер» Марка Кларка и Фреда Хемптона в Чикаго — их застрелили спящими. В Окленде один из руководителей партии, Бобби Хаттон, был убит полицейским выстрелом в упор в тот момент, когда Хаттон поднял руки вверх.

В апреле 1969 года в Нью-Йорке судили двадцать одного члена партии. Их обвиняли в заговоре с целью произвести взрыв в полицейском участке, взорвать участок железной дороги и универмаг в Нью-Йорке.

Одна из обвиняемых, Джоан Берд, впоследствии рассказывала, как организаторы очередного ложного обвинения вырывали у нее признание:

«...Они надели мне наручники, бросили лицом на землю, а руки завели за спину. Затем они начали меня бить и топтать ногами. Затем Маккензи (один из полицейских.— В. Б.) приставил к моей голове пистолет и сказал: «Я мог бы тебя убить... Но я надеюсь, ты будешь говорить. Говори, не то я переломаю тебе пальцы». И он начал выламывать мне пальцы на руке. А потом они все обступили меня и сказали, что отволокут меня в кусты в парк, а там пристрелят, и никто ничего не узнает».

Джоан заставили таким образом подписать «признание». Таким же образом «признались» и другие. Суд, не располагая никакими доказательствами, кроме таких «документов», распорядился бросить в тюрьму всех «обвиняемых» по этому липовому делу. Ни одного из них не согласились выпустить иначе как под залог в сто тысяч долларов. Им отказывали в медицинской помощи, как, например, Ли Барри. В тюрьме он заболел воспалением легких, у него начался абсцесс, и только после семи месяцев мытарств его перевели в госпиталь из нью-йоркской тюрьмы.

Чем же весь этот процесс кончился? Из тринадцати обвиняемых, представших 13 мая 1971 года перед судом присяжных, все до одного были оправданы «за отсутствием доказательств». Между тем более двух лет, не совершив никакого преступления, они провели в тюрьме.

АХМЕД ЭВАНС — руководитель группы негритянских активистов в городе Кливленд, штат Огайо,— организовал «Книжный магазин африканской культуры», ставший вскоре своеобразным клубом радикальной негритянской молодежи. Несколько раз власти города закрывали магазин. Наконец, 23 июля 1968 года полиция совершила на него налет, в результате чего семь человек из организации Эванса были убиты, а пятнадцать ранены. Это вызвало взрыв возмущения в негритянском гетто Кливленда Гленвилле. В результате происшедших стычек с полицией трое полицейских погибли. Эванса и еще четырех негритянских активистов арестовали. У суда не было никаких доказательств того, что Эванс был причастен к смерти хотя бы одного из полицейских. Десять месяцев спустя после ареста суд присяжных, среди которых не было ни одного негра, и это в городе, где на 800 тысяч жителей приходится 300 тысяч негров, обвинил его на основании «косвенных доказательств» и показаний полицейских агентов в убийстве и приговорил к казни на электрическом стуле.

СОЛЕДАДСКИЕ БРАТЬЯ — Джимми Вагнер, Джесс Филиппс и Рузвельт Уильямс, узники тюрьмы Соледад в штате Калифорния, известны всей Америке. Тюремные власти, пытаясь расправиться с этой тройкой за ее выступления в поддержку прав политических заключенных, состряпали дело об убийстве стражника. В убийстве и обвинили «соледадских братьев» (поначалу их было семеро, затем с четырех были вынуждены снять обвинения за отсутствием улик). «Признание» у узников вырывали пытками и угрозами. Известно, что тюремщики пытались подкупить других заключенных, предлагая им условное освобождение и 500 тысяч долларов деньгами за то, что они дадут показания против «соледадских братьев». Одного такого «свидетеля» нашли, и он дал показания. Однако на процессе, который состоялся в мае 1971 года, он под перекрестным допросом сознался, что в предыдущих показаниях лжесвидетельствовал. Суд присяжных был вынужден оправдать «братьев».

ГУГО ПИНЕЛЛ — еще один узник тюрьмы Соледад. 26-летний негр организовал голодную забастовку в ноябре 1970 года в знак протеста против издевательств над заключенными. Гуго обвинили в марте 1971 года в убийстве стражника на основе такого же рода «доказательств», которые были предъявлены «соледадским братьям».

ЛИ ОТИС ДЖОНСОН — один из руководителей Студенческого координационного комитета ненасильственных действий, известного своей борьбой за гражданские права негров и других национальных меньшинств. В 1974 году его арестовали якобы за грабеж со взломом и осудили на 17 лет. Судья Гарт Бэйтс, приговоривший Джонсона, ныне сам отбывает семилетний срок за взяточничество. Джонсон подал апелляцию на том основании, что «признание» вынудили у него побоями, не дав возможности выступить в свою защиту.

ФРОНТ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕРНЫХ ШТАТА АЛАБАМА — жертва тех самых алабамских расистов, которые в 1963 году взорвали баптистскую церковь вместе с находившимися в ней детьми. 1 сентября 1970 года двадцать три сотрудника шерифа Бирмингама окружили дом, в котором находились пять членов фронта. Дом был буквально изрешечен пулями, хотя оттуда не прозвучало ни единого выстрела, что признавала даже полиция.

РЕЙЕС ТИЙЕРИНА — лидер образованной в 1963 году организации мексиканских сельскохозяйственных рабочих «Альянса» в штате Нью-Мексико — несколько раз попадал в тюрьму по сфабрикованному обвинению. В июне 1969 года власти штата добились того, что суд приговорил его к пяти годам тюремного заключения. В тюрьме уже ему «добавили» за «организацию беспорядков». Рейесу было отказано не только в пересмотре дела, сработанного мастерами лжесвидетельств, но и в медицинской помощи. Когда у него развилась опухоль в горле, власти отказались выпустить его на поруки под тем предлогом, что он «опасен для общества». Тем самым лидера мексиканцев обрекли на медленную и мучительную смерть в тюрьме.

ЛОЛИТА ЛЕБРОН — героиня пуэрто-риканского народа, десятки лет борющегося за свою независимость. 1 марта 1954 года Лолита и четверо ее друзей из числа «пуэрто-риканских партизан» ворвались в зал заседаний палаты представителей США, подняли на галерее для зрителей флаг Пуэро-Рико и открыли огонь. Пять конгрессменов было ранено. Лолиту Леброн приговорили в общей сложности к шестидесяти пяти годам тюрьмы. Движение за ее освобождение продолжается до сих пор. Американские власти отказывают ей в статусе политического заключенного, так же, как отказывают народу Пуэро-Рико в праве на самоопределение.

59 ИЗ ПУЙАЛАПА — так называют в Америке 59 индейцев и белых, которые в знак протеста против ограничения прав индейцев на рыбную ловлю в реках Пуйалап и Нисквали, штат Вашингтон, устроили рыболовный лагерь в резервации Пуйалап, штат Вашингтон. Во время налета полиции на лагерь все 59 были арестованы и осуждены на различные сроки тюремного заключения. В суд их приводили группами по десять человек в кандалах, что, как писала Анджела Дэвис и ее друзья в своей книге «Если они придут утром...», «вполне соответствовало вековой политике геноцида, проводимой правительством США по отношению к коренным американцам».

«ГАРРИСБЕРГСКАЯ ВОСЬМЕРКА» — восемь участников антивоенного движения, выступивших против войны во Вьетнаме и призыва на военную службу, были осуждены в 1971 году на разные сроки тюремного заключения по сфабрикованному обвинению в «намерении» похитить тогдашнего государственного секретаря Г. Киссинджера и взорвать обогревательную систему нескольких правительственных зданий в Вашингтоне. Среди обвиняемых были священники, медицинские сестры, учителя и студенты, которые выступали против «грязной войны» с позиций ненасильственных действий. В тех же преступлениях, что и восьмерку, обвинили священников Филиппа и Дэнизла Барригана, которые были брошены в тюрьму по столь же фантастическому обвинению раньше.

ДЖОН СИНКЛЕР — организатор леворадикальной партии «Белые пантеры», выступавшей против войны во Вьетнаме и за гражданские права негров, белый, 29 лет, был обвинен в «хранении наркотиков» и в «намерении взорвать отделение ЦРУ» в г. Энн-Арбор, штат Мичиган. Синклер, как выяснилось, даже не знал, что в Энн-Арборе есть такое учреждение, а наркотики ему подсунула полиция. Тем не менее он был осужден на десять лет тюрьмы.

ДЖОН ХАРРИС (ИМАНИ) — типичный последователь политики ненасильственных действий, провозглашенной в свое время лидером негров США Мартином Лютером Кингом, никогда не был ни левым, ни радикалом. Его единственное преступление заключалось в том, что он осмелился в 1970 году поселиться в белом квартале Бирмингама. Этим он тут же вызвал на себя огонь расистов. По отношению к Харрису фарс был разыгран в самом что ни есть классическом варианте. Его адвокат Шарлин Вашингтон рассказывала: «Если где-то происходила драка, полицейские приходили к нему. Чей-то дом ограбили — полиция надевала наручники Харрису. Кто-то врезался в чужую машину,— опять в участок вели Джонни. Когда в округе была изнасилована женщина, Харриса бросили в тюрьму, хотя его алиби было бесспорным и подтверждалось многими свидетелями». Через некоторое время в тюрьме «за убийство охранника», которого он не совершал (даже прокурор заявил, что у обвинения недостаточно улик против Харриса), его приговорили к смертной казни.

«УИЛМИНГТОНСКАЯ ДЕСЯТКА» — наиболее известная группа политических заключенных в США во главе со священником Беном Чейвисом. В общей сложности эти десять борцов за гражданские права негров были приговорены на основе лжесвидетельств к 282 годам тюрьмы. Их обвиняли в поджоге магазина во время расовых волнений в Уилмингтоне, штат Северная Каролина, в 1971 году. О том, что приговор был вынесен на основе показаний лжесвидетеля, министерство юстиции знало еще в 1972 году. В распоряжении министерства был документ — протокол допроса лжесвидетеля А. Холда, искусно выправленный рукой судьи, ведшего дело «уилмингтонской десятки». Лишь через шесть лет министерство юстиции наконец призналось, что с делом «уилмингтонцев» не все чисто. Одного за другим, всех, кроме Чейвиса, к концу 1978 года освободили. Надо думать, не потому, что американская Фемида вдруг усовестилась. Как писала «Вашингтон стар», на брифинге для журналистов представитель министерства юстиции Юрю Дрейс признал, что «президент Картер и министерство юстиции получают тысячи писем такого содержания: «Мир просто смеется над притязаниями США на демократию, когда негритянские борцы за свободу томятся в тюрьмах»».

Список узников американской реакции можно было бы продолжить и дальше. Томятся за решеткой негритянская поэтесса Ассата Шакур, лидер индейцев Рассел Минс, которого уже не раз пытались убить в тюрьме Сиу-Фоллс, штат Южная Дакота, с помощью уголовников, тысячи других безвестных инакомыслящих, имена которых почти никогда не упоминает большая пресса США, вовсю трубящая о «подавлении диссидентов» в социалистических странах.

«Нынешняя кампания в «защиту прав человека» является прежде всего орудием идеологической диверсии против Советского Союза и других социалистических стран,— пишет журнал Компартии США «Политикл афферс».— Адвокатам империализма приходится все чаще занимать оборонительные позиции в идеологической борьбе с социализмом. В Советском Союзе отсутствуют такие присущие капитализму хронические язвы, как безработица, инфляция, энергетический кризис, безудержный рост стоимости жизни. В этих условиях,— заключает журнал,— США и пытаются отвлечь внимание американской общественности от этих социальных пороков путем моральных проповедей о необходимости защиты прав человека в других странах». Точнее не скажешь.

Н. Малахов. Род. 1926. ВЕЧЕР В КУПАВНЕ. 1975.

ШУМЯТ ВЕТРЫ В ПОЛЕНОВСКИХ МЕСТАХ. 1977.

Н. Малахов. СУЗДАЛЬ. ПАСМУРНОЕ УТРО. 1973.

КОСТРОМА. ВЕЧЕР В ИПАТЬЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ. 1967.

ПЕЙЗАЖИ РОССИИ

В. ВАНСЛОВ,
член-корреспондент
Академии художеств СССР

В пейзажах Николая Малахова нашли отражение щедрость русской природы и величие памятников отечественной архитектуры. Это результат впечатлений и раздумий художника от его поездок по стране. Его живопись передает своеобразную красоту среднерусской полосы, архитектуру русской старины, изображает близких художнику людей.

Николай Яковлевич Малахов родился в 1926 году в Ставрополе, детство его прошло на Северном Кавказе. Путь постижения искусства — изостудия Дворца пионеров, затем Краснодарское художественное училище. В 1945—1946 годах он учился в Московском институте декоративного и прикладного искусства, который возглавлял в те годы А. А. Дейнека. В 1947 году поступил на художественно-графический факультет Московского городского педагогического института, где ему посчастливилось многому научиться у замечательного советского художника и опытного педагога Е. М. Чепцова. В 1951 году Николай Малахов — аспирант кафедры философии Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Закончив аспирантуру в декабре 1954 года, он защитил кандидатскую диссертацию по эстетике.

Все последующие годы Николай Малахов, не оставляя живописи, работает также в области теории искусства. Его перу принадлежат книги: «Искусство, эстетика, жизнь», «Критика современных буржуазных формалистических течений в искусстве», «Социалистический реализм и модернизм», «О модернизме», «Об историческом значении советского изобразительного искусства». И в художественном творчестве и в публицистике он выступает как убежденный реалист.

Последняя выставка живописных работ Малахова показала, что он работает напряженно и вдумчиво. Особенно отчетливо в его творчестве звучит тема любви к Родине, к русской земле, восторг перед талантливостью ее народа, создавшего шедевры зодчества. Этими чувствами проникнут цикл картин «По древнерусским городам», известный многим любителям искусства по альбому репродукций и комплектам открыток. Он создан после путешествий во Владимир, Суздаль, Кострому, Ярославль, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Загорск и другие исконно русские места, которые вместе с Москвой и еще несколькими городами образуют так называемое «Золотое кольцо». Это города-музеи, средоточие памятников истории и культуры Древней Руси.

Древнерусская архитектура поражает воображение умением наших предков — известных и безвестных художников, скульпторов, зодчих — слить творческий замысел с особенностями русского ландшафта, гармонически вписать в природу неповторимо своеобразные строения, безошибочно точно найти их место в окружающей среде.

Живописные произведения Малахова отображают это единство русского зодчества и природы. Он живо чувствует характер старинных русских архитектурных ансамблей, проникается их богатой, многоплановой образностью и языком красок мажорной палитры, экспрессивной творческой манерой, по-своему интерпретирует их особенности. Ему удается находить композиционные и цветовые решения, раскрывающие своеобразие этих построек.

Серию произведений живописец посвятил Костроме. Здесь он любуется не только памятниками старины, но и современной жизнью города. Одно из полотен — «Вечер в Ипатьевском монастыре» — вы видите на цветной вкладке.

Сооружения Ростова Великого и Суздаля вызывают восхищение художника во все времена года. Могучая красота природы, многокрасочная, тысячеликая, разная в каждый из месяцев года, каждодневно, на каждом километре бескрайних просторов, веками эстетически воздействовала на наш народ, формировала его душу. И краски полотен Н. Малахова созвучны контрастному, колоритному характеру русской природы.

Зеленовато-синий холодный свет луны в ясную звездную зимнюю ночь заливает величественные башни и купола соборов Ростовского кремля. На фоне могучих крепостных стен по глубокому, хрустящему снегу спешит к домашнему очагу хрупкая женщина — это картина «Ростов Великий. Кремль в лунную ночь». В картине «Вечер на озере Неро», словно небесный пожар, полыхают красные, оранжевые, желтые краски. Мягкие голубовато-фиолетовые полутона неба, будто опрокинутое озеро, сплошь усеянное лодками. А на горизонте — мерцающая полоска величественных строений Яковлевского монастыря.

Красив и Покровский монастырь в Суздале, утопающий в лучах осеннего заходящего солнца. Лиричны пейзажи «Суздаль. Пасмурное утро», «Розовый вечер на озере Мстино», в особенности большое полотно «Шумят ветры в поленовских местах», воссоздающее панораму широких заокских далей. Своеобразны также работы, выполненные в Купавне и Суханове, близ Москвы: «Затопленные березы», «Закат на озере Бисерово», «Вечер в Купавне», «Сквозь ветви. Март в Суханово», «Осень в старом парке», «Пробуждение», «Черный пруд в апреле».

Цветовой строй полотен художника основан то на взрывчатой силе звонких контрастов, заставляющих в полную силу заговорить яркие, звучные краски, как, например, в картине «Ветреный день на озере Мстино»; или, напротив, на сближенных цветах, переливающихся тончайшими нюансами, в «Туманном утре на Московском море» и в «Воспоминаниях о Тернере». В работах Н. Малахова чувствуется традиция московской школы, живописцев «Союза русских художников».

В портретных работах он ставит перед собой цель передать духовную жизнь человека, раскрыть его внутренний мир, выразить чувства, мысли, характер современников. Таковы «Портрет Стефании», «Валентина», «Портрет студента Е. И. Савостьянова», «Евгения», «Портрет В. Кривоносова», «Портрет матери». Каждый из них отличается своеобразием композиционного решения, выразительностью цвета.

Интересен образ А. С. Пушкина в картине «...Печаль моя светла»: вчерашний лицеист, исполненный возвышенных дум о родине, впервые видит величественный Кавказ.

Живопись Н. Я. Малахова дает зрителям возможность прикоснуться к благодатной, как живая вода, красоте окружающего нас мира.

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

У этой книги точное название. Им определяется верная тональность, избранная автором очерков, посвященных проблемам Нечерноземной зоны России.

Нечерноземье... Произнесешь это слово и будто въявь видишь бездонную просинь невыгоревшего июньского неба, белоствольные березовые рощи, ласковые струи неширокиx равнинных рек и речушек. А самое главное — перед тобой лица крестьян: слышишь их обстоятельную, немногословную речь, вспоминаешь, как сноровисто и умело делают они самое, быть может, главное на земле дело — добывают хлеб насущный.

Обо всем этом говорится в новой книге Виктора Хохлова, который не один десяток лет вдумчиво и истово повествует о людях села. Есть в книге и особенное, составляющее, на мой взгляд, главную ценность ее: автор умеет подметить новь в укладе колхозной жизни. Он убедительно рассказывает о том, как вместе со становлением сельского хозяйства на индустриальной основе происходят коренные перемены в самих тружениках современной деревни.

Удачей автора в книге «Весенние ветры» мне представляется рассказ о судьбе колхозников и делах костромской сельхозартели, где председателем Леонид Михайлович Малков. Он удостоен звания Героя Социалистического Труда, был делегатом партийного съезда. Опыт работы Сущевского колхоза обсуждался на коллегии Министерства сельского хозяйства РСФСР и был признан поучительным и полезным для Нечерноземья.

Автор знакомит нас с тем, как благодаря неустанной заботе партии и государства растет энерговооруженность колхозов, как появляются в хозяйстве новые, облегчающие труд механизмы, машины, как все больше с каждым годом поступает на колхозные нивы минеральных удобрений. Всем этим тружеников села обеспечивает социалистическая промышленность. Но всегда ли соответствует сегодняшним запросам деревни качество этих поставок? Почему колхозному электрику порой приходится проявлять чудеса изворотливости и сообразительности, переделывая и приспособляя новехонькие механизмы, «доводить их до ума»? Почему нужно новый комбайн герметизировать кустарным способом в колхозных мастерских? Почему в заводских условиях не предусмотреть к нему стеблеподъемник?

В. Хохлов пишет и о том, что в борьбе за подъем сельского хозяйства решающее значение приобретают кадры. Писатель знакомит нас с замечательными советскими людьми, чей труд сегодня сродни труду людей будущего. Запоминается образ доярки Анны Ивановны Смирновой, дважды удостоенной звания Героя Социалистического Труда. Интересно и точно передана суть работы главного колхозного агронома Ирины Галкиной, под опекой которой одиннадцать с лишним тысяч гектаров угодий. Удачно выписан секретарь парткома колхоза Александр Титаев. Он предстает перед нами как умелый, вдумчивый организатор, которому по плечу решение сложных хозяйственных и нравственных проблем.

Весенние ветры приносят с собой тепло. Это ветры перемен, ожидания вечно нового пробуждения природы. В книге Виктора Хохлова предстает перед нами как бы весна Нечерноземья. И за приметами этой весны безобманчиво проглядывается наступление лета, а затем и щедрой осени, полнящей закрома милого сердцу Нечерноземья.

Виктор ИЛЬИН

Виктор Хохлов. Весенние ветры. М. «Современник», 1978, 304 стр.

Олег ШМЕЛЕВ
Владимир ВОСТОКОВ

Возвращение

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 24

ДОМОЙ!

В его переписке с Марковым эта тема — возвращение в Советский Союз — возникала и раньше. Михаил покривил бы душой, если бы стал уверять, что у него нет желания вернуться и что при этом личные интересы не имеют для него ровно никакого значения. Жена и сын, которых он любил и которых не видел восемь лет, были его единственными на свете родными людьми, как у них единственным родным был он. При таком положении хуже, чем он, мог бы чувствовать себя лишь его сын Сашка, оставленный им еще в пеленках, а теперь ходящий в школу. Но он, к счастью, пока достаточно мал, чтобы не задумываться о пагубном действии долгой разлуки. Марии тоже плохо, но с нею Сашка. Как ни поверни, а им все же легче. Они живут вдвоем, они дома...

Оценивая объективно свое положение в разведцентре, Михаил не мог назвать его блестящим. Монах, разумеется, не посвящал его и в сотую долю своих разработок, более того, порою в силу профессиональной привычки как бы невзначай подбрасывал ему заведомо ложные сведения, но при этом Монах не лишал его своего чисто человеческого благорасположения. Себастьян же, отсутствовавший более полугода, вернувшись, не замедлил показать Тульеву, что по-прежнему не доверяет ему. Михаила вскоре отстранили от участия в подготовке агентуры и вновь посадили в аналитический отдел — копаться в агентурных донесениях, провинциальных газетах и записях радиоперехвата. И ближайшая перспектива не обещала улучшений.

Короче говоря, Михаил Тульев созрел для отзыва. Особенно остро он начал испытывать потребность вернуться с тех пор, как перестал встречать Карла Брокмана. Ему, конечно, никто не докладывал, когда и куда исчез из центра Брокман, но это и так было понятно.

Слишком много нервов стоила Михаилу вся эта эпопея с Брокманом, чтобы он мог со спокойной душой рисовать в воображении, что способен натворить в Советском Союзе хладнокровный наемный убийца, убийца его собственного отца.

Он помнил, как Монах в прошлогодней беседе ни с того ни с сего упомянул Владимира Уткина и сказал, что у того надежная легенда. Если Уткин насиживал место для Брокмана, если Брокман использует его легенду — тогда все в порядке; у Владимира Гавриловича не будет затруднений, и Брокману не позволят показать свое умение убивать. Но может быть и иначе. Себастьян — организатор опытный, знает, что в их деле наиболее очевидное—не наиболее надежное. Ни один подчиненный не рискнет побиться об заклад, что сумеет угадать истинные намерения Себастьяна, хотя бы в самом нехитром и маловажном предприятии. А тут дело вполне серьезное. Если Брокмана оставить без присмотра— это даром не пройдет.

Михаил сделал все, что было в его силах и возможностях, чтобы облегчить Маркову обнаружение Брокмана,— даже фотопортреты его переслал. Но сознание этого не могло подавить и обезболить сознания собственного бессилия в момент, когда его присутствие на месте событий могло бы, вероятно, оказаться решающим.

Будучи именно в таком, далеком от уравновешенности состоянии духа, встретил Михаил в воскресенье, 21 мая, Владимира Уткина, с которым виделся в первый и единственный раз восемь лет назад в Одессе, точнее, в одесском аэропорту.

И вот он, Уткин, стоит на обочине шоссе, наверное, ждет попутную машину, чтобы съездить в город, откуда возвращается Михаил. Значит, не успел еще получить в банке заработанное за восемь лет, иначе уже обзавелся бы собственным автомобилем. Михаил с разрешения Монаха пользовался для своих редких поездок его старым «мерседесом». Сегодня с утра он отправился в город, чтобы проверить, нет ли в условленной точке того обычного знака, которым его извещали, что для него получена корреспонденция «оттуда». Знака не было, и Михаил сидел за баранкой с таким видом, с каким, наверное, возвращается после многодневных тысячекилометровых автогонок несчастливый спортсмен, хотя от города до их резиденции было по спидометру всего двадцать семь километров...

Уткин стоял на шоссе, недалеко от съезда к усадьбе центра. Михаил притормозил перед поворотом, Уткин, глядевший в противоположную сторону, обернулся на него, и тут-то Михаил его и узнал — по глазам, по носу, по веснушкам. Не то что машиной обзавестись, он еще и одежду новую не успел купить. У Михаила даже сердце екнуло: совсем свежий человек «оттуда», еще, должно быть, пыль на ботинках российская, а в карманах — табачные крошки от папирос. Михаил отлично помнил, как там, в одесском аэропорту, когда менялся с Уткиным плащами, оставил ему початую коробку «Казбека». Может, Уткин после так и привык к папиросам?..

Михаил остановился перед отвилком, вышел из машины, достал сигарету и закурил, глядя из-под бровей на Уткина. Между ними было метров десять. Уткин тоже смотрел на него, и, кажется, воспоминание наконец шевельнулось в нем.

Они были одни на дороге. По этому шоссе и вообще никогда оживленного движения не происходило, а сегодня к тому же воскресенье — ни единой машины.

— Трудно здесь? — спросил Михаил вполголоса.

— Узна́ешь сам,— широко улыбнувшись, ответил Уткин.

Это был фрагмент их разговора, происходившего в Одессе. Только в тот раз вопрос задал Уткин, а Тульев ему ответил так: «Узнаешь сам. Зачем тебя заранее пугать или, наоборот, успокаивать? Прыгнул в воду — плыви, а то утонешь...»

Они сошлись, пожали друг другу руку.

— Давно? — спросил Михаил.

— Вчера.

— Рад тебя видеть, Уткин.— Улыбка Михаила была непритворной.

Он действительно испытывал в этот миг настоящую радость. Но все же в нем работала и тайная мысль. Сотрудникам центра категорически запрещалось откровенничать между собой, но чем черт не шутит... Тут как-никак имелись сближающие обстоятельства.

— Я тоже очень рад,— сказал Уткин.

— В город собрался?

— Не мешало бы.

— Сегодня все закрыто — воскресенье. Ты, наверное, в магазин хочешь?

— Да так, вообще... Не грех и по баночке...

— Я с удовольствием. Садись.

В машине Уткин спросил:

— Это твоя?

— Нет, Монаха. Беру, когда надо. У него другая есть, новая.

— Ты, значит, с начальством на равных?

Разуверять Уткина было бы неразумно. Михаил сказал с достаточной небрежностью:

— Не целуемся, конечно, но жить можно.

Михаил развернулся и быстро набрал скорость.

— Куда думаешь? — спросил Уткин.

— Куда хочешь. Можем в «Континенталь». Бывал там?

— Уже не помню... Мне, понимаешь, пока шляться не велели.

— Тогда надо где потише. Сегодня наших в городе много.

Михаил показал на приборную панель, приложил палец к губам. Уткин понял, покрутил в воздухе пальцем: мол, записывать могут? Михаил кивнул, и до города, минут десять, они промолчали.

Свернув на кольцевую дорогу, Михаил обогнул город и на тихой окраинной улице, застроенной трехэтажными кирпичными домами, остановился недалеко от маленького пансионата «Луиза», в ресторане которого он изредка обедал, когда слишком приедались кушанья их казенной столовой. Как он и ожидал, в крошечном, на шесть столиков, зале не было ни души. Хозяин, с которым Михаил был знаком, пожилой вдовец, сказал, что сам обслужит их. Но есть они пока не хотели.

Сели за столик у задернутого гардиной окна, и Михаил сказал:

— Что будем? Покрепче?

— Нет, давай винца,— сказал Уткин.— Мозельского. Не очень кислого.

Хозяин пошел за вином.

— Водка надоела? — усмехнувшись, спросил Михаил.

— Я там не злоупотреблял.

— Примерный труженик?

— А что? На доске почета висел.

— Долго же ты куковал.

— Без малого восемь лет... Лучший техник районного телефонного узла...

— Вообще-то работенка не пыльная, — сказал Михаил.

— Это верно.

— А отсюда не дергали? — Это был первый вопрос по существу, и Михаил с надеждой ждал, что Уткин не уклонится от прямого ответа.

— Только раз. Под самый конец,— без всякого колебания откликнулся Уткин.

Михаил понял, что правил разведцентра Уткин придерживаться не будет. Восемь лет постоянной бдительности чего-нибудь стоят. Должен же человек когда-нибудь расслабиться. Однако, чтобы не насторожить Уткина, Михаил торопить события не стал.

Хозяин принес вино, фрукты и жареный миндаль в вазочке.

Они выпили вина. Михаил пожевал миндаля, слушая, как он повизгивает на зубах.

Полковник Марков в одном из своих писем рассказал Михаилу, что Уткин посещал его

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17—29, 31—33.

жену Марию, и сейчас Михаила подмывало спросить, как она выглядит, какое впечатление произвела. Но этого, конечно, делать было нельзя. Оставалось надеяться, что Уткин сам заведет разговор — не под влиянием алкоголя (от этого легкого вина человек, знакомый с водкой, особенно не опьянеет), а просто поддавшись благодушному настроению.

— Кто там не был, нас не поймет,— тихо сказал Михаил.

— Точно.

Еще помолчали. И снова первым заговорил Михаил:

— Да-а... Восемь лет — не восемь дней.

— Вообще-то я думал, хуже будет,— сказал Уткин.— А оно ничего страшного. Тягомотина, конечно.

— Ну, это ты немножко забыл, наверно,— добродушно возразил Михаил.— Я тебя тогда в Одессе увидал, думаю: парень, как бычок на веревочке, на бойню ведут.

— Это верно, дрожь в коленках была. Но недолго. А потом жил — не думал. Если б не эти чертовы «Спидолы», вообще забыть можно, кто я такой.

— Почему «Спидолы»? Я тебе одну оставлял.

Уткин и думать не хотел ни о каких секретах и запретах. Говорил просто, все как есть. Да и какие особенные секреты своего восьмилетнего бездействия мог он выдать человеку, который все это время прожил в штабе центра и который настолько близок к начальству, что пользуется его автомобилем, как своим собственным?

— Их у меня две было. Вторую велели достать потихоньку, купил у одного психа. А потом твою прятал, а вторую напоказ таскал.

— Для чего?

— А черт его знает. Режиссеры здесь сидели, я их не спрашивал.

Еще попили винца. Михаил сказал:

— Ты меня не бойся — не из болтливых.

— А какие у нас тайны?—удивился Уткин.— Я там сидел, как пень. Только в Батуми и шевелился, да и то все по расписанию. Никакой самодеятельности.

— Менялись так же, как тогда?

— Не совсем. Кто-то сошел, я вместо него на корабль, а кто — в глаза не видел. Вообще там какая-то игра была. Но я — пешка.

— Все мы пешки,— вздохнул Михаил.— Может, коньяку выпьем? — Ему и вправду захотелось рюмку чего-нибудь покрепче.

— Давай.

24 мая, Монах позвал Михаила вечером к себе, и там он увидел Уткина.

— Думаю, вам будет приятно друг на друга поглядеть,— сказал Монах, когда они поздоровались.

Потом Уткин рассказывал Монаху то, что Михаил от него слышал в воскресенье. Из этого можно было заключить, что по возвращении он докладывал не Монаху, а Себастьяну. А это, в свою очередь, лишь подтверждало неутешительный для Михаила факт: Себастьян снова взял вожжи в свои руки.

Для чего Монаху потребовалось слушать отчет Уткина при нем, Михаиле, понять было трудно. Быть может, Монах хотел таким образом показать, что партия Уткина сыграна от начала до конца на глазах у Михаила? А может быть, Монаху просто скучно было сидеть целый вечер с Уткиным наедине?..

Возвращение Уткина, все, что Михаил от него услышал, делало бесспорным один вывод: сейчас там, в Советском Союзе, совершается серьезная акция. Иначе восьмилетнее прозябание Уткина надо признать абсолютно бесцельным.

Думая об этом, Михаил начинал нервничать, так как был уверен, что все происходящее обязательно должно отразиться и на нем. Каждый день он брал из гаража «мерседес» Монаха и ездил в город, но знака о прибытии корреспонденции из Москвы все не было.

Так прошло полтора месяца. И наконец он увидел знак, а вскоре получил послание Маркова, которое было длиннее прежних. Но самое главное, самое радостное для Михаила содержалось уже в первой строчке — его отзывали.

На следующий день он попросил Себастьяна принять его по личному вопросу: кадрами центрального аппарата Себастьян ведал теперь на единовластных началах, освобождая шефа, как он выражался, от стирки грязного белья. Он не любил старых сотрудников, которые в силу долголетнего знакомства с Монахом могли при необходимости обращаться непосредственно к нему. Тульевых, и отца и сына, как знали все сотрудники, Себастьян не просто не любил — он их ненавидел. Соблюдая субординацию в первый раз со времени воцарения Себастьяна, Михаил рассчитывал польстить его самолюбию и тем облегчить свою задачу. Но расчет не оправдался.

Себастьян встретил его вежливо, поинтересовался здоровьем, а когда услышал, что Тульеву надоело работать в аналитическом отделе, сухо заявил:

резидента

Они просидели еще часа полтора, но оставались трезвыми. Уткин рассказал подробности батумской переправы, а под конец добавил, что купленную им «Спидолу» привез с собой, и она стоит у него в комнате, но, кажется, он ее сегодня выбросит — так она ему надоела.

О своей поездке к Марии он не обмолвился ни словом — значит, это было под специальным запретом. Себастьянова рука...

Когда решили уходить, Михаил подозвал хозяина. Уткин протянул Михаилу деньги, но Михаил сжал его руку вместе с бумажками и убрал ее со стола, расплатился своими.

Рассудив, что во избежание нареканий Уткину лучше не появляться на виду в обществе Тульева, они расстались на шоссе — Михаил высадил его недалеко от поворота к их резиденции.

Михаил больше не искал встречи с Уткиным — ничего существенного узнать от него он уже не рассчитывал. Однако в среду,

— Но у нас нет для вас другого места.

— В таком случае прошу разрешить долгосрочный отпуск,— сказал Михаил.

— Вы совсем недавно были в отпуске, и даже весьма долго,— возразил Себастьян.

С Брокманом в Швейцарию Михаил ездил по личному распоряжению Монаха, и Себастьяну истинная сторона дела не была известна, но он все же сказал:

— Это нельзя считать отпуском.

— Почему же?

— Я работал.

— Не знаю. Официально вы числились в отпуске.

— Я устал. Может человек получить отдых, если настоятельно в нем нуждается?

Себастьян, почувствовав чужое раздражение, сам сделался спокойнее.

— Сколько вы хотите?

— Хотя бы полгода.

— Это слишком много.

— На оплату я не претендую.

Себастьян усмехнулся:

— Еще бы! Полгода с оплатой — это, знаете ли...

— Благодарю вас,— сказал Михаил с облегчением.— Я хотел бы уехать через два дня.

— Где вы намереваетесь остановиться?

— Пока в Париже.

— Сообщите мне оттуда свой адрес. И весь последующий ваш маршрут я должен знать.

— Хорошо.

Себастьян не стал лицемерно желать ему приятного отдыха и тем самым заставил Михаила испытать к нему уважение — единственный раз за всю историю их взаимоотношений.

Михаил знал, что парижский адрес и липовый маршрут его воображаемого отпускного путешествия не обманут Себастьяна. Он все проверит и убедится в обмане. Но тут ничего нельзя было поделать. Его ждали в Москве с таким же нетерпением, с каким он туда стремился.

14 июля Михаил приехал в Париж, в город, где всякому, кто желает раствориться и замести следы, сделать это не составляет особого труда. А 16 июля он исчез из Парижа.

Глава 25

СВИДАНИЕ С БРОКМАНОМ

Любой мало-мальски проницательный наблюдатель, если бы он задался праздной целью классифицировать Линду Николаевну Стачевскую по типу характера, должен был бы признать, что она принадлежит к тому редкому в наше время, уже давно вымершему племени людей, которых называют авантюристами высокого полета,— племени, яркими представителями которого были, скажем, Григорий Отрепьев и подобные прочие самозванцы — его предтечи и его эпигоны, от раба Клемента, выдававшего себя за своего умерщвленного хозяина Агриппу Постума и пытавшегося отобрать власть у римского императора Тиберия, до корнета Савина, чуть не севшего на болгарский трон. Из женщин можно назвать хотя бы так называемую княжну Тараканову и столь же злополучную Мата Хари.

История не сохранила данных относительно того, делали или не делали две вышеупомянутые прекрасные дамы утреннюю зарядку. Зато мы точно знаем, что Линда Николаевна ее делала регулярно на протяжении трех времен года — осени, зимы и весны. Летом же физзарядку она заменяла работой в саду и цветниках.

Всякая регулярность, за исключением немногих особых случаев,— признак педантизма, а педантизм, согласитесь, не гармонирует с авантюризмом. Тем не менее в Линде Николаевне эти несочетаемые качества все-таки сочетались, и, может быть, именно потому она в отличие от своих знаменитых предшественниц сумела благополучно дожить до преклонных лет.

5 июля 1972 года Линда Николаевна, встав в половине шестого утра, в шесть занималась своим обычным делом—работала в саду. День обещал быть очень жарким. Небо с утра уже потеряло голубизну и стало сизо-стальным. Обильно политые с вечера грядки, на которых росли пионы, флоксы, настурции и гладиолусы, несмотря на ранний час, уже успели высохнуть, и земля сделалась серой.

Линда Николаевна, выдергивая из грядок появившиеся за ночь стрелки чужеродной травы, думала о том, что цветам придется трудно нынешним летом. Но вскоре думы о судьбе цветов сменились другими, более важными. Она вновь и вновь, как делала это все последнее время, повторяла мысленно маршруты и действия, предпринятые ею по заданию ее обожаемого жильца, оценивала их значение, сопоставляла их и пыталась вывести прогноз на ближайшее будущее. Главной исходной позицией и доминантой этих вычислений было, о чем нетрудно догадаться, ее собственное участие в предстоящих событиях. Как известно, Линда Николаевна жаждала активной деятельности, не ограниченной примитивными курьерскими обязанностями. Обостренная сознанием опасности восприимчивость позволяла ей читать в душе и мыслях жильца, как в открытой книге. И она давно

уже высчитала, что близится срок, когда он доверит ей настоящее дело. Оставалось только чуть потерпеть, неизбежное произойдет. Оно может прийти в любой день...

Вот почему в то безветренное солнечное утро 5 июля Линда Николаевна не была удивлена, увидев вышедшего к ней в сад Брокмана, хотя часы показывали всего лишь начало седьмого. Никогда не просыпавшийся ранее семи, сейчас Брокман был уже выбрит, умыт и свеж. Впрочем, Линда Николаевна, окинув его одобрительным взглядом, успела заметить в выражении его лица нетерпение и озабоченность. К тому же в углу рта у него была дымящаяся сигарета, и это говорило о беспокойном состоянии духа, ибо прежде он никогда не курил до завтрака.

Поглядев на сизое безоблачное небо, на припылившиеся листья яблонь и, наконец, на Линду Николаевну, Брокман сказал:

— Градусов на тридцать денек будет.

— Если не больше,— откликнулась Линда Николаевна.— Вы куда-нибудь собираетесь?

— Я — нет. А вам придется съездить в Москву.

Линда Николаевна развязала на пояснице тесемки клеенчатого фартука и сняла его. Она помнила наизусть содержание открытки, которую писала под диктовку неведомому ей Воробьеву. Поэтому спросила как о само собой разумеющемся:

— В час надо быть на Пушкинской площади?

— Да.

— Тогда лучше не терять времени. Я приготовлю завтрак.

— Идемте на минутку ко мне.

В своей комнате Брокман достал из пиджака, висевшего в шкафу, бумажник, а из бумажника — фотокарточку. Дал ее Линде Николаевне.

— Запомните его.

Это был портрет уже известного нам Воробьева-Блиндера. Ничем не примечательное лицо.

— Он довольно высокого роста, немного выше вас,— сказал Брокман, убирая возвращенную Линдой Николаевной карточку.— У него с собой коричневый плащ. Сразу заметите, даже в толпе... Сегодня дождя не предвидится, вряд ли все будут с плащами.

— В сквере у Пушкина обычно толпы не бывает.

— Еще лучше...

— И никакого пароля? — спросила Линда Николаевна.

— Какой же еще пароль, если вы видели портрет?

— А если это окажется не он?

— Не забегайте вперед, все объясню,— сказал Брокман.— Значит, так. Видите, что ждет этот человек, подходите и без всяких паролей говорите: «Поедемте ко мне домой». Привезете его ко мне, но не сюда, а к рынку, на автобусную станцию. Я буду там. Во сколько вы можете приехать?

— Нужно посмотреть расписание.

Линда Николаевна принесла расписание пригородных поездов, и они вместе его посмотрели. Получалось, что Линда Николаевна с Воробьевым могут прибыть на электричке в 15.53.

— До рынка десять минут пешком,— сказала Линда Николаевна.

— Буду ждать с четырех. Приведете его к автобусной станции и уходите. Меня не увидите — не волнуйтесь, я его сам увижу.

Брокман закурил новую сигарету.

— А теперь насчет другого варианта. Может прийти и не этот человек, но фамилия у него должна быть такая же. Подойдите и спросите: «Вы товарищ Воробьев?» Он скажет: «Да». Вы спрашиваете: «Давно меня ждете?» Он должен ответить: «Ровно семнадцать минут». Это и есть пароль.

— Все понятно,— сказала Линда Николаевна.— Но если он, этот другой Воробьев, скажет мне совсем не такие слова?

Брокман загасил сигарету в пепельнице и улыбнулся.

— Тогда — прошу прощения. Это будет очень плохо.

Линда Николаевна не нуждалась в уточнениях, почему это плохо и кто пострадает в первую очередь. Она думала не о себе, она беспокоилась о нем.

— А вдруг меня все-таки привезут сюда? Куда мне их вести? Домой?

— В доме — как в ловушке,— сказал он.— Лучше на автостанцию.

— Как я дам знать, что это чужой?

Он подумал немного, потом спросил:

— Вы возьмете с собой какую-нибудь сумочку?

— Обязательно.

— Если вас все-таки привезут сюда, давайте условимся так: держите сумочку в правой руке. Если все нормально — в левой, а нет — в правой.

— Хорошо.

— Ждать я буду до половины пятого.

— Это непредусмотрительно,— возразила Линда Николаевна.— Электричка может и опоздать.

Брокман и раньше имел возможность убедиться в преданности и исполнительности Линды Николаевны. Сейчас она ему показывала, что умеет быть хладнокровной и расчетливой.

— Верно,— согласился он.— Давайте установим крайний срок — пять часов.

Потом Линда Николаевна приготовила завтрак, они поели, она помыла посуду — все, как в обычный день. И до самого ее ухода они больше ни словом не обмолвились о предстоящем. Необычным было лишь его напутствие.

— С богом,— сказал Брокман, пожав ей руку.

— Лучше с сумочкой в левой руке,— сказала она и открыла дверь.

Семенов пришел на сквер Пушкинской площади без десяти час. Он был в светлом костюме из тонкой летней ткани, в синей рубахе без галстука. Через руку переброшен коричневый плащ Воробьева-Блиндера, в карманах которого, в каждом по два, лежали тюбики с зубной пастой.

Он волновался. Он знал, что издали за ним наблюдают двое верных товарищей, которые скорее погибнут сами, чем дадут погибнуть ему, но от этого волновался еще больше. Во-первых, никакая опасность здесь, в центре Москвы, в ясный летний день ему не угрожала. Во-вторых, он и сам может за себя постоять. И таким образом получалось, что невидимое присутствие товарищей его только смущало — он чувствовал себя неловко, словно новичок-любитель на сцене. Если бы своих не было, он бы не испытывал стеснения. Все иные, случайные свидетели того, что должно было здесь разыграться — не в счет, так как они не имели о происходящем никакого понятия.

Семенов прохаживался на площадке за спиной у Пушкина. В такую жару на самом солнцепеке это мог делать лишь человек, пришедший на свидание. Но, странная вещь, с ним вместе тут прохаживалось множество людей, мужчин и женщин. И вообще весь сквер, почти лишенный тени, был многолюден в этот час, на скамейках не видно свободных мест.

Линду Николаевну он знал по кадрам, снятым скрытой кинокамерой, и мог бы заметить ее издалека, но Семенов умышленно не смотрел по сторонам, чтобы нечаянно ей себя не выдать неосторожным взглядом. Поэтому ее появление действительно было для него в какой-то мере неожиданным. Однако он отметил, что подошла она не ровно в час, а в пять минут второго. Он не знал, что перед тем она его внимательно разглядывала.

Подойдя, Линда Николаевна сказала:

— Извините, вы товарищ Воробьев?

Он сказал:

— Да.

Она сделала паузу и спросила:

— Давно меня ждете?

Он смущенно пожал плечами.

— Да как вам сказать?.. Минут десять — пятнадцать.

Линда Николаевна, до этого глядевшая ему в глаза, посмотрела как-то вбок.

— Извините, я, кажется, ошиблась.

И пошла своей величественной походкой в сторону Моссовета.

Она не произнесла слов, предназначенных настоящему Воробьеву: «Поедемте ко мне домой». Как сказал бы Павел Синицын, тут и ежу было понятно, что Линда Николаевна без труда расшифровала подмену. Каким образом она это сделала, гадать было не время. На такой случай у Семенова имелся план действий, предоставлявший ему довольно широкую инициативу. Семенов пригладил волосы рукой — это был знак тем, кто наблюдал за встречей: «Я раскрыт».

Линду Николаевну он догнал у Елисеевского магазина. Увидев его рядом с собой, она замедлила шаг, как будто ожидая, что он ее обгонит и уйдет вперед, но Семенов сказал:

— Нам надо поторопиться, Линда Николаевна... Может, вернемся на площадь, попробуем взять такси?

Линда Николаевна, ничего не отвечая, остановилась, повернулась и так же величественно зашагала в обратную сторону.

Семенов, обретший было свою обычную уверенность, опять почувствовал некоторое стеснение, но уже иного рода. Спокойствие и высокомерие этой пожилой женщины были так подчеркнуты, что он начинал испытывать раздражение. Будь она помоложе, он бы сумел быстро сбить с нее спесь, но из почтения к возрасту приходилось соблюдать ритуал, выглядевший в сложившейся ситуации насилием над здравым смыслом.

Так рассуждал Семенов, пока они шли к стоянке такси, расположенной напротив кинотеатра «Россия». К сожалению, он не мог знать, что творилось в голове и душе Линды Николаевны. Его вводила в заблуждение личина невозмутимости, а меж тем под нею вовсе не было спокойствия. И не отвечала Линда Николаевна на его попытку начать разговор не из одного только высокомерия, скопированного ею с лучших берлинских образцов 1941—1942 годов. Растерявшись неожиданно для себя, она старалась собраться с мыслями.

Хотя она сама, первая, при обсуждении с Брокманом этой поездки допускала именно такой, наихудший для нее вариант и рассматривала его последствия с неподдельным хладнокровием, но то было у нее дома, с глазу на глаз с ее боготворимым жильцом. Одно дело — представить себе собственные действия умозрительно, и совсем другое — действовать в реальной обстановке.

Словом, Линда Николаевна была выбита из колеи и старалась поскорее вернуть себе присутствие духа. Семенов искал верный тон, чтобы побыстрее снять собственную напряженность и взяться за самое существо дела, которое свело его с этой спесивой особой.

На улице в потоке людей не очень-то удобно вести конфиденциальный разговор, но кое-что все же сказать можно.

— Я знаю расписание ваших электричек,— миролюбиво сказал Семенов, когда они подошли к стоянке, где человек пять-шесть ожидали такси.

Линда Николаевна и на этот раз промолчала. Семенов иного и не ожидал.

— Нам нужно успеть на тринадцать пятьдесят восемь,— сказал он уже вполне благодушно.

Она молчала. Тогда он спросил строго:

— Нас ждут к определенному часу? Или как придется?

— Это все равно,— изрекла наконец Линда Николаевна, и Семенов тотчас понял, что она врет, и сразу ей об этом сказал:

— Неправда.

— Если вы все знаете, зачем спрашивать?

— Я знаю много, но не все. И вам и мне будет лучше, если вы станете говорить правду.

Со стороны они, наверно, были похожи на тетку с племянником, обсуждающих какую-то семейную неприятность.

— Я даже не знаю, с кем имею честь...— Она сказала это слишком громко, так, что могли слышать стоявшие рядом.

Семенов наклонился к ней.

— Говорите, пожалуйста, тише. Я покажу вам документы, только чуть позже.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что Линда Николаевна, если пожелает, может устроить вот тут, на стоянке, истерику, выйдет публичный скандал, и тогда все задуманное полетит к чертям. Но, к счастью, она органически не была способна на истерику, даже деланную.

Подошла их очередь. Оба поместились на заднее сиденье.

— Курский вокзал,— сказал Семенов шоферу.

Потом он показал Линде Николаевне свое служебное удостоверение. До вокзала, куда приехали без десяти два, они молчали.

Семенов купил себе билет (Линда Николаевна сказала, что у нее билет есть, но забыла сказать, что она ради экономии времени купила, отправляясь в Москву, билет и для Воробьева).

Едва вошли в электричку — она тронулась. Вагоны были полупустые, и они сели в третьем от хвоста, у окна на теневой стороне, друг против друга.

— Мы пойдем к вам домой? — спросил Семенов, возобновляя прерванный разговор.

— Дома у меня делать нечего, там никого нет.

— Я ведь серьезно, Линда Николаевна. Мы же с вами вроде договорились.

Вот теперь Линда Николаевна была спокойна уже по-настоящему. Словно что-то для себя окончательно решила и не испытывала колебаний. Но и Семенов обрел то ровное настроение, которое сам он называл рабочим.

— Я тоже не шучу,— сказала она.

— Где должна произойти встреча?

— У рынка. На автобусной станции.

— Во сколько?

— От четырех до пяти.

Линда Николаевна говорила чистую правду, и ей было хорошо и покойно.

— Чтобы не задавать лишних вопросов, может, вы сами объясните, как все это должно произойти? — сказал Семенов.

— Ничего особенного. Я вас приведу к станции и уйду. А он вас сам увидит и подойдет.

— И больше никаких паролей?

— Нет, представьте.

Про сумочку она говорить не собиралась.

— С вокзала мы на чем поедем? — поинтересовался он.

— Там рядом.

Она откровенно его разглядывала, а это всякому неприятно.

— На мне что-нибудь написано? — спросил Семенов.

— Да нет,— отвернувшись к окну, сказала она.— Рядовой труженик.

— Кстати, как это вы определили, что я не тот, кого вы ждали?

— Не так отвечали.

— А как нужно?

— Многого хотите.

— Но это не имеет значения, раз уж мы едем вместе.

— Как знать...

Она смотрела в окно, и Семенов тоже позволил себе разглядеть ее хорошенько. Моложавость облика все же не могла обмануть— перед ним сидела старая женщина. Но держалась и выглядела она великолепно. Светлолиловый костюм из плотного крученого шелка, дымчатая кружевная кофта со стоячим воротником, скрывающим шею. На голове серая шляпа из рисовой соломки с круглыми полями и с пучком лиловых цветков... Серая кожаная сумочка лежала у Линды Николаевны на коленях, поддерживаемая обеими руками...

Рассматривал он Линду Николаевну не из пустого любопытства. Детали одежды, как известно даже школьникам, тоже могут служить условными знаками для посвященного. Простейшее рассуждение: если она ведет на свидание к Брокману его, контрразведчика, то у них должен быть какой-то знак, которым она даст Брокману сигнал об опасности. Но какой? Может, у нее есть миниатюрный передатчик для работы на близком расстоянии?

— Разрешите, я посмотрю вашу сумочку,— сказал Семенов.

Не меняя позы, она отдала сумочку.

Ничего похожего на радиоаппаратуру он не обнаружил. Говорить больше было не о чем. Оставшиеся полтора часа в жарком вагоне показались бы в другое время невыносимо скучными. Но у каждого из них было о чем подумать, и два десятка станций мелькнули быстро, словно электричка шла без остановок.

В 15.53 они приехали. От вокзала Линда Николаевна повела Семенова по прямой тихой улице, обсаженной по бокам старыми липами и застроенной невысокими, в большинстве двухэтажными, домами дореволюционной архитектуры. Потом повернули на улицу с оживленным автомобильным движением, и еще метров за сто Семенов увидел деревянную арку с выцветшими красными буквами: «Колхозный рынок». Слева от арки— полукруглая площадь, заставленная автобусами, и в глубине ее — белый павильон автостанции.

— Где он будет? — спросил Семенов.

— Не знаю. Я вам уже объясняла.

Семенов все еще безуспешно ломал голову над вопросом: каким образом Линда Николаевна сообщит Брокману, что ведет чужого? Платочек, что ли, достанет из сумочки? Или шляпу снимет?

Строя предположения, Семенов тут же их и отвергал, ругая себя нехорошими словами. Если у них условлен знак, то непременно такой, чтобы не был заметен постороннему. Семенов ни на секунду не сомневался, что знак есть, но не мог его найти.

Он шагал рядом с Линдой Николаевной, искоса на нее поглядывая. До рынка оставалось каких-нибудь полсотни метров, когда ему пришла мысль, что единственной вещью, которая может служить сигналом, нужно считать сумочку. Ничего другого нет.

Линда Николаевна держала ее в правой руке — от самого вокзала. Семенов решил так: если она, придя на рыночную площадь, переймет сумочку из правой руки в левую, он прикажет этого не делать. И наоборот: если Линда Николаевна не станет этого делать, он прикажет взять сумочку в левую руку.

Дошли до рыночной арки, которая была на той стороне улицы, и остановились, чтобы пропустить машины. И тут Семенов сказал:

— Возьмите сумку в левую руку.

Линда Николаевна как бы не расслышала, следя за потоком транспорта.

— Я говорю: возьмите вашу сумочку в левую руку,— повторил Семенов.

— Что это вы нервный такой? — сказала Линда Николаевна.

— Прошу вас,— уже сквозь зубы сказал Семенов.

Она взяла сумочку в левую руку.

Поток машин прервался. Они пересекли улицу и пошли мимо арки, потом краем площади по ее широкой дуге — справа магазинчики и мастерские, слева заставленная автобусами, пышущая масляно-бензинным смрадом асфальтовая жаровня.

— Где мы с вами должны расстаться? — тихо спросил Семенов.

— Вон там, на автовокзале.

— Вы отсюда идите прямо к себе домой. Так будет лучше.

— Неужели одну отпускаете? — Вопрос Линды Николаевны был полон иронии.

— Не беспокойтесь, у вас будет подходящая компания. Только очень прошу: когда мы расстанемся, сумочку из руки в руку не перекладывайте.

Она ничего не ответила.

У здания автовокзала Семенов остановился — в тени широкого козырька над входом,— а Линда Николаевна продолжала путь по дугообразному тротуару, окаймлявшему площадь. Вслед за ней пошел один из товарищей Семенова. Отойдя метров на двадцать, она все-таки взяла сумочку в правую руку. Семенов провожал ее злым взглядом, пока она не достигла улицы и не скрылась за угловым домом. Он переглянулся с другим своим товарищем. Тот дал знак, что понял.

Тут же он услышал за спиной спокойный голос:

— Товарищ Воробьев?

Обернувшись, он увидел перед собой Брокмана и спросил:

— Вы Никитин?

Вместо ответа Брокман сам задал вопрос:

— Привезли для меня что-нибудь?

Семенов похлопал по карману переброшенного через руку плаща.

— Четыре тюбика. И кое-что на словах. Где бы нам поговорить?

— Отойдем.

Брокман повел его за автовокзал. Семенов, следуя в двух шагах сзади, обратил внимание, что Брокман был налегке. В руке свернутая трубкой клетчатая сумка, но не совсем пустая, что-то в нее было завернуто.

Обогнув здание, они очутились на маленькой посыпанной песком площадке, окруженной чахлыми молоденькими тополями, не дававшими тени.

— Отдать? — спросил Семенов.

— Подожди, не здесь. Что такое ты хочешь передать на словах?

Семенов опять похлопал по карманам плаща.

— С этим надо обращаться осторожно.

— Хорошо. Что еще?

— Там волнуются — от тебя нет сообщений.

— Кто волнуется?

— Монах.

— Та-а-ак... Все?

— Сказано: ты должен что-то передать.

— Что именно?

В интонациях Брокмана слышалась двусмысленность. Не поймешь, то ли он принимает этот разговор всерьез, то ли просто не мешает валять дурака. Но дело начато — надо пробовать дальше.

— Какие-то расчеты ждут,— сказал Семенов.— А о чем речь, не знаю.

Брокман задумчиво поглядел на него.

— Так-так-так... Вот что, Воробьев, прокатимся за город.

Минут через десять они ехали в пропыленном, душном, скрипящем и стонущем автобусе по шоссе к селу Пашину, недалеко от которого Брокман в мае заложил под дубом тайник.

Сошли на той же остановке и зашагали к лесу. Брокман шел сзади.

— Мы далеко? — спросил Семенов, когда до леса оставалось совсем ничего.

— Иди, иди.

— У меня, знаешь, времени в обрез.

— Пошли дальше,— сказал Брокман и показал рукой, чтобы Семенов, как и прежде, следовал впереди. Семенов заметил: сумки в руке у него уже нет, вероятно, бросил по дороге, но рука не пустая, что-то зажато в кулаке.

— Ты что, конвоируешь меня? — пошутил Семенов.

— Давай-давай.

Надо было кончать. Продолжение не имело смысла. Брокман вел его в лес не для того, чтобы делиться секретами. Семенов дал сигнал своему товарищу, а сам, резко швырнув свернутый плащ в лицо Брокману, чтобы ослепить, приемом дзюдо свалил его на землю. Подоспевший товарищ помог обезоружить Брокмана и скрутить ему руки.

Продолжение следует.

МОДА ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО В ОТДЕЛЬНОСТИ

Дорогая редакция!

По профессии я манекенщица, десять лет выхожу на подмостки. Внимательно слежу за дискуссией, развернувшейся на страницах «Огонька».

Очень интересно было узнать мнения о моде самых разных людей. Но вот читаю гневные строки некоторых читателей о «некрасивой моде», приведенные в интересном обзоре Б. Лукьянова («Огонек» № 12, 1979), и обидно становится мне за всех художников-модельеров, создающих одежду и обувь, украшения и прически. Интересно, видел ли кто-нибудь из «обиженных на моду» демонстрацию одежды или хоть один наш специализированный журнал? Наверно, да. Но были ли там снимки манекенщиц с сигаретами во рту, мужчин в вылинявших костюмах, с немыслимыми космами волос, в рубашках с иностранными словами и брюках с бубенцами? Нет, понятно! Зачем же бросать упрек моде, зачем пристегивать к ней всякую безвкусицу и в то же время пытаться оторвать слово «культура» от «культуры одежды». Глубоко прав Б. Лукьянов, ратующий за правильное, разумное отношение к моде.

С. КОНОНЧЕНКО

Макеевка.

Это письмо, как и многие другие письма, в которых читатели интересуются вопросами моды, работой модельеров, привело меня на старинную московскую улицу — Кузнецкий мост.

Ни один москвич, а тем более ни одна москвичка, проходя по этой узкой улочке, не может хоть на минуту не остановиться возле огромных окон, где стоят безмолвные манекены, беспрестанно меняющие свои туалеты, и только их белозубые улыбки на лицах из папье-маше остаются неизменными. Здесь расположен главный центр современной отечественной моды — Общесоюзный Дом моделей одежды.

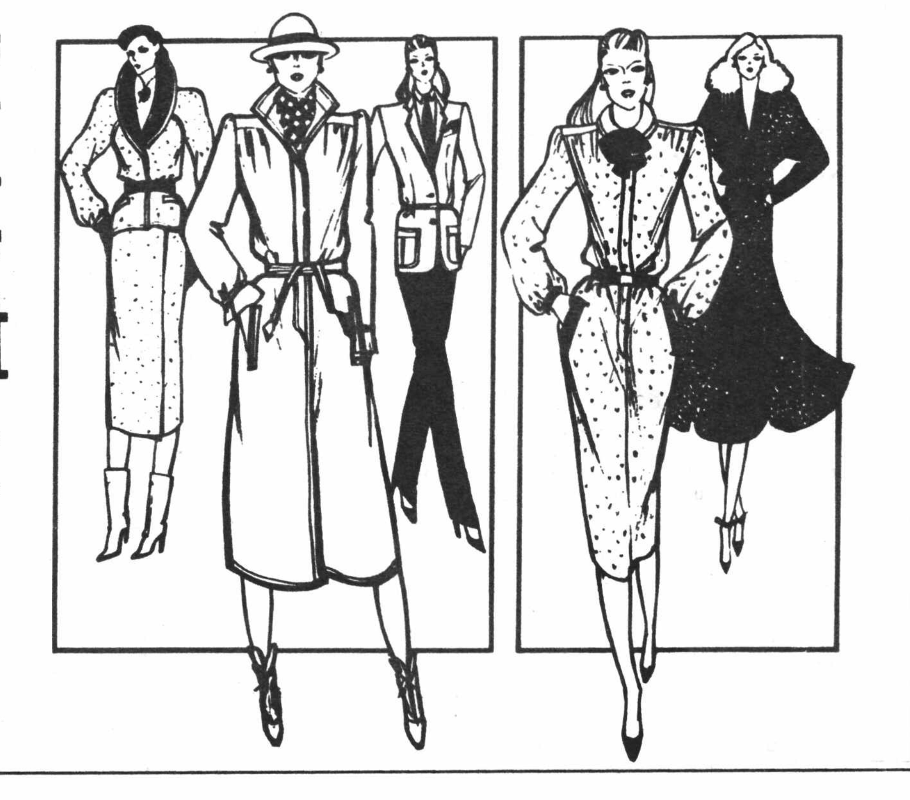
Сорок художников-модельеров, сто конструкторов одежды, целая армия закройщиков, отделочников, портных ежегодно создают более трех тысяч новых моделей: элегантных пальто и деловых костюмов, больших вечерних туалетов и маленьких повседневных платьев «с утра до вечера», меховых манто и пляжных костюмов, кокетливых шляпок для молодежи и более строгих шляп для людей зрелого возраста. Словом, именно здесь решают: как же должен выглядеть современный человек. И не только теоретически: 90 процентов моделей создаются непосредственно по заказам промышленности.

Что же такое мода вообще, кто и как ее создает и где найти меру разумного к ней отношения?

С этими вопросами мы обратились к главному художнику Дома моделей Людмиле Федоровне Турчановской.

— Прежде всего о профессии человека, который, условно говоря, знает, как вы должны быть одеты нынешним летом. Раньше это был просто портной, выполняющий чей-то индивидуальный заказ. Но времена кустарей-одиночек миновали. Сейчас не группа людей, а все хотят красиво одеться. И даже скептики, категорически отрицающие всякую моду, тоже ведь что-то носят. Сегодня моделирование одежды — одна из сложнейших форм прикладного искусства, тесно связанная с человеком, с его жизнью в обществе. Создать не единичную, пусть уникальную, высокохудожественную модель, а цельный гармоничный облик человека сегодняшнего дня — вот наша задача. Справиться с ней можно, только обладая безупречным вкусом, воображением, фантазией. Многие наши модельеры владеют живописью и графикой, все они прекрасные колористы. Эти чисто профессиональные качества опираются на четкую жизненную и идеологическую позицию. Сейчас очень много информации поступает с Запада, и надо обладать большим тактом, чутьем, чтобы отобрать наиболее интересное, соответствующее стилю и образу жизни нашего народа.

Мода во многом давно интернациональна. Достаточно вспом-

нить, как упорно властвовал русский стиль в мировой моде. Было увлечение восточными мотивами. За последние годы в коллекциях разных стран появились традиционные африканские одежды с их широкими, летящими полотнами тканей, подчеркивающими раскованность, непринужденность движения.

Художник-модельер должен обладать творческой и жизненной активностью. Он, как губка, впитывает наблюдения, преломляя их в своем творческом воображении. Только так он может создать жизненную модель, предугадав в ней сегодняшние желания человека, его настроение. А человеку свойственно стремление к постоянному обновлению, освежению своего внешнего облика и, конечно, к более точному и выигрышному выявлению своей индивидуальности.

Мода как зеркало: она прежде всего отражает нас самих. Современная же мода так многолика, так демократична: она ничего не диктует, она только предлагает.

— Сегодня женщина сама выбирает и то, что ей нравится, и то, что ей идет. Перестала существовать даже дилемма длины юбок. В новом узком силуэте юбка чуть прикрывает колено. Платья свободного распашного покроя несколько уменьшились в объеме за счет гофрировки, очень модной в этом сезоне. К деловым спортивным костюмам прибавились нарядные туалеты более женственного, романтического стиля. Изменился силуэт брюк: значительно заузился, вплоть до прямого. Ширина мужских брюк уменьшилась до 24 сантиметров. Вновь вернулись в моду так называемые маленькие платья, плотно облегающие фигуру, носить их можно «с утра до вечера». Появился остромодный прямой и полуприлегающий силуэт с акцентированной, почти прямой линией плеча,— так комментировала показ новых моделей искусствовед А. Щипакина.

А на подиум в это время выходили непрерывной вереницей манекенщицы в модных пальто Тамары Макеевой. Костюмы новой «холодной» цветовой гаммы: цвета воды, льда, цвета осеннего неба представляет Светлана Кочерава, один из лидеров нашей моды. Тамара Файдель показала модели для тридцатилетней женщины, умеющей выбирать и носить вещи, уверенной в себе. В ее туалетах женщина и впрямь чувствует себя элегантной. Как всегда, красивы и практичны ансамбли повседневной одежды Юлии Денисовой.

Настоящей сокровищницей идей стал для Лины Телегиной народный костюм, его мудрая простота и лаконичность. В ее моделях ярко звучат народные мотивы, фольклор.

В России издавна покупали детям одежду навырост. Сейчас эта тенденция прекрасно прозвучала в коллекции для девочек, представленной художником-модельером Аллой Чекуниной. Длина девичьей юбочки опустилась гораздо ниже колена.

Но создать интересные модели, выявить основные тенденции моды — это еще не все. Одна из главных задач Общесоюзного Дома моделей — научить людей культуре одежды, умению не слепо следовать за модой, а разумно выбирать то, что выразительнее, ярче подчеркнет индивидуальность.

Последние годы частыми посетителями сеансов показа мод стали школьники. Именно молодежь подхватывает наиболее острые решения и повороты новой моды, и вот тут-то на помощь им идут специалисты.

— Откуда же все-таки берутся эти брюки с бубенцами, разноцветные заплатки на абсолютно прочной одежде и прочие «увлечения», захватывающие порою улицу?..

— Часто неисповедимы истоки этой уличной вульгарной моды. Вот, к примеру, «бритва» — своего рода «украшение» на шее юной девушки. Первоисточник этой вульгарщины — сувенир фирмы «Жиллет», выпускающей лезвия для бритья. Почему подхватила молодежь эту нелепую фантазию, трудно сказать... Но вот именно «улица» буквально заставила и нас и нашу промышленность в срочном порядке выпускать изделия из джинсовой ткани. И ведь эта одежда действительно оказалась и очень практичной и удобной...

— Подведем итоги основным тенденциям современной моды.

— Прежде всего это возврат к элегантности, женственности. Женщина не хочет быть только спортивной и деловой. Сегодня ей нравится быть и женственной, романтической, чуть-чуть таинственной.

...Москва живет в 1979 году, а Дом моделей давно погружен в заботы 1980—1981 годов. Эстетическая комиссия рассмотрела предложения московских, рижских, тбилисских и других модельеров, разработала и утвердила основное направление художественно-колористического оформления тканей, направление моды в одежде, обуви, головных уборах.

Перед тем как покинуть гостеприимный дом, живущий волнениями моды, мы задаем последний вопрос художнику Л. Ф. Турчановской:

— Что вы могли бы пожелать читателям и особенно читательницам «Огонька»?

— Относиться к умению одеваться как к большому искусству. Первое правило на этом пути: познай себя, относись к себе критически, отказывайся от того, что модно, но тебя уродует, умей за модной одеждой не потерять себя... Только так можно приобрести подлинную элегантность. Сегодня это может сделать каждый. Сегодня мода существует для всех и для каждого в отдельности.

В. МОРОЗОВА

Рисунки художника-модельера В. Матвеева.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

«ВЕДОМСТВЕННЫЕ «ПОЛНОМОЧИЯ»

На страницах журнала «Огонек» не раз поднимался вопрос о производстве «мелочей» — товаров, выпуск которых зависит в первую очередь от инициативы заводов, фабрик, производственных объединений.

Ластики (по производственной терминологии — «стирательная резинка») — в их ряду. Судя по всему, о производстве ластиков забыли, хотя в обещаниях недостатка нет...

В редакцию пришло письмо, подписанное главным инженером Всесоюзного объединения по производству резиновой обуви, медицинских изделий и товаров народного потребления из резины Б. К. Голубевым. Он пишет, что замечания, высказанные в статье «Ведомственные «полномочия» («Огонек» № 20 с. г.) «по качеству стирательной резинки, ВПО «Союзрезинообувь» считает справедливыми». В связи с этим объединение сообщает следующее: статья «Ведомственные «полномочия» была обсуждена Московским производственным объединением «Вулкан» и разработаны мероприятия по улучшению качества стирательной резинки. Одновременно научно-исследовательскому институту резиновых и латексных изделий поручено оказать помощь МПО «Вулкан» по улучшению качества резинки.

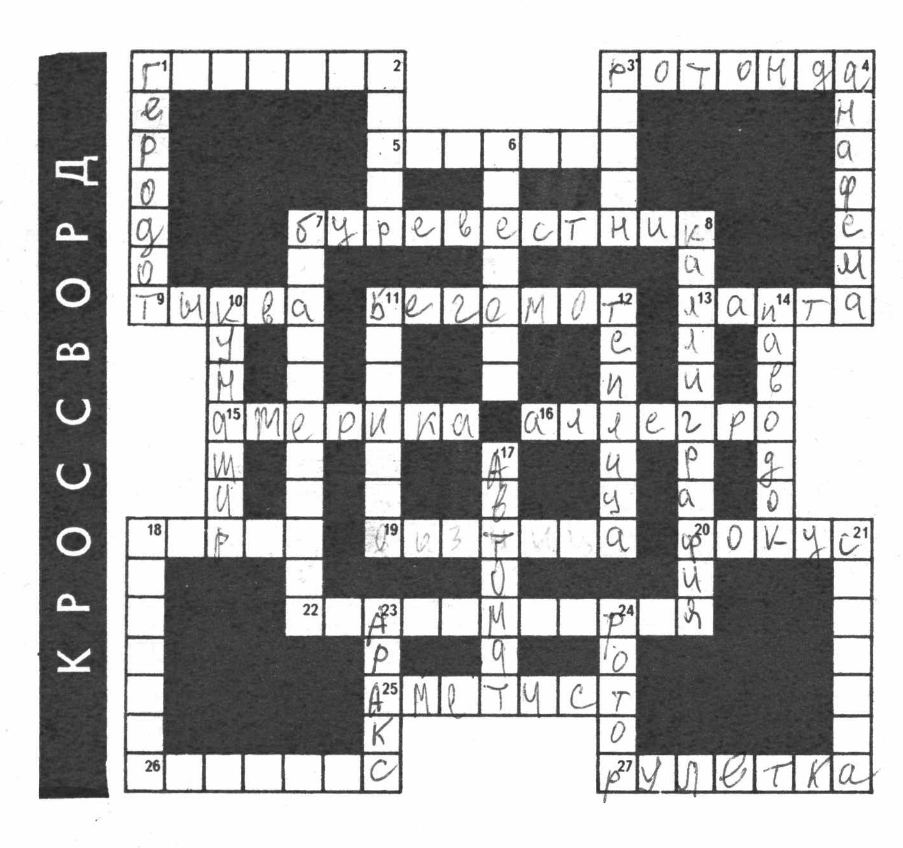
Письмо тов. Голубева почти полностью процитировано не только для того, чтобы продемонстрировать еще один образец отписки. Просто-напросто есть надобность поговорить по существу столь вроде бы незначительной проблемы, как качество и ассортимент стирательной резинки. Хороший ластик необходим на столе конструктора, чертежника, машинистки, школьника, студента, издательского редактора... Ластик нужен многим. Но, повторяю, хороший. Те же, что выпускает объединение «Вулкан», находятся, похоже, на уровне конца прошлого, начала нынешнего века. Может, поэтому тов. Голубев и не называет сроков выпуска хороших ластиков и никак не оценивает качество нынешней продукции? Может, тов. Голубев не знает также, что общего характера обещания, подобные тому, что получил «Огонек» от него, были даны работниками министерства также в 1975 и 1978 годах. Меня познакомили с письмами заместителя министра нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР М. П. Парфенова и начальника объединения «Союзрезинообувь» Ю. И. Глубокого. Цитирую строки из письма заместителя министра: «Вопрос о целесообразности выпуска резинки по типу демонстрировавшейся на выставке «Интероргтехника-75» будет рассмотрен и решен после изучения образцов». Прошло без малого пять лет... Где, на каком этапе застряла эта проблема? Или о ней просто забыли?

Тов. Глубокий сообщал, что объединение «Вулкан» проводит работу по расширению ассортимента и улучшению качества стирательной резинки... Где, на каком этапе приостановилось обещанное расширение и улучшение?

Захожу в канцелярский магазин. Несколько унылых ластиков — точь-в-точь таких, что были два, три, пять лет назад. Свидетельствую: это плохие, несовременные ластики.

К. БАРЫКИН

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Художественный прием в искусстве, литературе. 3. Круглое сооружение с колоннами и куполом. 5. Тропическое растение. 7. Морская птица. 9. Огородная, бахчевая культура. 11. Животное, обитающее в Африке. 13. Русская игра в мяч. 15. Часть света. 16. Быстрый, оживленный темп в музыке. 18. Порт в Эстонии. 19. Кучер. 20. Точка пересечения лучей. 22. Наука, изучающая ускорения силы тяжести на земной поверхности. 25. Полудрагоценный камень, разновидность кварца. 26. Звезда в созвездии Скорпиона. 27. Приспособление для измерения длины.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Древнегреческий историк. 2. Машина для забивки свай. 3. Французский драматург XVII века. 4. Рассказ А. И. Куприна. 6. Горный массив на Южном Урале. 7. Город в ГДР. 8. Умение писать четким, красивым почерком. 10. Один из Курильских островов. 11. Народный артист СССР, выступающий на сцене Ленинградского театра драмы имени Пушкина. 12. Помещение для выращивания растений. 14. Быстрое поднятие уровня воды в реке. 17. Огнестрельное оружие. 18. Металл. 21. Материал для мозаики. 23. Приток Куры. 24. Вращающаяся часть турбины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. «Псковитянка». 7. Репертуар. 8. Кербабаев. 9. Клевер. 10. Рубенс. 12. Волгоград. 15. Торонто. 16. Индиана. 17. Киоск. 19. Нота. 20. Тигр. 24. Крона. 25. Колибри. 26. Мазурка. 27. Нежданова. 30. Вагнер. 32. Комета. 33. Диатоника. 34. «Коновалов». 35. Транспарант.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Партер. 2. Кружево. 3. Нарбада. 4. Абажур. 5. Геометрия. 6. Лейтенант. 9. Котельников. 11. Спартакиада. 12. Воронихин. 13. Озон. 14. Диаграмма. 17. Каток. 18. Книга. 21. Аллегория. 22. «Гора». 23. Корректор. 28. Ежевика. 29. Вязанка. 31. Рапорт. 32. Корвет.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Истребители МИГ-23 отличного звена, которым командует летчик 1-го класса, гвардии капитан Сергей Иванович Елькин. Краснознаменный Прибалтийский военный округ.

Фото А. Награльяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Румыния. Судоверфь в Галаце. * Лаборатория лазеров в Институте атомной физики. * Гидроэнергетическая и навигационная система «Железные ворота-1» на Дунае. * Цех хлопчатобумажного трикотажа фабрики «Трикодава». * Рыбалка на озере Сфынта Ана. * В архитектурном институте имени Иона Минку в Бухаресте.

Фотографии представлены журналом «Румыния». (См. в номере материал «Портрет республики»)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 30.07.79. Подписано к печати 14.08.79. А 00694. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 1787. Заказ № 972.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ

Фото А. БОЧИНИНА

Подготовка Олимпийских игр — это сложнейшее многоотраслевое предприятие, и обозначить границы его деятельности нелегко. Тысячи людей самых разных профессий готовятся к тому, чтобы обеспечить самым необходимым главных действующих лиц Олимпиады — спортсменов, а также всю многоликую их свиту — судей, зрителей, журналистов. И среди тех, от кого в первую очередь будет зависеть успешное течение Игр, хорошее настроение ее участников, есть люди, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения к спорту. Мы имеем в виду работников общественного питания. Но такой взгляд, конечно, в корне неверен. Вот почему и был проведен в Москве первый всесоюзный конкурс молодых поваров, кондитеров, официантов, метрдотелей и барменов, посвященный Олимпиаде-80.

В этом необычном конкурсе приняли участие 90 человек, съехавшихся в столицу с разных концов страны, и в личном зачете первенство завоевали повар из Грузии, московский кондитер, эстонский метрдотель, а также ленинградцы — бармен и официант. И хоть ленинградский официант Николай Крылов и поставлен нами в этом почетном списке последним, ведь официант в ресторанной индустрии как бы завершает усилие своих коллег, но кто же не знает, что именно от него зависит успех всей работы. Вот мы и решили поставить во главу угла нашего фотоочерка официантов, нисколько не умаляя значения представителей и других ресторанных профессий.

Итак, главные герои нашего рассказа — официанты, и притом официанты ленинградские, из одного ресторана, официанты — друзья еще с курсовой скамьи, и притом оба заместители секретаря комсомольской организации. Один из них, Николай Крылов,— победитель всесоюзного конкурса, другой — Анатолий Федоров, занявший второе место.

Человек из ресторана — так в дореволюционной России называли официантов. Но до чего же это прозвище не подходит к нашим героям! Когда, заняв столик в ресторане гостиницы «Астория», мы попросили подойти к нам Николая Крылова, то увидели перед собой стройного, элегантного, приветливого молодого человека, полного собственного достоинства.

Вот путь, который прошел Николай Крылов, прежде чем стал официантом. Студент железнодорожного техникума, помощник машиниста, солдат железнодорожных войск, строитель БАМа и слушатель курсов по подготовке официантов, а теперь лучший официант всесоюзного конкурса.

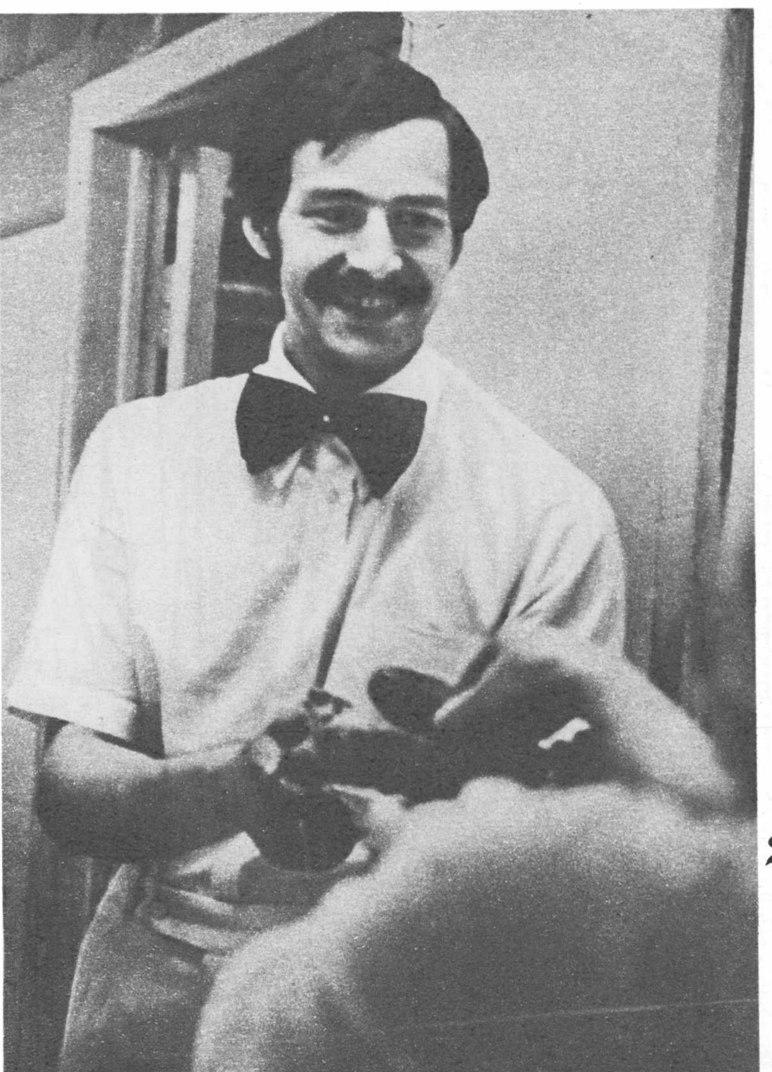
Немалый путь для человека, которому недавно исполнилось 24 года. И где бы ни учился, где бы ни работал этот человек, он всегда трудился с полной отдачей сил, с полной заинтересованностью. И жена Николая Крылова, Рита Крылова, так же, как и ее муж, любит общаться с людьми. И вот, хорошо зная французский язык, Рита стала работать стюардессой на заграничных рейсах Аэрофлота, а теперь повышает свою квалификацию, готовясь к тому, чтобы обслуживать на воздушных трассах гостей Олимпиады.

— А что, профессия официанта легче, чем рабочего? — спросили мы Николая Крылова.

— Нет, труд официанта требует немалых физических усилий,— ответил Крылов.— Ведь ему приходится проводить многие часы

БЫСТРО,

1

ВНИМАТЕЛЬНО И РАДУШНО

под крышей ресторана, вышагивать многие километры от столика к столику, таскать тяжелые подносы. И при этом он должен улыбаться людям, ни за что не показывать, что ему трудно, быть готовым выполнять все их просьбы, уметь удовлетворить самые разные желания. И люди, с которыми официант общается, разные не только по своим вкусам, но и по своим национальностям. Ведь нам, работникам ресторанов Интуриста, приходится обслуживать гостей из многих стран мира. Поверьте мне, искусство официанта требует прежде всего любви к своему делу, большого опыта, неустанного желания совершенствовать свое мастерство. И настоящей спортивной тренировки. Вот я, например, тренирую твердость своей руки (это первое требование к официанту — твердая рука) в бассейне. Регулярно занимаюсь плаванием, люблю этот вид спорта, и он мне очень помогает.

И какое удовольствие испытываешь, когда люди, которых ты увидел впервые всего час-два тому назад, к концу своего визита считают тебя своим старым добрым знакомым. А как это важно, если помнить о том, что ты представляешь свою страну, что с общения с тобой наши гости начинают с ней свое знакомство.

Вот почему меня так обрадовал успех, который выпал на мою долю на Всесоюзном конкурсе в Москве: ведь победа на нем позволяет мне и моим товарищам по команде, занявшей второе место, рассчитывать на участие в Олимпиаде-80. И, может быть, мне посчастливится обслуживать на Олимпийских играх именно тех спортсменов, которым я больше всего симпатизирую,— пловцов.

Но до начала Олимпиады еще год, и мы с моим товарищем Толей Федоровым намерены использовать это время, чтобы еще лучше подготовиться к тем двум неделям, когда мы должны будем проявить все свое мастерство.

Вот что рассказал нам Николай Крылов, и мы пожелали ему радости и успеха в его скромной и трудной работе, так нужной людям.

До встречи на Олимпиаде!

1 Члены ленинградской команды, занявшие на олимпийском конкурсе второе место. Михаил Козырев — метрдотель ресторана гостиницы «Прибалтийская», Анатолий Федоров и Николай Крылов — официанты ресторана гостиницы «Астория», Михаил Хальфин — капитан команды, зам. директора ресторана гостиницы «Ленинград».

2 Н. Крылов за работой.

3 Рита Крылова с преподавателем Т. С. Прохоровой.

3

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

